

Актёр

АКЕРМАН

(Не) послушная
трусилка

МАЖКОРА

— Отпусти! Ты не можешь так со мной поступать! Я человек, а не кукла какая-то! Он усмехается. В ярко-голубых глазах танцуют черти. — И что ты сделаешь? Его вопрос обескураживает. И правда, что я сделаю? Сейчас я одна, всем плевать, где я и в порядке ли. Мне не справиться с ним, мы оба это понимаем. Безумие. Беснаказанность. И моя беспомощность. — Чего ты хочешь? — цежу сквозь сомкнутые зубы. — Ты знаешь ответ, — ухмыляется он и шагает ко мне, оказываясь на расстоянии вдоха. Знаю. Меня.

Глава 1. Удар по яйцам

— Да чтоб тебя, — рычу сквозь сомкнутые зубы, пытаюсь достать с полки листы для лазаньи.

Какого чёрта их кладут так высоко? Неужели никто в нашем городе не готовит дурацкую лазанью, так что их специально закинули повыше?!

Тянусь на цыпочках и поглаживаю коробку, но никак не могу её подцепить. Не будь у меня в руках кучи всего, было бы легче, но носиться по всему магазину в поисках нашей тележки у меня желания нет.

Неожиданно меня накрывает тенью. Ничем хорошим это обычно не заканчивается, так что я резко оборачиваюсь и отталкиваю подошедшего.

Ой, бли-и-и-ин...

Я подумала, что ко мне опять подкрался брат. Он вечно пытается напугать до визга, а потом наслаждаться моим глупым видом.

Но это не брат, а высокий парень с тёмными аккуратно уложенными волосами. На первый взгляд мы с ним ровесники, но, стоя рядом, я чувствую себя ребёнком.

Он родился в качалке или что? Чем нужно питаться, чтоб плечи такие широкие стали?

Смотрю ниже и вижу на тёмной рубашке мокрое пятно. Вздрагиваю и поднимаю взгляд. Пронзительные ярко-голубые глаза смотрят с недовольством. Даже осуждением. По пальцам течёт нечто липкое, и в этот миг я, наконец, понимаю, что случилось.

Яйца.

Я разбила об него яйца, которые держала вместе с пачкой туалетной бумаги, фольгой для запекания и банкой горошка.

— Ой.

Выразительные глаза незнакомца сужаются, а в следующий миг он делает шаг на меня. От неожиданности и какой-то неотвратимости этого, я роняю покупки на пол. Повреждённая упаковка яиц в дурацкой ячейке из тонкого пластика противно скрипит.

— Прости, — натягиваю я улыбку и отскакиваю от него. — Мне жаль, правда.

Господи боже мой. Он же меня об колено сломать напололам может!

Я уже почти решаюсь на позорный побег или истеричную мольбу о помощи, как он ловит меня за руку и вкладывает в неё что-то прямоугольное. Опускаю взгляд и вижу коробку нужных мне макаронных листов.

— Ты в норме, нет? — спрашивает он, поднимая руки так, будто собирается свернуть мне шею за порчу его крутой рубашки.

Я замираю. Лёгкие наполняет какой-то ненавязчивый, но очень вкусный запах мужской туалетной воды. Он так близко, что я вижу своё отражение в его глазах. О чём он спрашивал вообще?

Парень отстраняется и хмыкает. Отступает на шаг и смотрит на меня свысока, только после этого я вспоминаю, как дышать.

Ух... Что со мной?

— Прости, — повторяю я, растягивая губы в неестественной улыбке. — Давай я... постираю её? Не заметишь даже.

Бровь незнакомца заинтересованно поднимается.

— Что, прямо здесь снимать?

Мне нравится его голос. Хрипловатый, взрослый. Наверно он всё же старше.

Рассеянно киваю, а после понимаю, что именно несу.

— В смысле нет! Я... Ты меня запутал!

На губах парня появляется самодовольная ухмылка.

— Но рубашка испорчена. По твоей вине.

Я хмурюсь. Он что, хочет, чтобы я химчистку оплатила? Или новую купила? Первое ещё возможно и приемлемо, если, конечно, речь не идёт о какой-то супер-дорогой химчистке, то на вторую у меня вряд ли хватит денег.

— Прости, — повторяю я в третий раз. — Мне правда очень жаль. И я готова исправить ошибку...

— Отлично. Тогда ты едешь ко мне.

Глава 2. В большой семье каждый сам за себя

Я хлопаю глазами. Что? Он про что вообще? Какой домой?

— Зачем?

Надеюсь, что я всё же неправильно его поняла. Ну или он шутит. На кой чёрт я сдалась? Ему с такой внешностью любая на плечо с радостью запрыгнет, а мне... Мне некогда. У меня других дел невпроворот.

— Ну как же, — парень ведёт плечом. — Рубашку стирать. Сама запачкала, сама исправишь. Справедливо же? Или ты о чём подумала, извращенка?

Я возмущённо вскидываю подбородок. Очень хотелось ударить по другим яйцам. Ну или пощёчину ему залепить хотя бы. На худой конец швырнуть в него лазаньей!

— Сама готовишь? — спрашивает он, будто лишь сейчас замечает, что у меня в руках, а дал её пару минут назад.

— Какая разница?

— Большая. И рубашку постираешь, и поесть приготовишь, — скалится идеально ровными зубами.

Да кем он себя возомнил? Что за манеры? Мы друг друга впервые видим, а ведёт себя так, будто сто лет друг друга знаем. Может он меня с кем-то перепутал?

— Вот ещё, — фыркаю я. — Ты за кого меня принимаешь?

— За ту, кто мне должна.

— Это же просто рубашка, — не сдаюсь я.

— Вдруг мне её подарила любимая и давно почившая бабушка? — ухмыляется наглец.

— О, ну ради бабушки... — киваю я, а после немного повышаю голос. — Я всё равно не поеду не пойми куда с незнакомцем!

— Артём.

— Чего?

— Я теперь не незнакомец, — он хватает меня за руку и, переступив через фольгу и уничтоженные яйца, тянет меня к выходу.

Два шага и меня охватывает паника. Он серьёзно? Вот так, посреди дня взять и похитить? Маньяк какой-то не иначе.

— Эй, а ну пусти! — выворачиваю руку. — Я кричать буду! У меня брат тут, в магазине!

— Как тебя зовут-то хоть?

— Не твоего ума дело! Отпусти, сказала! Помогите! Я его не знаю!

— Ну начинается, — он так естественно закатывает глаза, что я скоро начну думать, он подрабатывает актёром. — Я всё равно не куплю тебе сумку за триста тысяч.

Две женщины провезли мимо нас тележку, и с осуждением глянули на меня. Замечательно.

А он талантливый. Актёрская игра на высоте.

— Хватит уже, — усмехается маньяк. — Иначе на плечо закину.

— Рискни здоровьем!

— Маринка, ты чего орёшь?

В проходе появляется мой брат Женька. В руках внушительная башня полуфабрикатов, под мышкой банка колы. У нас семейная нелюбовь ходить к тележке миллион раз и подсознательное стремление принести всё в один заход.

— Женя, уйми этого придурка, — я выпрямляю спину и победоносно смотрю на маньяка-Артёма, но тот даже и не думал волноваться. То ли противник не особо впечатлил (чисто фигурой, он сейчас абсолютный альфа гипермаркета), то ещё что.

Пока я вглядывалась и старалась не захлебнуться в синеве глаз, Женька выдал.

— О, Тёма, здорово. Ты какими судьбами в этом районе?

Эм... они знакомы?

— Артём, — поправляет маньяк. Ему явно не нравится сокращение имени. К моему удивлению, брат капитулировал, подняв ладони будто сдаваясь. Какого чёрта?

Я ещё раз оглядываю «Того-кого-нельзя-называть-Тёмой». Никогда не видела его в компании брата или его друзей. По Артёму чувствовалось, что он какой-то другой и вряд ли согласился бы общаться.

— Всё понял, не дурак, дурак бы не понял, — выдаёт Женя одну из «лучших» шуток и смотрит на меня. — А чё у вас случилось-то? Подрались что ли? Маринка, тебя мать за яйцами послала.

— Я их разбила. Об него.

— Но ты же обязательно всё справишь, — ослепительно улыбается маньяк. Не пойму, он меня подкалывает или что?

— Марин, ну ты нормальная, нет? — резко «переобувается» Женька. — Надо исправить.

— Он хочет, чтоб я к нему ехала! — жалуюсь я.

Наши отношения сложно назвать нормальными. Мы с братом часто ссоримся, но мне кажется, я могу на него рассчитывать. Особенно в таких ситуациях. Ну не отправит же он меня не пойми к кому, правильно? Семья так не поступает. Женька выручит меня.

Его ответ удивил.

— Надо, значит надо! — брат снимает с полки новую лазанью и водружает на вершину своей стопки. — Иди, я перед матерью прикрою.

Я давлюсь возмущениями и этим пользуется Артём, подхватывая и забрасывая меня на плечо, будто я ничего не весила.

Глава 3. Мастер пикапа

Наверно самым правильным действием в такой ситуации было бы орать и брыкаться, но я... молчала.

Я не знаю почему, но мне до ужаса стыдно. А ещё я не могу поверить, что мой брат такое допускает, лишь усиливает эффект.

Все на нас пялятся! Я буду казаться истеричкой, если устрою сейчас скандал? Божечки, как же сложно рот открыть. Страх стал моим кляпом.

— Эй, брат, ты в каком отделе такую задницу зачётную выбрал?

Вспыхиваю до кончиков волос и дёргаюсь, чудом не свалившись на пол.

— Такую в гипермаркете не купишь, — хмыкает маньяк, после чего перехватывает меня на руки так непринуждённо, будто я ничего не вешу.

— Так, а ну поставил меня на ноги! — возмущаюсь я и начинаю колотить его по спине.

Просьбу проигнорировали. Да он на кассе не расплатится!

— Марина! Ты что себе позволяешь?!

Я вздрагиваю и резко выгибаюсь. Артём не удерживает и выпускает меня.

Нет-нет-нет... Только не это. Не она. Не сейчас... Боже мой.

Неловко приземляюсь на ноги и отскакиваю подальше. На всякий случай.

— Тебя вообще из дома выпускать нельзя?! — возмущается мама, подходя к нам и толкая перед собой гружёную тележку будто таран. — Отстань от парня!

В смысле отстань? Это он меня схватил вообще-то!

Оглядываюсь по сторонам. Слишком много свидетелей очередного моего позора.

— И где листы лазаньи? — продолжает ворчать мама. — Я тебя зачем отправила?

— Да нет же... я...

— Ясно всё, — цокает языком мама. — Может повзрослеешь уже и начнёшь вести себя нормально?

Собираюсь ответить, но она вскидывает палец. Подобравшиеся к глазам слёзы всё же срываются с ресниц, и я трясусь головой, чтобы избавиться от них. Даже объяснить не даст. А попытаюсь, скандал будет масштабнее.

Унизительно.

Злюсь. На маму за разборки на людях, за Артёма, что втянул меня в этот скандал. Стоит теперь, тупит. Уже не такой смелый, да?

— Прошу прощения, — внезапно выходит он из ступора. — Это моя вина, отвлёк Марину от покупок. А листы лазаньи взял Евгений.

Я давлюсь воздухом. Это что за образ джентльмена?

— Ой, не вмешивайся, — фыркает мама, не впечатлённая перформансом. — Нечего её защищать. Одна дурь в голове. Кто тебя такую замуж-то возьмёт? Мучиться с тобой до старости теперь.

Ну конечно. Кем он возомнил себя, ага?

Другие покупатели, теперь смотрят с осуждением. Пока я пытаюсь совладать с эмоциями, мама докатывает тележку до меня.

— Кати давай. Хоть какой-то прок от тебя будет! Не поедешь больше в магазин, раз вести себя не умеешь!

Поджимаю губы и берусь за ручку, низко опустив голову. Меня устраивает эта роль.

Катить тележку, конечно, тоже можно неправильно. Но спорить я не буду.

Мама удовлетворена моим раскаянием и, хмыкнув, дефилирует в следующий коридор из стеллажей. Артём, к счастью для всех нас додумывается остаться на своём месте, но я чувствую спиной его взгляд.

Жесть... Я наверно тоже больше никогда не поеду с мамой в магазин. Сейчас кажется, что быть похищенной симпатичным маньяком, не такая уж плохая участь. Всё познаётся в сравнении, да?

Мы продолжаем набирать тележку. Мне стало чуть спокойнее, но сердце всё ещё долбило в горле. Дышу так, будто грудь сдавливает проволока.

Приходит Женя и как не в чём ни бывало сгружает свои покупки. Будто ничего не произошло, и он не имеет никакого отношения к тому, что меня почти похитили. Мама тут же переключает тон с раздражённого на ласковый. С ним всегда иначе разговаривают.

Женечка то, Женечка сё. Ой, смотрите, что он нарисовал. Ой, Женечка получил пятёрку за сочинение. Смотрите, он тыкает на кнопки компьютера. Хорошо, что хоть кто-то из детей нашей семьи идеален. Я вот даже дышу неправильно. И значит, на меня можно орать в магазинах для восстановления вселенского баланса.

Достало.

Одно хорошо, когда приходит Женя, меня перестают замечать. Можно просто катить тележку, смотреть перед собой и пытаться успокоиться.

На автомате выгружаю покупки на ленту, набираю пакеты. Потом меня сменяет Женька, не забыв, конечно же, больно тыкнуть в бок, и я иду сортировать эти продукты по пакетам.

— Марина, ты совсем что ли? — шипит мама на ухо. — Кто кладёт помидоры с крупами? Эти пачки их передают.

Ну спасибо хоть тут шёпотом.

— Ой, всё, — она не выдерживает и отталкивает меня. — Ничего нормально не делаешь.

Что за день, а? Я понимаю, что не надо складывать бытовую химию в один пакет с едой, но всё остальное-то. У мамы есть какое-то внутреннее чувство фэн-шуй, постичь которое мне пока не удалось. Любое отклонение — расстрел.

Может сегодня Меркурий в ретрограде? Надо начать заниматься астрологией, хоть знать буду, в какие дни лучше из комнаты не выходить.

Пока Женька оплачивает, гляжу по сторонам, боясь увидеть Артёма, но маньяк, вероятно, выбрал жертву поговорчивее. А жаль, я почти согласна быть похищенной.

Вот так всегда. Добавлю его в длинный список своих упущенных возможностей.

Довожу тележку до машины, и мы с Женькой начинаем грузить пакеты в багажник и на заднее сидение. Мама изучает свиток чека, время от времени уточняя что-то. У брата, естественно.

— Так, а яйца где? — она поднимает голову и смотрит на меня. — И горошек. Это же ты должна была купить.

Поджимаю губы. Сказать, что яйца остались на рубашке маньяка?

Мама качает головой и поворачивается к Жене.

— Сынок, пойдём со мной. Посмотришь по полкам, может ещё что забыли. У тебя память лучше.

Да-да, валите. Оставьте меня в покое хоть ненадолго, я всё ещё продышаться не могу.

Женька кладёт руку мне на голову и треплет волосы. Я отталкиваю его и достаю из телеги следующий пакет, чтобы он мог увезти её на место и забрать монетку. Закрываю багажник и, прислонившись к машине спиной, медленно выдыхаю.

— У тебя странная мать.

Я чуть не подпрыгиваю, когда рядом оказывается Артём. Вместо испачканной рубашки на нём белая футболка.

— Ты... что тут... отвали!

— Ладно, не злись, — усмехается он и протягивает мне пакет.

— Что это?

— Рубашка, — невозмутимо поясняет он. — Ты же хотела, чтобы я её снял.

У меня вырывается нервный смешок. Серьёзно, блин?

— Ладно, — забираю пакет. — Я же пообещала. Как мне её вернуть? Женька знает, как тебя найти?

— Нет. Пиши номер. Как закончишь, спишемся или созвонимся.

Я хмыкаю и лезу в сумку. Артём зависает ненадолго, когда видит, что он у меня кнопочный. С вызовом поднимаю подбородок, мол, а что такого? Парень пожимает плечами и диктует номер.

— Набери.

— Зачем?

— Проверить, правильно ли назвал.

Я жму вызов. Кнопка немного западает, так что приходится надавить посильнее. Наконец, телефон отзывается, и я слышу негромкую мелодию из кармана Артёма.

— Сохрани номер, — добровольно принудительно просит он. — Мало ли что.

— Например? — с вызовом поднимаю подбородок.

— Например я проголодаюсь и захочу лазанью, — усмехается он и разворачивается, бросая через плечо. — До встречи, Марина.

Этот парень псих какой-то. Может в дурку позвонить? Чего у них пациент не в смирительной рубашке погулять вышел? И таскает на плечах всяких дурочек вроде меня.

Выдыхаю только когда он скрывается за припаркованными машинами в соседнем ряду. Смотрю на телефон и вдруг смеюсь.

Интересно, бывает ли ещё более странный способ получить номер телефона? Может безопаснее выбросить его, сломав сим-карту?

Немного подумав, я сохраняю номер с именем «маньяк из магазина».

Глава 4. Новая фобия

Когда возвращаются Женька с мамой, я уже спрятала рубашку в свою сумку и спокойно сижу в машине, с закрытыми глазами. Устала — жуть просто, но сама виновата. Не надо было соглашаться ехать с ними в магазин. Осталась бы дома и поспала, так нет. Теперь до работы часа четыре в лучшем случае.

— Марин, ты приготовишь сегодня? — спрашивает мама, падая на сиденье. — Я что-то вообще никакая.

— Нет, — отвечаю, не открывая глаз. — У меня работа сегодня, я хочу поспать.

— И что? У меня тоже, знаешь ли, — мама дёргает плечом. — Вот только мне уже пятый десяток, а тебе двадцать.

Поджимаю губа и открываю глаза.

— А почему Женя не может приготовить?

Брат усмехается. Будто я сказала какую-то невероятную глупость.

— Не дерзи, — хмыкает мама. — У Женечки ещё проект не закончен, верно, сынок?

— Да, — вздыхает тот, поглаживая руль и пристёгиваясь. — Да и, если честно, я не уверен, что меня можно подпускать к плите. Если, конечно, вы не хотите умереть сегодня.

Я закатываю глаза. Как же всё достало.

Конечно я пойду готовить, надеясь на то, что не усну на смене. Маме сложнее, она работает в больнице, там всю ночь на ногах. Мне в круглосуточный цветочный, а там может вообще никто не появиться до рассвета.

Мимо проносятся фонарные столбы, улицы, другие машины. Если так подумать, сегодня самый необычный день в нескончаемой череде однообразия. Я даже не помню, когда со мной случилось что-то интересное, а сегодня вот, попытка похищения и маньяк, который стрельнул телефончик.

Мне не везёт по жизни. Естественно. Я смотрю на людей вокруг, знакомых, друзей и кажется, что жизнь к ним намного благосклоннее, чем ко мне. Кто-то удачно нашёл работу, кому-то повезло в отношениях, третий выиграл в каком-то конкурсе. Я рада за друзей, но злюсь на себя за неудачи. Всегда кажется, что можно было сделать больше, постараться лучше.

Даже с семьёй абзац.

Отец уже очень давно с нами не живёт и общаться не сильно-то спешит. Да и не знаю я, о чём с ним говорить. Пока мы жили все вместе он только и делал, что лежал на диване и смотрел телевизор. Делами моими не интересовался, говорить нам было не о чем.

Брат на своей волне. Он что-то программирует, находя заказы в интернете. Время от времени уходит со своими друзьями не пойми куда играть в приставку и пить. У нас странные отношения, но мы ладим настолько, насколько вообще могут ладить брат и сестра.

Зато, если у меня ломался ноутбук (что, признать честно, случалось с завидной регулярностью), я могла пойти к Женьке и сказать, то у меня лапки. Он ворчит, но помогает.

Медленно выдыхаю.

Интересно, чем сейчас занимается Артём? Пока прятала его рубашку, заметила, что на ней ярлык известного, а значит недешёвого бренда. Интересно, если наша стиралка запортит её, он стрясёт с меня стоимость? А то, боюсь, мне придётся добровольно сдать его в рабство и то не факт, что рассчитаюсь до конца жизни.

Как он вообще пришёл к идее познакомиться со мной? Наглый такой, капец, конечно. Я чуть с ума не сошла, когда он меня на плечо закинул.

Доехав до дома, мы кое-как затаскиваем сумки, и я нагло ухожу в душ, чтобы не заниматься разгрузкой пакетов. Если мне ещё еду готовить на всю семью. Мама ворчит, конечно, но выбора ей я не оставляю.

Закончив, возвращаюсь в комнату и сажусь на кровать, промакивая волосы полотенцем. Взгляд сам собой падает на сумку, из которой я вытаскиваю пакет с рубашкой Артёма. Оглядываюсь на дверь, убеждаюсь, что закрыта.

Вытягиваю её из мешка и расправляю. Комната наполняется приятным ароматом мужского парфюма. Кажется даже, что он сейчас здесь, прямо передо мной. В животе возникает странное ощущение. Я бы не назвала это бабочками, скорее волнением и интересом.

Усмехнувшись, подхожу к зеркалу на дверце шкафа вместе с рубашкой. Прикладываю к себе, пытаюсь определить, насколько он крупнее и как мы смотрелись рядом. Мда. Если бы я решила надеть её, то это была бы рубашка-платье. Добавь пояс и можно на вечеринку.

Трясу головой и смотрю на себя. Улыбка соскальзывает с лица.

Какие мне вечеринки? И Артёмы? Я простая девчонка. Может симпатичная, но не более того. Не стоит обманываться тем, что красивый парень, которому я испортила одежду, не просто наорал на меня и назвал неуклюжей идиоткой или кем похуже, а дал возможность всё исправить.

Да, это куда логичнее. Мама всегда говорила знать своё место. И это место у условного корыта, отстирывая пятно. Или на кухне, варить борщи, чтобы, опять же условный муж, был всем доволен. Это не особо похоже на «женское счастье», но мама говорит, что я пойму, когда вырасту.

А мне не хочется расти. Точно не в эту сторону.

Заставив себя улыбнуться отражению, я складываю рубашку обратно в пакет и прячу в шкаф. Займусь ей завтра. Постирать-то ладно, надо придумать, как её сушить. Не хочу, чтобы мама видела и задавала глупые вопросы. Опять отчитает за то, что накосячила. Затем беру телефон, нахожу номер маньяка и пишу:

«Выбираю пятновыводитель. Тебе какой запах больше нравится: маракуйя, ваниль, весна в лесу или кокосовое наслаждение?»

Улыбаюсь шире и кидаю телефон на кровать. Не знаю зачем я это делаю. Наверно из чувства справедливости. Он же надо мной поиздевался.

Сушу волосы и замечаю, что экран засветился от входящего сообщения.

«Любой, кроме ванили»

Надо же, какие мы нежные. Я понятия не имею, есть ли такой пятновыводитель, но кондиционер для белья я точно найду. Может назло выбрать именно ванильный?

«О, как жаль. Мне нравится ваниль. Что ж, буду страдать, пока отстирываю пятно».

Телефон молчит подозрительно долго. Я начинаю думать, что он так желает мне

страданий за всё случившееся сегодня, а потом вздрагиваю от входящего вызова. Я хватаю его двумя руками и вскакиваю на ноги. Сердце ускоряется, по дыханию кажется, что я только с пробежки. Руки начинают трястись и возникает неадекватное желание выкинуть телефон в окно и спрятаться под одеялом.

Боже мой, чего он от меня хочет? Что мне делать? Сбросить вызов? Ответить? А что сказать?

— Марина! Телефон! — орёт Женька из соседней комнаты.

Знаю я блин, что телефон!

Кажется, сегодня у меня началась фобия отвечать на звонки. Навожу палец на кнопку сброса. Поджимаю губы, сглатываю, а после перевожу на зелёную кнопку с трубкой.

Была не была. Не убьёт же он меня по телефону, правильно?

— Алло?

Глава 5. (Артём) Мятный номер

Толкаю дверь клуба плечом и втаскиваю внутрь упаковки бутилированной воды. Отдыхающие на диванах тренера тут же подсакивают и несутся помогать.

— В машине ещё есть, заберёте?

— Без проблем, босс.

Усмехаюсь. Немного странно такое слышать от людей старше меня, но привыкаю. Нашёл это место в полном запустении чуть меньше года назад, выкупил и присоединил к семейной сети фитнес-клубов. Мы уже вышли в плюс, несмотря на то что вкладывались в капитальный ремонт, закупка оборудования и обучение тренерского состава. Теперь они настоящие профи, а значит у наших клиентов получаются крутые результаты.

Дотаскиваю коробку до девчонок администраторов и тут же получаю в награду кокетливые улыбки.

— О, привет, Артём. Ты тренироваться сегодня?

— Хотел бы, да не успею. Работы много.

— Жаль... Пришёл в футболке, мы уж надеялись.

Развожу руками, достаю из упаковки бутылку и иду в свой кабинет, чтобы не мешаться.

На одной из стен рисунок пляжа и заката. Отец, когда увидел, пошутил о том, что теперь у меня настоящее море работы. Это, увы, правда, но мне нравится. Особенно мысль о том, что у меня вышло, не только найти перспективное место, но ещё и развить его настолько быстро. Не без советов отца, само собой, но всё же это моё заслуженное.

Раскрываю ноутбук. На экран немедленно выпрыгивают уведомления из соцсетей, отметки на фото. Очередная пропущенная гулянка и упрёки, что я пропускаю всё веселье. Попробовали бы они администратора на постоянку найти, — вот это действительно весело. Насколько, что глаз дёргается.

Милана отправила в личные кучу фото из примерочной, но сейчас мне не хочется выбирать с ней платье, так что пишу, что она прекрасна во всех, так что пусть слушает себя и выбирает то, в котором ей удобнее.

Телефон вибрирует и на экране высвечивается номер, который я не сразу узнаю. В моём списке контактов нет имён, привычка ещё со школы. Я тогда насмотрелся шпионских фильмов и в качестве конспирации стал запоминать номера, чтобы никто не догадывался, кто мне звонит или пишет. Тогда же осознал, что я синестетик, — цифры вызывают у меня ассоциацию с цветами, поэтому запоминать номера телефонов легко.

«Выбираю пятновыводитель. Тебе какой запах больше нравится: маракуйя, ваниль, весна в лесу или кокосовое наслаждение?»

А, вот ты кто. Так и думал, что её цифры будут восприниматься как мятно-голубой. Красивый цвет. Ей подходит.

«Любой, кроме ванили»

«О, как жаль. — отвечает она. — Мне нравится ваниль. Что ж, буду страдать, пока отстирываю пятно».

О, кто-то решил подерзнуть мне? Интересно.

Ноутбук звякает новыми уведомлениями от Миланы, которая недовольна моим безразличием к цвету её платья. Закрываю крышку и встаю, чтобы выйти на террасу, где падаю в кресло и вскрываю бутылку воды. Смочив горло, набираю мятную.

Слушаю гудки, а после робкое:

— Алло?

— Что для тебя запах ванили? — без приветствия спрашиваю я.

— Эм... э-э-э...

Ну же, девочка, не сдавай позиции. Решила дерзить, иди до конца.

— Не знаю. Просто нравится.

— Чаще всего мы определяем, что нам нравится или нет, на основе каких-то ассоциаций. Если тебе расскажут что-то хорошее, когда ты пробуешь новое блюдо, то с большой долей вероятности ты его полюбишь. Если наоборот, тебя расстроят, то блюдо вряд ли тебе понравится и всю оставшуюся жизнь будешь от него отказываться. Понимаешь? То, что с нами происходит, напрямую определяет наши вкусы.

— Э-э-э... — снова теряется Марина. — Наверно.

— Тебе кажется странным начало этого разговора?

— Да, — слышу, как она посмеивается. Хороших знак. Я ей понравился. — Есть немного. Но, знаешь, после попытки похищения уже не так удивляюсь.

— Значит я сдаю позиции?

— Эм... Нет, что ты, — она снова смеётся. — Я просто... не знаю, как поддержать этот разговор. Это звучит круто. Про восприятие вкусов, никогда о таком не задумывалась. Были какие-то исследования, да?

— Не знаю, — теперь усмехаюсь я. — Я это только что придумал.

Повисает пауза, а потом Марина хохочет. Искренне так. Я тоже улыбаюсь поначалу, а после слышу в её голосе что-то... настораживающее.

— Всё нормально?

— Да. Прости, ты такой странный.

— Я не о себе. У тебя всё нормально?

— Ну да. Устала только. Эти магазины жуть как выматывают, — врёт она.

— А тут я ещё со своей рубашкой, да? Ладно, можешь за неё не беспокоиться. Не отстирается — так и чёрт с ней.

— Да нет, серьёзно, — она пытается исправиться, но лишь подтверждает мои догадки. — я в норме. И рубашку отстираю. Прости ещё раз за неё. Неловко вышло.

— Ерунда. Вечером что делаешь?

— Эм... работаю. А что?

— Да думал, раз это такая ерунда, смогу заехать, — поддеваю я. — Ладно, шучу, рубашка правда ни при чём. Хотел кое-что показать. Ты где работаешь?

— Так я тебе и сказала, — хмыкает она.

— М-м-м, хочешь поиграть в «попробуй выясни»?

— Нет, я думаю, что ты странный и ведёшь себя как маньяк. Поэтому я не буду говорить, куда я хожу и где работаю.

— Значит, всё-таки игра. Принимаю вызов. Что будет на кону?

— Эй, так нечестно!

— Обещаю ни о чём не спрашивать твоего брата, — предугадываю продолжение её фразы. — Так честнее?

— Ты ведёшь себя как настоящий маньяк! — возмущается она. — Чего тебе от меня надо?

— Мне просто скучно, — честно признаюсь я. — А знакомство с тобой вышло интересным. Хочу узнать, что из этого получится.

— Ничего, — хмыкает она. — Ты маньяк. Я на тебя заявление напишу.

— Не напишешь. Тебе тоже интересно.

Она не отрицает.

— Что ж, тогда до вечера?

— Ты ненормальный, — повторяется мятная. — Учти, я буду держать набранным номер полиции.

— Тебе нужен новый телефон. Кнопка западает, — вспоминаю я.

— Мне нравится этот, — фыркает она, на фоне слышно чей-то голос. — Всё, мне пора.

Да, мне тоже надо много всего сделать. Опускаю руку с телефоном и усмехаюсь. Есть ощущение, что моя рубашка всё же будет пахнуть ванилью.

Телефон снова вибрирует в руке. Цифры на экране кажутся грязно-розовыми.

— Да?

— Артём, что происходит?! — в её голосе звенят нотки истерики. — Ты чем там занимаешься? С кем ты?!

— Я на работе, Мила. Занимаюсь цифрами, договорами и финансами.

— Зачем ты врешь мне? — вскрикивает она, но берёт себя в руки. — Нам нужно серьёзно поговорить, Артём. Приезжай ко мне вечером.

— Сегодня не могу. У меня планы.

— Так отмени их! Это важно Артём! Всё, целую, жду! — быстро тараторит она и сбрасывает, чтобы я не успел возразить.

Глава 6. Затишье перед бурей

После разговора с Артёмом сон снимает как рукой. Я на нервах даже мокрое полотенце уношу в ванну, а не забываю в комнате, как обычно. Затем торчу у плиты, обеспечивая нас едой на пару дней (дурацкой лазаньей в том числе) и не замечаю, как пролетает время. Пора собираться.

Интересно, Артём правда придёт?

Это совершенно нездорово. Мне не стоит поощрять подобное и точно следует его опасаться, но почему-то во мне, помимо прочего, просыпается ещё и интерес, может даже подростковый бунт. Мне хочется узнать, что будет дальше, хоть я и понимаю, что могу угодить в большие неприятности.

С другой стороны, как говорил котёнок Гав, как не пойти, неприятности же ждут.

Проходя мимо комнаты Женьки, я останавливаюсь и заглядываю.

Брат организовал своё логово так, что, входя, ты едва не врезаешься в компьютерный стол. Говорит, ему спокойнее, когда он видит, как кто-то заходит, но я не представляю, как он кого-то замечает из-за большого экрана и дополнительного монитора справа. Здесь всегда душно, потому как окна занавешены, а возиться со шторами Женьке лень.

— Слушай, — я подпираю плечом дверной косяк и рассеянно рассматриваю ногти. — А Артём... ты его знаешь?

— М? — брат высовывается из-за экрана и вынимает наушник. — Чего тебе?

Блин. Надеюсь, в полумраке не видно, что я краснею. Но надо разобраться, с кем я имею дело.

— То, что сегодня случилось, — пользуюсь моментом и меняю тон вопроса. А то ещё подумает, что я всерьёз заинтересована Артёмом. — Ты что, правда собирался позволить какому-то незнакомому парню меня похитить?!

— Да не тронул бы он тебя, — Женька закатывает глаза и снова смотрит в свои мониторы.

— Так себе поступок для брата, — поддеваю я.

— Марин, отвали а.

— Кто хоть он такой? Чем занимается? Меня бы в рабство продали?

— Я тебе ещё раз говорю, ничего бы он тебе не сделал! Доташил до выхода, посадил на лавочку и угостил конфеткой. Леонов странный, у него свои приколы, но ничего плохого он не делает.

Угу... Артём Леонов. Уже можно поискать его в соцсетях. В принципе, если я не буду краситься, то смогу немного пошуршать по интернету...

— Ты нормальный нет? — продолжаю играть. — Отдал сестру какому-то маньяку, про которого сам знаешь, что он неадекватный. Да я там чуть не поседела!

— Слушай отвянь, а? Работать мешаешь. Ты жива-здорова, Тёму я знаю, он нормальный чел.

Его нельзя назвать Тёмой, но поправлять я не стану.

— Кто он? Ты знаешь где живёт? Или работает? На случай если меня всё же похитили бы.

Женька пронзает меня раздражённым взглядом.

— Фитлайф знаешь? В центре открылся.

— Фитнес клуб?

— Да. Он там работает. Я им с железом помогал и компы настраивал.

— Фитнес-тренер, значит, — хмыкаю я.

Теперь понятно, откуда такая хорошая фигура. Эх, были бы деньги лишние, купила бы карту, да пришла к нему на тренировку — вот он удивится.

— Это его клуб, — огорошивает Женька.

— Врёшь, — хмурюсь я. — Откуда у него деньги на такое?

— Мне-то откуда знать, я туда работать приходил, а не с заказчиком заигрывать. Но если он тебя всё же похитит, может ты попросишь его подсобить, а?

— Иди к чёрту, — бросаю я и ухожу.

Так, можно не искать его. В принципе, всё интересное я уже узнала. Был бы у меня телефон нормальный, могла бы во время поездки поискать, но увы.

Быстро собравшись, я бегу обуваться, когда сталкиваюсь с мамой, притащившей мне контейнер с лазаньей.

— На, поешь там хоть.

Я собиралась огрызнуться, что опаздываю, но сдерживаю себя. В конце концов, это проявление заботы с её стороны, нужно пользоваться моментом.

— Спасибо.

— А салат ты не резала? — быстро меняет мама тему. — Женечку желудок беспокоит, ему овощи надо есть. Лакает эти энергетики сутками...

— У него что, лапки? — фыркаю я. — Не может сам себе салат порезать? Это же легко. Берёшь овощи и делаешь их удобными для поедания.

— Он работает, Марина. Хватит быть такой эгоисткой.

Я закатываю глаза и выбираю не ссориться.

— Всё, я побежала. Удачи на работе.

Мама сухо клюёт меня в щёку, и я выбегаю в подъезд.

До магазина чуть больше двадцати минут пешком. Если Артём всё же выяснит, где я работаю, он почти наверняка узнает и где живу. Надеюсь, он и правда просто странный, а не сделает чего-то плохого.

Небо затягивает тучами. И ощущение в воздухе такое... как затишье перед большой бурей.

Кажется, ночью будет дождь. Хорошо. Значит, посетителей можно не ждать. Может подремать смогу.

— Маринка, наконец-то! — Лера уже сидит «на чемоданах». Я с та-а-а-аким парнем на свиданку бегу, ты обалдела бы!

Я потом обалдею, когда она рассказывать будет.

— Зонт есть? Там дождь собирается.

— Нету. Но он на машине. Всё, пока-пока, не скучай. А, да. Я не успела поменять воду у роз новых. Сделаешь?

— Только у них?

— Ага.

— Ладно. Беги, хорошо отдохнуть.

Переодевшись, включаю музыку и принимаюсь за работу. Посетителей нет, примерно через полчаса начинается дождь. Я как раз убираю последнюю вазу в холодильник и сажусь на диван, сложив руки на животе. Люблю эту работу за вот такие спокойные вечера. Вообще,

у нас довольно мирно, если Восмое марта, первое сентября или другой массовый праздник далеко.

Продаю пару букетов, один спешащему в аэропорт мужчине, второй двум девушкам, которые идут на день рождения. Из разговоров понимаю, что они сёстры и хотят устроить сюрприз маме.

Хорошо им. Когда я однажды принесла маме цветы, собранные из оставшихся после кучи букетов. Она устроила небольшой скандал. Якобы, лучше б я продала их в магазине и получила деньги, которые нужны нам, чтобы закрыть огромные долги...

Увы, букетом больше, букетом меньше, сумма слишком большая.

Дождь совсем расходится. Я иду в служебную комнату устроить перерыв и заварить кофе, как вдруг колокольчик на входной двери звякает. Сердце начинает стучать чаще. Уже поздно, на улице ливень. Что-то мне подсказывает, что это не обычный посетитель.

Неужели Артём? Нашёл-таки?

Но... тревожно как-то. Непокойно. Будто что-то не так. Что-то плохое. Я впервые так чувствую. Очень не хочется туда идти, но надо. Там касса...

Ладно. Надо собраться. Это моя работа в конце-то концов. Нельзя прятаться как мышь. Сейчас я тут за всё отвечаю и за всё ответственна.

— Добрый вечер, — натягиваю вежливую улыбку, возвращаясь в зал. — Чем я могу вам пом...

Глава 7. Неприятные клиенты

В зал ввалились трое мужчин. Мокрые, грязные и явно навеселе. В руках у двоих по бутылке пива, последний тащит пакет, в котором, вполне вероятно, есть ещё.

— О-о-о, — тянет тот, что вошёл первым. — Какая милашка сегодня у нас тут.

— Ваще зачётная, — скалится второй, повисая на его плече. — А давно она работает? Устала поди. Надо расслабить!

Мне не нравятся их взгляды. Липкие, пошлые. Приятный запах цветов теперь перебивается перегаром и бог знает чем ещё. С распахнутой двери тянет сырым сквозняком.

— Я думаю, вы ошиблись заведением, — выдавливаю из себя, продолжая удерживать улыбку.

— Красавица, ну чего ты? — неразборчиво отвечает третий, который, кажется, едва понимает, что вообще происходит. — Такая погода. Хозяин собаки не выгонит, а ты.

— Да, чё ты такая негостеприимная!

Я сглатываю. Вот как быть в такой ситуации? Я впервые сталкиваюсь. Их трое и я с ними точно не справлюсь. Единственный вариант — вернуться в служебку и вызвать полицию. Но зачем вызывать? Они же ничего не делают...

Пока, — мрачно подытоживает внутренний голос.

Чёрт.

Ну, открытый конфликт мне точно не нужен. Попробую выпроводить их как-то мягко. Раньше срабатывало. Когда папа напивался и устраивал дома...

— Послушайте, это цветочный магазин. Если вы не за букетами, я попрошу вас удалиться. Мне нужно работать.

— Так мы тебе не мешаем, работай, — икает второй посетитель, помогая самому нетрезвому из компании плюхнуться на диван, а затем вытаскивает из пакета ещё одну бутылку и газету с, видимо, сушёной рыбой.

Господи, они что, собираются здесь бух... отдыхать?

— Так, молодые люди, я очень прошу вас удалиться, иначе мне придётся вызвать охрану, — вру я.

Никакой охраны у нас, само собой, нет. Это лишние расходы, как говорила начальница.

— Но-но, не ворчи, красавица. Хошь мы и тебя угостим?

— Да, подсаживайся к нашему столику. Отдохнём культурно. У тебя есть музон повеселее?

— Я прошу вас уйти. Здесь нельзя распивать спиртные напитки.

— Кто сказал?

— Я.

— У-у-у, какая грозная, — они ржут.

— Красавица, ну что ты. Прямо как жена моя. Ха-ха. Такая же пила.

Ясно. Разговаривать с ними бесполезно.

— Я вызываю охрану, — поджимаю губы и разворачиваюсь к подсобке. — Здесь вам не бар.

— Стой, стой! Эта... — мужчина упирается в колени руками, будто только что бежал. А можешь это, сделать букет!

— Да, — подхватывает второй. — Жене подарю!

Меня терзают сомнения, что им действительно нужны цветы.

— На витрине много вариантов.

— Не, эти какие-то маленькие. А ты можешь собрать... сто одну розу?!

— Цена такого букета двадцать тысяч, если без оформления.

Пытаюсь припугнуть их. Мужчины крепко задумываются.

— Дороговато. Но что не сделаешь для любимой женщины, да? Давай, собирай!

— Вас устраивает цена?

— Абсолютли, — гогочут мужики и рассаживаются на диване.

Я сглатываю. Фактически я имею право отказать им в предоставлении услуги из-за того, что они пьяны. С другой... иногда мы обслуживаем выпивших клиентов, если те спешат «извиниться» перед супругой, например. Вот и думай, где проходит граница допустимого.

Сложная ситуация. Фактически эти мужчины пока ничего плохого не делают. Они неприятны, заняли диван для гостей, не бунтят, даже сделали крупный заказ.

Даже если полицию вызову, что я им скажу? Уберите их, они меня пугают? Да и зная нашу полицию, после историй в духе «вот убьют, тогда вызывайте», на помощь уже не рассчитываю как-то.

— Красавица, ну чего ты замерла?

— Да, мы ждём букет!

Может я слишком предвзята? Ну да, выглядят они неприятно, пахнут тоже, но ведь это не значит, что я должна воротить нос, правильно?

Вздыхнув, иду к столу и вытаскиваю инструменты. Будто фокусница перед зрителями. Тот, что нёс пакет, уснул, двое других скользят по мне неприятными взглядами по очереди, прикладываясь к горлышкам своих бутылок.

— Какого цвета букет будем собирать?

— На твой вкус.

Я поджимаю губы. Вот чувствую, что зря трачу на них время. С другой стороны, попрактиковаться в складывании такого большого букета никогда не помешает. Если не купят, развяжу ленту и верну цветы в вазу. Если купят, принесу неплохой доход в кассу...

Медленно выдохнув, выношу из холодильника вазу и начинаю считать цветы. Большой плюс таких букетов в том, что можно вложить остатки из предыдущих партий. Они всё ещё презентабельны, но им лучше поскорее стать чьим-то подарком, пока красота не увяла.

— Краль, как тебя зовут, а? — интересуется мужчина.

— Это не имеет значения, — цежу я, стараясь не сбиться со счёта.

— Как не имеет?

Не отвечаю.

— А парень есть? — спрашивает второй.

— Да ты глянь на неё. Конечно есть. Задница огонь!

Сдерживаю гримасу отвращения. Нет, это всё точно добром не кончится. Сейчас пойду к холодильнику за новой вазой и сверну в служебку за телефоном. Надо позвонить Женьке, не знаю, кому ещё. Он добежит и поможет их выгнать, а я пока потяну время, складывая тот букет. Сделаю вид, что с первого раза не получится правильно сложить стебли. Что-то сомневаюсь, что они будут возражать.

Забираю опустевшие вазы и уношу. Вхожу в служебку, ставлю их в раковину и включаю воду, а сама бегу за телефоном. Набираю брата, жду. Он не отвечает достаточно долго.

— Марин, ты время видела, — слышится с той стороны сонный голос.

— Жень, у меня проблемы, — пытаюсь говорить тише. — Тут какие-то мужики пришли и пиво пьют. Можешь прийти и прогнать их?

— Марин, ну... я спать только лёг... Сил никаких.

— Пожалуйста, Жень! Мне страшно! Помоги!

С той стороны доносится неразборчивое мычание.

— Ты придёшь?

— Угу, — бурчит Женя.

— Спасибо! — радуюсь я и отключаюсь.

Оставляю вазы и возвращаюсь в зал. Так, теперь нужно потянуть время. Женька придёт где-то через полчаса, если не возьмёт машину. Впрочем, наверно возьмёт, там же такой ливень.

— Красавица, а где у тебя тут туалет, а? — один из посетителей практически зажимает меня у выхода из служебки, но я уворачиваюсь и иду к столу.

— У нас нет туалета для посетителей.

— Как нет? Ты тут терпишь что ли?

— Я не посетитель, — мне уже сложно сдерживать вежливый тон. — К нам приходят, покупают букет и уходят. Это не бар, повторяю.

— Ладно-ладно, я тебя понял, — он поднимает ладони.

Я возвращаюсь за стол, начинаю складывать цветы. Пальцы подрагивают. Идеального букета не получится, но мне уже плевать. Лишь бы поскорее от них отделаться. Меня нервирует то, что мужик так и ходит по залу, рассматривая витрины. Пока они сидели на диване в поле видимости, ощущался хоть какого-то контроль ситуации.

Второй допивает бутылку, к моему приятному удивлению, убирает её в пакет и закусывает. Потом поднимается и тоже бродит, удваивая градус тревожности.

Я хватаю первую попавшуюся ленту, даже не спрашивая про вкусы, и прячу черновую стяжку. Бант получается не с первого раза. Во многом потому, что посетители плавно смещаются к столу

— Готово, — я поднимаю букет, не зная кому из них вручить. — Рассчитываться удобно картой или наличкой?

— Удобнее всего натурой, — скалится тот, кто делал заказ.

— Такой вариант не принимается, — морщусь я и кладу букет на стол. — Не стоило делать заказ, если вы не собирались за него платить. Моё время тоже не бесплатно.

— Так это букет для тебя, цыпа.

— Уходите. Немедленно. Или я охрану вызову.

— Ой, да брось, краля. Не надо строить целочку, — тянет второй приближаясь. — Ты нам глазки строила? Строила. Мы не дураки, всё понимаем, можешь больше не кокетничать. Это когда интересно я им что-то строила?! Уже белочка пришла?!

Плохо дело. Они зажимают меня. Отрезают пути к отступлению. На стол лезть?

Где же Женька? Надеюсь, он подъезжает, иначе мне конец.

— Так, всё, — рефлекторно хватаю ножницы. — Прошу вас немедленно покинуть магазин!

— Но-но. Не надо кричать. Пока.

Второй ржёт, а мне плакать хочется. Чувствую на спине чью-то руку и пытаюсь оттолкнуть, но куда там. Оказываюсь прижата к стене.

— Это мы удачно заглянули за цветочками.

— Выбрали самый красивый, — второй касается моего живота.

— Нет!

Гул паники разрезает колокольчик над дверью. Я ожидаю увидеть Женьку, но вздрагиваю, поймав взгляд ярко-голубых глаз.

С ресниц срываются слёзы. Это маньяк.

Господи, как же я рада его видеть!

Глава 8. (Артём) Чужой райончик

Вожусь с документами до самого вечера. Долго думаю, не послать ли всё к чёрту и пойти в зал, но сдерживаюсь и заканчиваю работу. На улице уже темнеет, и мой кабинет погружается в приятный жёлтый цвет скрытой подсветки. Дождь совсем разошёлся. Видно, на всю ночь. Пора заканчивать.

Убираю всё в сейф и откидываюсь на спинку, раскрывая соцсети. Поиски Марины стоит начинать отсюда. Имя известно, фамилию знаю. Сомневаюсь, что у них с братом разная. У него же в друзьях быстро её нахожу.

Профиль закрытый, уже неплохо. Интересно. Основную информацию мне не видно, но я вижу отмеченное место работы и, перейдя по ссылке, смотрю на три адреса. Один в пригороде, сильно сомневаюсь, что Марина туда ездит. Два других в микрорайонах. Что ж, проверим.

Выключаю ноутбук и уже собираюсь выходить, как вдруг в кабинет врывается Мила.

— Леонов, ты вообще охренел?!

Спокойно киваю. Ну а что, на правду не обижаются.

Девушка, явно не ожидавшая такого откровения, хлопает ресницами. Её тренч вымок, с прозрачного зонта трости на пол капает вода. Немного помолчав, она берёт себя в руки и снова нападает:

— Я весь вечер жду твоего звонка.

— Зря. Я не собирался тебе звонить.

— В смысле не собирался?! А разговор?!

— Его хотела ты. Не я, — выхожу в коридор. Милана стучит каблучками следом. — Но раз уж пришла, я тебя выслушаю.

— Какого чёрта происходит, Артём? Стой! — она ловит меня за рукав. — Будь мужиком и поговори со мной.

Я разворачиваюсь и шагаю на неё, зажимая у стены. Милана охает, и глаза её темнеют.

— Нет, это ты послушай, детка. Мне очень не нравится, когда кто-то указывает, что мне делать. Злишься, что не позвонил? Я сделал это намеренно, так что можешь злиться дальше.

— Я уже ничего не понимаю, Артём, — она сглатывает и смотрит на мои губы. — Ты то врываешься в жизнь, то исчезаешь из неё как сейчас. Тебя волнуют хоть чьи-либо чувства?

— Оставь эту мелодраму, — морщусь я и отступаю. — Мы друг другу ничего не обещали, обязательств между нами нет. Если ты считаешь, что вправе выдвигать требования, я тебя разочарую.

— Не обещали, — хмыкает она. — Я вообще тебя не понимаю. Мы вместе? Или нет?

Я не собираюсь отвечать на этот вопрос. Мила прекрасно всё придумает за меня. Она настойчива, порой даже навязчива. Как сейчас.

— Знаешь, — неожиданно хихикает она. — Раз воротишь нос, то может мне уйти? Насовсем. Забрав с собой те блага, что ты имеешь благодаря мне?

Оборачиваюсь. Милана проводит по бретельке платья и будто случайно роняет её с плеча. Я качаю головой.

— Уймись, Мила. Похоть девушку не красит.

— Ты чудовище, Леонов! — врезается мне в спину.

Выхожу на улицу. Зонта у меня нет, но и намокнуть не боюсь. Спокойно иду к машине,

перед тем как сесть в салон запрокидываю голову и фокусируюсь на ощущении, когда холодные капли разбиваются о кожу, и улыбаюсь. Затем сажусь в машину и нахожу адрес в навигатор. Музыка не включаю, мне нравится тишина.

Есть плюс в том, чтобы задерживаться на работе. Пробки уже рассасываются, так что до нужного адреса я добираюсь примерно за полчаса. Замечаю неяркую вывеску, свет внутри тоже горит, хотя уже за полночь.

Выхожу из машины и иду, обходя лужи. Район с виду недружелюбный. Возможно, мне только кажется, а может это ещё один пункт в моей личной характеристике на Марину. Почему она работает в таком месте? Живёт рядом? Или есть ещё причина?

Пока поднимаюсь по ступенькам, понимаю что-то не так. Из-за перфорированных баннеров на окнах мне не видно, что происходит внутри. Толкаю дверь и замираю, оценивая обстановку.

Приятный цветочный запах смешался с дешёвым пивом. Похоже, к ней в магазин забрались какие-то ублюдки, а её хорошо если пятидесяти килограмм не хватило на то, чтобы выгнать их.

Марину зажали у стены двое. Третий дрыхнет на диване, он сейчас не боец.

— Э, ты кто такой! — рычит один из будущих посетителей травмпункта.

— Тут закрыто, вали отсюда.

Усмехаюсь и шагаю внутрь магазина. Марину отпускают, но не отходят. Девочка обнимает себя за плечи и сжимается. Ну вот как такую обидеть рука поднялась?

— Ты глухой или чё? — тот, что стоял ближе, отходит и прёт на меня.

Походка качающаяся, но градусы в крови заставляют его считать себя бессмертным. Неловкий выпад в мою сторону, я уклоняюсь, а после шлёпаю по его груди ладонью. Достаточно сильно, чтобы противник отшатнулся.

— Собрали свой мусор и свалили отсюда, — приказываю я.

— Ну ни хрена себе! Лёх, давай как его вежливости обучим? А то дерзкий сильно!

Второй мужик отступает от Марины и обходит стол. Им кажется, что так мне будет сложнее с ними драться.

Новый выпад. Такой же неловкий, как и первый, только теперь ему мешается «Лёха». Я отступаю на шаг, пропуская кулак перед собой, и бью в живот. Лёхе достаётся с ноги, и он валится под полку, с которой на него опадают несколько горшков и разбиваются.

— Ах ты мразь! — шипит первый, за что получает по лицу.

Посчитав, что продолжать незачем, тащу его к выходу, открываю и вышвыриваю его в дождь. После возвращаюсь за Лёхой, хватаю за ворот, когда слышу крик Марины:

— Артём!

Очень вовремя. Тот, что мирно дрых на диване, решил присоединиться к веселью и попытался напасть сзади. Ему почти удаётся удержать меня, затем он получает по лицу и отшатывается.

Я хватаю едва переставляющего ноги Лёху, третьего и так же отправляю с лестницы.

— Ах ты урод! — дождь приглушает возмущения. — Да кем ты себя возомнил, козёл?!
Ща мы... щас...

Замираю в дверях, наклоняя голову и оценивая, хотят ли они продолжения. Все трое сидят на асфальте на коленях, ощупывают лица, затем пытаются встать. Одно хорошо, — холодный дождь немного привёл их в чувства и, кажется, они передумали не были настроены на реванш.

— Пошли мужики, — предлагает Лёха.

— Тебе повезло, тварь! Но я б на твоём месте ходил, оглядываясь!

Чужой райончик? Классика.

Третий воздержался от комментариев, всё ещё сидел на земле. Друзья закинули его руки себе на плечи и помогли встать, чтобы после поволочь в сторону дворов. Усмехаюсь и закрываю дверь. Ну и бардак они тут устроили.

Марина сидит на полу у стены на том же месте, где стояла, когда я пришёл. Щёки мокрые от слёз. Когда я подхожу и присаживаюсь, она отшатывается.

— Что ты наделал? Зачем? Не нужно было...

— Извини, конечно, но мне воспитание не позволяет пройти мимо подобного. Или скажешь, всё это по обоюдному согласию?

Марина мотает головой.

— Меня же теперь уволят. Они вернутся и всё равно это сделают... Только будет хуже.

— Если тебя уволят, то какая разница? — веду плечом.

— Ты не понимаешь?! Из-за тебя у меня будут огромные проблемы! — взрывается она. — Куда большие, чем пьяницы!

Заинтересованно поднимаю бровь. За этим кроется какая-то история, я чувствую. Но сейчас она мне не расскажет.

Интересная девочка. Я хочу её узнать.

— Одевайся. Тебе нужен перерыв, я знаю, где можно выпить кофе в это время.

— Я... никуда с тобой не поеду! И вообще, у меня работа! Уходи!

— Тебя же увольняют, — напоминаю я. — И, к слову, если я уйду, а те парни вернутся... — Марину передёргивает, а я развожу руками. — Вот-вот. Жду тебя в машине. Закрывай всё, бери вещи и поехали. Тебе надо.

Глава 9. Молчание по душам

— Зря я согласилась, — повторяю я уже, в сотый раз с тех пор, как села в машину Артёма.

Здоровую такую. В ней наверно можно и на природу выехать, туда, где людей нет. Маринок всяких изнасиловать, да под деревцем прикопать.

— Ты просто ещё не пробовала тот кофе, — усмехается хозяин пожирателя бензина.

Нужно отдать должное, Артём придумывает на мои повторения разные ответы, но легче не становится.

Я чувствую себя смущённой, нервной. Мыслей в голове слишком много. Хочется спросить обо всём сразу, поблагодарить, узнать, где он научился так драться и что со мной теперь будет, но я молчу. Или говорю, что зря согласилась.

Артём не совсем прав. Я думаю, что зря согласилась не только ехать с ним в кафе, но и вообще на многое. Эти дурацкие ночные смены, за которые платили ненамного больше, чем за дневные, а риски куда выше.

В салоне играла какая-то мелодия без слов. Не классика, современное. Электронка, но не звенящая и не скрипящая как металл, а что-то... необычное. Приятное, немного успокаивающая. Думаю, она подошла бы под саундтрек фильма о покорении космоса или типа того.

Наконец, Артём паркуется перед круглосуточным ресторанчиком. Я здесь ни разу не была.

— Не бойся, я угощаю, — бросает он и глушит двигатель. — Голодная?

— Нет, — вру я.

— Зайдёшь, передумаешь, — обещает Артём и выходит из машины. Я оглядываюсь на свои вещи, лежащие на заднем сидении.

Не знаю, зачем я с ним поехала, да ещё и собрав вещи и закрыв магазин. Отчасти потому, что была согласна с доводами, но в основном потому, что боялась, вдруг эти парни вернуться. Не знаю, как теперь быть и как выходить на работу.

Боже мой, они же пытались меня...

Дверь открывается, и я вздрагиваю. Снаружи Артём с зонтом. Не знаю, откуда он его взял.

— Оставь здесь, — он кивает на сумку.

Выхожу на улицу. Сырой ветер тут же хватается за волосы, забирается под воротник, но когда Артём закрывает дверь машины, вынужденно приобнимая меня, становится неловко, но теплее. Я напряжённо замираю, не зная, как себя вести. Артём выставляет локоть:

— Идём.

Мы входим в ресторан. Пахнет кофе и сладкой выпечкой. Артём осматривается и ведёт меня в дальний угол из посетителей тут только группа студентов, облюбовавших три сдвинутых стола, чтобы разместить все свои ноутбуки, тетради и книги. Выглядят уставшими, но сосредоточенными.

— Артёмка, привет! — когда проходим мимо прилавка, нас замечает женщина с крупной заколкой в виде красного цветка в волосах, из-за которой мне кажется, что она похожа на испанку. — Давно тебя не видно, всё работаешь?

— Ага, — мой спутник неуловимо меняется и кажется чуть более расслабленным. —

Работа. Привет тётъ Ната.

— Совсем забываешь стариков, — причитает женщина. — Чем угостить? Девушку какую красивую привёл. Невеста твоя?

— Здравствуйте, — краснею я. — Нет не невеста. Меня Марина зовут.

— Коль сюда привёл, уже считай невеста, — усмехается та. — Ладно, чем вас угостить? На улице дождище такой, замёрзли поди?

Я рассеянно смотрю на прилавок, в меню и теряюсь. Не готова я так быстро. Да и не знаю, хочу ли я. На улице точно нет, а здесь так вкусно пахнет... Да и обижать не хочется. Интересно, как её полное имя?

— Сваришь нам кофе? — Артём берёт заказ на себя. — И... тот лимонный пирог ещё остался?

— Да где уж. Смели. Но есть он же, только как пирожные. Доешь? Боюсь, засохнут.

— Спрашиваешь ещё. Тащи.

Мы садимся почти в самый дальний угол. Артём занимает место у стены, так, чтобы видеть весь зал, я сажусь напротив и поворачиваюсь к окну. Дождь льёт так, что стекло кажется поверхностью реки.

— Сейчас кофе выпьешь, станет легче, — обещает Артём, не глядя на меня.

— Нормально.

Он качает головой и собирается возразить, но его прерывает загоревшийся телефона. Взглянув на выпавшее уведомление, он хмыкает и переворачивает экраном вниз.

— Ничего нормального. Твоя реакция на случившееся адекватна. Произойди подобное у меня, я бы дал девушке отгул на пару дней, а то может и психолога бы организовал.

— Сразу к мозгоправу, — хмыкаю я. — Радикально ты.

— Во встречах с психологом нет ничего страшного или постыдного, — возражает Артём. — Если у тебя болит зуб, ты вполне можешь потерпеть, пока «само пройдёт», а можешь обратиться за помощью и получить красивые и здоровые зубы.

Ага. Отвалив за это целое состояние. Хотя откуда ему знать? Он ездит на здоровенной дорогой машине недешёвой марки, владеет крутым спортивным клубом и явно не бедствует. С чего бы ему задумываться о таких мелочах?

Приносят кофе и упаковки с пирожными. Я благодарю хозяйку и обнимаю ладонями чашку. В груди царапает, но я стараюсь сдерживаться.

Артём молчит, и я очень ему за это благодарна. За то, что просто сидит рядом, не трогает меня, не лезет с разговорами и нравоучениями, не залипает в телефоне. Наверно это очень глупо, сидим и молчим, но я не представляю, что говорить. Это будто бы не нужно.

Как там говорят? Иногда молчание содержательнее, чем беседа? Мне теперь кажется, что в мире нет таких слов, как то, что Артём просто посидел рядом со мной, окружая ощущением безопасности.

— Артём, ну что за дела. Ты почему девочку не кормишь? — к нам подходит хозяйка.

— С ложечки? — хмыкает тот.

— Можно. Чего у тебя невеста голодом?

Я сглатываю, пытаюсь найти в себе силы на ответ, но Артём снова выручает.

— Она на диете. Сама понимаешь, после шести не есть и всё такое.

— Ужас какой! — сокрушается «тётъ Ната». Интересно как её полное имя? — Она же и так у тебя худющая. Ветром перевернуть может.

— Ничего не поделать. Мы с собой заберём?

— Конечно.

— Спасибо, — он улыбается хозяйке и смотрит на меня. — Ещё посидим или домой тебя отвезти?

— Домой.

Нетронутые пирожные пакуют в два пакета и вручают мне. Артём снова раскрывает зонт, доводит до машины и помогает сесть.

— Куда едем?

Я называю адрес. Как только навигатор строит маршрут, понимаю, насколько глупо прокололась.

— Не бери в голову, — говорит Артём. — Всё равно узнал бы.

— Зачем? — цежу сквозь сомкнутые зубы.

— Интересно, — просто отвечает он. — Нравится, как ты реагируешь.

Ну и что это значит?

До дома доезжаем в молчании. Пару раз во мне зажигается мысль попросить вернуть меня к магазину, но я не решаюсь сказать вслух. Признать честно, мне страшно возвращаться туда сейчас.

До моего дома доезжаем раньше, чем я нахожу слова. Чувствую себя тупицей.

— Спасибо, — опускаю взгляд. — За кофе и... за то, что помог.

— Ещё за пирожные, — он протягивает руку и отдаёт мне оба пакета. — Держи. У тебя брат, может ещё кто дома. Чтоб самой досталось.

— А ты?

— А я, будет надо, ещё заеду. Слышала же. Ругают, что забыл.

Я улыбаюсь. Очень хочется спросить у него, что мне теперь делать, но я не решаюсь.

— Спокойной ночи тогда?

— Ага. Проводить?

— Нет, не нужно. Тут идти два шага.

Забрав вещи, я выхожу в серость и добегаю до козырька подъезда. Оглядываюсь, пока ищу ключи, Артём не уезжает. Ждёт, когда я зайду в подъезд, видимо. Станный он.

Наконец, дверь открыта, и я машу рукой на прощание. Нос наполняется «запахом стариков», что после дорогой машины кажется слишком контрастно. Горло стягивает от досады.

— Чёрт.

Я медленно выдыхаю и поднимаюсь к себе. Какого чёрта, а? Как он вообще там появился? Я ждала Женьку, настраивалась на выговор от брата за то, что затупила и пустила этих придурков в магазин, а вместо этого пришёл принц на огромном чёрном коне с кучей сил под капотом.

Главный вопрос — зачем ему это? Мне вот не приходит в голову взять и начать причинять кому-то добро за просто так. Чего он хочет?

От размышлений отвлекает крик и звон разбивающейся посуды. Я уже поворачиваю на свою лестничную площадку, когда понимаю, что звук совершенно точно идёт из нашей квартиры.

Глава 10. Задержка платежа

Последние ступеньки преодолеваю, почти не касаясь пола. На ходе пытаюсь достать ключи из бокового кармана сумки. Естественно, закон подлости не дремлет и они вываливаются из руки, летят на пол, звякают, а потом и вовсе сваливаются с площадки и, судя по звуку, приземляются этажом ниже.

— Чёрт!

Уже собираюсь лететь вниз за ключами, но дёргаю ручку двери и понимаю, что открыто.

Плевать на ключи, потом заберу!

— Мама!

Кричат в кухне. Я скидываю кеды, куртку, сумку и пакеты с пирожными и бегу по коридору и замираю.

Женька лежит на полу и тяжело дышит. Над ним незнакомый мужчина. Второй сидит за столом и спокойно наблюдает, как его друг со всей силы пинает моего брата.

— Вы охренели! — кричу я. — А ну свалил, урод!

Получается грозно. Даже очень. Не знаю точно, что со мной, обычно я не стала бы так резко. Да что там, я же вот только из магазина, где и слова поперёк трём пьяницам не сказала и чёрт знает, что бы со мной было, если бы не появился Артём, а сейчас? Это родные стены так действуют? То, что брат в опасности? Или после первого предупреждения судьбы я с чего-то решила, что бессмертна?

— А, Марина Сергеевна, — хмыкает тот, что сидит за нашим столом. — Вы сегодня рано.

— Что вы здесь делаете ублюдки?! Немедленно выметайтесь из квартиры!

— Пришли за платой, которая не поступила в этом месяце. Мы пришли узнать, в чём дело.

Коллекторы, ну конечно. От этих ублюдков нигде не спрятаться. Хорошо, что мать на работе и не видит этого.

— И как мы будем платить, если придётся теперь тратиться на лекарства для брата? Вы нормальные, нет? Убирайтесь отсюда, пока я полицию не вызвала!

— А разве это решит проблему? — поднимает бровь мужчина. — Слушайте, дети, вы не понимаете положения вещей и это ваша проблема. Деньги взяты? Да. Вернуть надо? Самс собой. Не будете платить, будет происходить нечто, — он кивает на Женьку. — Подобное.

— Вы прекрасно знаете, что это не наши долги!

— Мне всё равно, чьи. Мне нужны деньги, которые числятся за вашей матерью, — безразлично шевелит плечом. — Потому и спрашиваем с неё.

— Вы избили моего брата!

— За дело и длинный язык. Детка, это не шутки. Будете упрямитесь и дальше, придётся говорить по-плохому. У вас вроде машина есть. Можете её продать.

— Вы прекрасно знаете, что этого не хватит, чтобы расплатиться с долгом!

— Продавайте квартиру, — безразлично пожимает он плечами. — Детка, мне всё равно, как это будет. Хоть натурой всей семьёй торгуйте, но деньги отдать нужно.

Ага, конечно. Легко сказать. А жить потом в коробке на улице?

На наше с Женькой счастье, он поднимается и вместе с другом тащится к двери. Я

вжимаюсь в стену и стараюсь казаться всё такой же смелой, но выходит у меня не очень. Проходя мимо тот, что бил Женьку, задерживается точно напротив меня.

Я хмурюсь, не понимая, чего ему надо. Старше меня лет на пять, может на десять. Комплекция примерно как у Артёма. Пока я задумываюсь над тем, почему вообще о нём вспомнила, мужчина усмехается.

— А ты ничего такая. Хочешь скину немного с суммы долга?

— Ты охренел?! — огрызаюсь я. — Вали отсюда! Пока я...

— Пока ты что? — он заинтересованно поднимает бровь.

И правда, что? Единственное, что приходит на ум — пока я не скажу своему вроде как знакомому и он не придёт, чтобы тебе всыпать.

Как жаль, что всё не так просто. И Артём мне не поможет.

— Дим, пошли, — басит из коридора его напарник. Нам ещё на завод ехать.

— Подумай, цыпа. Долг большой.

Я выдыхаю только когда они выходят из квартиры.

Чёрт. Чёрт!

— Женька! Ты живой?!

Бегу к брату, всё ещё валяющемуся в отключке. После ухода коллекторов воинственность с меня слетела как листва с деревьев осенью.

Выглядит Женька так себе. Комплекция у него сухая, так что двое крепких мужиков, явно не прогуливающих тренажёрку ему были не по зубам. Та троица, что пристала ко мне тоже. О чём я только думала?

— Вставай, Женька, — на глаза слёзы наворачиваются. — Я не знаю, что делать!

Он ворчит что-то неоднозначное, доказывая, что хотя бы жив. Всхлипываю и бегу в коридор за сумкой, нахожу телефон, а после набираю маму. Чёрт, ключи ещё забрать надо.

Мама отвечает не сразу. Я успеваю спуститься и забрать их, благо они никуда не делись и возвращаюсь в квартиру, надёжно заперев дверь. Телефон не отзывается. Чёрт...

Придётся в скорую. Проверять будут. Вопросы задавать. К маме опять же. Но, блин, а если у него что-то серьёзное? Только собираюсь сбросить и вызывать неотложку, как слышу голос мамы.

— Марин, ну что такое? Мне работать надо!

— Мам... тут эти были, всхлипываю я. — Женьке досталось. Он лежит, дышит, но не встаёт и не отзывается. Что делать?

— Били?!

— Да.

— Как долго лежит?

— Не знаю, может минут пять...

— Вызывай неотложку, — её голос на работе звучит так официально, но я рада. Врач. Я вот сейчас не способна мыслить здраво. — Назовёшь им номер нашей больницы, попросишь довезти. Я встречу. Документы его не забудь.

— Ладно, — смазываю слёзы. — Всё тогда, отбой.

Пока жду ответа от службы спасения, обвожу взглядом кухню. Избили брата, устроили беспорядок. Зачем? Запугивали? На кой чёрт он вообще к ним попёрся?! Зачем спровоцировал? Или они сами напали? А главное, что теперь делать?

И ведь не предъявить им ничего. Эти люди работают с банком или как у них делается. И долг действительно на моей маме, вот только не она взяла деньги, а отец. Он бросил нас

ради другой женщины, с которой уехал в неизвестном направлении, прожигать, как выяснится позже, внушительную сумму. Мы остались.

Крутимся, как можем. Не сдаёмся.

— Здравствуйте. Мне нужна бригада по адресу... — я снова стираю слёзы со щеки.

Чёрт, хорошо, что Артём заставил меня уйти с работы сегодня. Неизвестно, что было бы с Женькой, если бы я пришла только утром. К счастью, обошлось.

— Да, спасибо большое! Жду!

Отключаюсь и ещё раз проверяю лежащего на полу брата. Живой, слава богу. С остальным справимся.

Так, хватит ныть. Нужно собрать документы и подготовить ему какую-то одежду для больницы.

Глава 11. Срыв

Приезжаем в больницу, когда небо уже светлеет. Дождь плачет за меня, Женька всё так же плох. Врачи говорят на каком-то своём языке, а у меня звон в ушах, ничего не понимаю и слышу через слово.

Женьку увозят куда-то вглубь коридора, меня не пускают. То ли от нервов, то ли оттого, что я схожу с ума, но сейчас эта приёмная кажется мне зубастой пастью, а коридор, в котором скрывается каталка с братом — глоткой. Мама отписывается, чтоб я шла домой и прибралась там и... всё.

Не знаю, сколько времени я стою посреди приёмной с телефоном в руке. Хочется какого-то завершения, итога, но что тут подытожишь? Даже для финальных титров слишком рано. Выдыхаю и плетусь к выходу.

Утро встречает липкой сыростью. Небеса будто злятся на меня, зарядив такой ливень, что на нашей улочке опять будут захлёбываться машины, а грязь не высохнет до зимы. Мелькает шальная мысль вызвать такси, но я смеюсь с себя. Такси? Как мелко. Надо сразу Артёма. Впрочем нет, лучше сразу вертолёт!

Зонта у меня нет, но вымокнуть уже и не страшно. Просто иду в сторону остановки, а когда дохожу, не сдерживаюсь и хохочу в голос. Как же кстати у остановки решили сделать ремонт, сняв прозрачный козырёк.

Удача, всё же даёт мне послабление, и автобус приезжает быстро. Почти пустой, но сесть на тканевое сидение я не рискую. Стою поближе к выходу, так что каждый раз, когда открывается дверь, меня передёргивает от холода.

Путь домой как в тумане. В подъезд захожу уже совсем мокрая. Втайне опасаясь, что сейчас на площадку выйдут абсолютно все соседи, с которыми придётся поругаться за ночной шум, но всё обходится, так что я запираюсь и сползаю по двери, сжимая голову руками.

В сумке чирикает телефон, и я спешу достать его. Вдруг мама? Что с Женькой?

«Доброе утро. Разогрей пирожные перед тем, как съесть»

Ему очень идёт то, как я записала номер. Маньяк из магазина беспокоится о моём завтраке. Как это мило.

Ничего не отвечаю и роняю телефон перед собой. Прочёсываю мокрые волосы пальцами и сжимаю виски. Мне нужно что-то предпринять, чтобы всё исправить.

Эти душегубы, как их называет мама, не первый раз приходят к нам домой, но впервые это закончилось вот так. Идиоты. Не понимают, что Женька и собирает большую часть наших ежемесячных платежей, а теперь...

Он говорил, что заказчик тянет в этот раз. Мы собирались заплатить в конце недели, а теперь не знаю как. Женька вне игры на какое-то время, а наших с мамой доходов не хватит, чтобы всё выплатить, даже если мы откажемся от еды в этом месяце.

Вздрагиваю, когда телефон звонит. Сердце стучит чаще, неужели он? Чёрт, как мне говорить? Догадается же, что что-то не так. Не хочу, чтобы знал. Если что, скажу, что это всё ещё из-за тех придурков!

Но когда я переворачиваю телефон, то вижу имя босса и пугаюсь ещё сильнее.

— Д-да, Светлана Валерьевна? — невнятно отвечаю я, чувствуя, как меня начинает колотить. Не только от холода и мокрой одежды.

— Здравствуй, Марина. Ничего не хочешь мне сказать?

О, очень. Мне нужно выпросить, аванс, чтобы отжать этим ублюдкам, а то мало ли что...

— Эм... ну...

— Марина, это что такое? — в её голосе звякает металл. — Когда я тебя нанимала, то видела в тебе кроткую и приличную девушку, а теперь что случилось?!

Я непонимающе хлопаю ресницами.

— Эм... Ничего не изменилось, Светлана Валерьевна...

— Да что ты говоришь. На работу сегодня выходила?

— Д-да... Я ушла раньше. Кое-что случилось. С братом. Извините, пожалуйста. Он в больнице сейчас.

— Мне всё равно, какие у тебя были причины! Объясни-ка, кто давал тебе разрешение на распитие спиртных напитков на рабочем месте?! Право громить магазин?! Кого сюда приводила? Ты точно не ошиблись с поиском работы?

Меня будто током бьёт.

Чёрт.

Я не прибралась. Оставила там на столе и на диване всё, что принесли эти... посетители. И разбитые горшки... Чёрт, почему я не подумала о том, чтобы навести порядок, прежде чем поехать с Артёмом?!

— А цветы испорченные? Ты в своём уме?! Целая партия на помойку! Это катастрофа, Марина!

Второй похожий на пощёчину удар. Я не разобрала непригодившийся букет. Была ночью в таком шоке, что в голове и мысли не возникло, что нужно так сделать. Боже мой. Розы точно завяли. Лепестки потемнели, многие заломились и потеряли товарный вид.

Чёрт. Убытки...

— Светлана Валерьевна, позвольте объяснить... Ночью кое-что случилось и я...

— Оставь и не позорься! Знаешь, Марина, я на многое закрывала глаза в твоей работе, но это — уже сверх наглости. Мы не можем открыть магазин, девочки прибираются и пытаются отмыть тут всё. Мне пришлось вызвонить Олю, чтобы тоже пришло помочь. Это кошмар!

— Я могу объяснить, — вскакиваю на ноги. — Дайте мне полчаса, я переоденусь и прибегу помочь...

— Нет, марина. Тебе здесь лучше больше не появляться.

Оу. Это было больнее, чем предыдущие два выпада.

— В... каком смысле?

— Ты здесь больше не работаешь. После этого погрома, следов человеческой жизнедеятельности за диваном, я вынуждена тебя уволить. Заявление о порче имущества писать не буду, но на глаза мне больше не показывайся.

Пальцы дрожат. За шиворот будто миску снега высыпали, а в голосе стучит всего одна мысль: что дальше? Те мужчины теперь за маму возьмутся? Или за меня?

Вспоминаю о предложении скинуть немного с суммы долга, меня передёргивает.

— Светлана Валерьевна, — голос срывается. — Прошу вас, мой брат в больнице. Мне сейчас очень нужны деньги. Я не могу потерять работу.

— Значит не нужно было громить мой магазин, — резко вскрикивает она и бросает трубку.

Ещё некоторое время я стою, держа его у уха, а после кричу и швыряю в стену.

Кричу снова. Не помогает. Пинаю сумку, бью кулаком по стене, кричу опять. Соседи слышат, но мне плевать уже.

Неудачница. Какая же я неудачница, боже... Почему всё так? И, главное, что мне теперь делать?

Телефон, отлетевший в угол, снова чирикает входящим сообщением, но у меня нет ни сил, ни желания читать, что там. Силы оставляют, и я ложусь на пол, подтянув к груди колени.

Глава 12. Переписка с маньяком

Долго лежать на полу не получается. Слишком холодно.

Стоит подняться и лечь поспать, как-никак бессонная ночь, но из-за всех переживаний понимаю, что не смогу уснуть.

Кое-как встаю и плетусь в комнату. Иду в душ, где наконец-то скидываю мокрую одежду. Потом одеваюсь в сухое и натягиваю кофту, украденную когда-то у Женьки. Становится немного лучше, уже не так сильно хочется удавиться. Возможно, я даже смогу поспать, только сначала надо на кухне прибраться и, наверное, поесть.

Когда вхожу на место преступления, то поначалу паникую. Время уже одиннадцать, а значит мне на смену совсем скоро. Потом вспоминаю, что никакой работы у меня больше нет и медленно выдыхаю.

Так, ладно. Это ещё не конец света, так? Что-нибудь придумаю. Сегодня я точно ничего не буду решать. Сейчас мне нужно прибраться, выкинуть все эти черепки, осколки, грязь, потом поесть и лечь спать, а уже после сна, когда мои мозги не будут похожи на холодец, придумать годную идею я смогу. В конце концов, сегодня, чтобы умереть от голода, нужно прям целенаправленно не искать работу. Что-то да найдётся. Накрайняк обойду ближайшие магазины, уверена, хоть одно объявление о найме продавца найду.

Уборка и какой-никакой план действий быстро нагоняют на меня сонливость. Отмечаю, что вандалы разбили мою любимую кружку и думаю о том, что хорошо бы купить новую. Потом вспоминаю работе и расстраиваюсь.

Бесит, что даже такую мелочь приходится включать в план расходов. Сколько может стоить кружка? Триста рублей? Мама бы сказала, что у нас дома есть из чего пить, а триста рублей это продуктов на день. В целом она права, но своя любимая кружка — это нечто особенное.

Убрав тряпки, совок и, вымыв руки, я тащусь в коридор, подбираю вещи, пакеты с пирожными. Не забываю контейнер с несчастной лазаньей и тащу всё это на вылизанную кухню. Пока грузю в холодильник лишние пирожные тоской отмечаю, что половину наготовленного Женька уже сожрал. Господи, куда в него столько лезет? Он не в курсе, что мы тут экономим?

Вспоминаю про непрочитанное сообщение только когда закидываю в микроволновку контейнер. После непродолжительных раздумий, телефон выводит на экран конвертик от маньяка:

«Спокойных снов».

Спокойных, ага. Кто вообще так говорит? Пока микроволновка крутит лазанью, набираю ответ:

«Я ещё не сплю. Дела были. Но ты наверно отдыхаешь, так что и тебе. Хороших снов».

Микроволновка пищит и я, раскрыв её, хватаю контейнер прихватками, потому что прибор у нас — зверь просто. То перегреет, будто отправляешь тарелку прямо в ад на

контроль, то недогреет, но рисковать не хочется. Ставлю её на подставку и иду за вилкой, когда приходит новое сообщение:

«Я уже в зале. Прислал бы фото, но боюсь, твой телефон не покажет его адекватно».

Пф, больно надо. Что ты мне там, кубики скинуть хотел? Впрочем... Блин, наверно всё же надо. Чёрт, начинаю жалеть, что у меня такой телефон.

Сажусь печатать ответ, накалывая на вилку кусочек, когда понимаю, что лазанья холодная. Что за? Я же грела её. И не сошла с ума.

Встаю и, не забыв закатить глаза, иду к микроволновке. Закидываю контейнер, ставлю на четыре минуты, чтобы она уж наверняка прогрелась до состояния магмы, когда на телефон приходит ещё одно сообщение.

Какой болтливый у меня маньяк. Поди будь у меня нормальный телефон, голосовыми бы закидывал.

«Отправил тебе в соцсети».

Как он блин нашёл меня в соцсетях? Точно маньяк. Но хоть без торсика не осталась, уже хорошо.

Микроволновка неожиданно гудит и внутри что-то подозрительно светится. Я бросаю телефон, распахиваю дверцу и смотрю на чёрную копоть в районе отличающейся по цвету пластинки на одной из стенок. Не знаю зачем она нужна, но теперь она явно сгорела. Лазанья, ожидаемо, холодна как улыбка удачи для меня сегодня.

Глотая ругательства, я достаю контейнер, закрываю его и убираю в холодильник. Ну конечно. Закон подлости меня обожает. Когда кажется, что хуже быть уже не может, у тебя ломается микроволновка. Потрясающе.

Мысленно досчитав до десяти, я достаю сразу две пироженки и ставлю на стол. С некоторой опаской включаю чайник, который, к счастью, решает сжалиться над моей психикой и кипятит воду без выкрутасов. Пироженки, само собой, не еда, но сейчас мне нужен сахар, чтобы никого не убить. Не то чтобы я была на это способна, но рисковать тоже не хочется.

Пробую пирожное и прикрываю глаза. Боже мой, его готовили ангелы. Даже холодное оно божественно, а тёплое могло бы вызвать у меня обморок.

Ладно, жизнь не так дерьмова, пока в ней есть такие сладости.

«Спасибо. И за пирожное тоже, — пишу я маньяку. — Передай, пожалуйста, тёте, что она волшебница. Кстати, а как её полное имя?»

«Рената Арсеньевна. Передам. Разогреть не забыла?»

«Да, спасибо. Очень вкусно».

Ну а что? Не стану же я рассказывать маньяку о своих проблемах. Смешно наверно будет. У парня, который ездит на такой машине и работает главным в фитнес-клубе, покупка

микроволновки может быть не серьёзнее пачки жвачки или упаковки влажных салфеток.

«Как на работе? Тебя уже уволили?»

Ах ты мистер проницательность! И что мне сказать?

«Спрашиваешь, чтобы узнать, не придётся ли меня опять спасать?»

«В том числе».

Я хмыкаю и отламываю ещё один кусочек от пирожного. Думаю, что ответить. Может попроситься работать к нему? Он ведёт себя так, будто заинтересован во мне, торсики вон шлёт. Вдруг возьмёт? Уж заносить людей в базу и выдавать карточки я смогу. Ездить далеко, но может зарплата выше?

Будто угадав направление моих мыслей, Артём присылает ещё одно сообщение:

«У меня есть выгодное предложение, согласившись с которым ты можешь некоторое время вообще не работать. Я думаю, подойдёшь. Тебе интересно?»

Я даже чаем давлюсь. Могу не работать? Он сейчас говорит о деньгах? Работе?

Блин, ну формулировка жуть какая странная. Особенно с припиской о маньяке.

Плюс я его знаю меньше суток. Да, Артём меня спас ночью, но то, как легко он нашёл работу, дом, соцсети немного нервирует.

Раскрываю ответа и смотрю на пустое поле. Чёрт, что написать?

Глава 13. (Артём) Без будущего

Мятная ещё не отвечает, а я уже дал добро готовить место. Нужно купить много упаковочной плёнки, пассатижи, новый котелок, — это проще, чем пытаться отмыть старый от копоти.

— Артём Андреевич, — в комнату входит Маша, помощница. — Вы звали?

— Да. Я собираюсь уехать на несколько дней. Клуб не тебе до понедельника точно, возможно, до вторника.

Вижу, как в больших голубых глазах девушки загорается паника. Она работает на меня чуть меньше года, но всё ещё боится брать ответственность в сложных вопросах. Ирония в том, что я точно знаю, что она справится, но, пока она сама в это не поверит, у меня будет преданный, симпатичный и умный сотрудник, а у неё работа, на которой не будут злоупотреблять её наивностью. Разве что немножко. Как сейчас.

— Н-но... выходные же... — у неё даже голос начинает подрагивать. Наплыв клиентов... Вы будете на связи?

— Скорее всего нет. Склад я тебе забил доверху, закупать ничего не надо. Завтра перед открытием придут ребята обслужить ту ключную дорожку, а в остальном всё как обычно. Не дрейфь, справишься. Ты же умничка, — подмигиваю ей, чтобы ободрить. — Главное. чтоб здание не обрушилось и никто не погиб в процессе, в остальном разберёмся.

— А если всё же...

— Не нагнетай. Стояло без нас и простоит ещё столько же. От моего присутствия и отсутствия ничего не изменится, — отвечаю я и поворачиваюсь к монитору.

Лопату надо купить или там есть?

Телефон вибрирует сообщением от мятной. Маша громко слатывает и выходит. Я бы отправил её к психологу работать с самооценкой, но, боюсь, после него она пойдёт искать место получше, девчонка и правда неглупая. Надо сперва найти кого-то на потенциальную замену ей.

«Интерес зависит от того, что за предложение. Ничем незаконным я заниматься не буду».

И правильно, Марина. Такой бизнес — точно не твоё.

«Можем поужинать сегодня. Я расскажу».

На миг представляю, каково было бы набирать всё кнопочным телефоном. Передёргивает. Подарил бы ей нормальный, но думаю для этого пока рано. Нужно узнать друг друга немного лучше, чтобы она согласилась принять подарок. Хоть он ей и нужен.

«Звучит очень подозрительно».

Я собирался писать ответ, потом хмыкаю и нажимаю вызов. Марина не отвечает почти минуту, хотя я абсолютно уверен, что телефон у неё в руках.

— Я не представляю, как тебе хватает терпения писать сообщения на кнопках, —

говорю, когда она всё же решается ответить. — Это же жуть как неудобно.

— Может, — голос у мятной уставший, хрипловатый.

Плакала что ли? При мне держалась молодцом, а дома сорвалась? Неудивительно. Не буду акцентировать внимание, чтобы не смущать её. Не те у нас отношения. Пока что.

— Я зову тебя на ужин, потому что сейчас ты не готова говорить...

В этот момент дверь кабинета открывается, и я сразу чувствую резковатый аромат духов Милы. Медленно поворачиваю кресло в её сторону, показывая, что говорю по телефону. Девушка зла, но складывает руки на груди, позволяя мне договорить.

— Даже не знаю, — мнётся в трубке Марина. — У меня сегодня дел много. Не уверена, что я смогу.

— Брось. То, что я хочу предложить, стоит того, чтобы послать к чёрту всё и бежать волосы назад.

Марина смеётся.

— Тогда почему ты не скажешь по телефону?

— Потому что люблю обсуждать подобное лично. Короче, сейчас отдыхай. Я заеду к семи. Успеешь?

— Не знаю... Наверно...

— Тогда к восьми. Всё, до связи. Наберу, — прощаюсь я и откладываю телефон, чтобы сосредоточиться на менее приятном разговоре.

— С кем ты говорил? — Милана стучит пальцем по локтю.

— Зачем пожаловала? — игнорирую её вопрос. — У тебя дело ко мне?

— Потрясно. Есть хочешь?

— Нет.

— Ладно. А кофе выпьешь? А, нет, погоди. Зелёный чай без сахара с жасмином.

Лицо девушки немного смягчается.

— Ты запомнил.

— Идём, посидим через дорогу, — встаю, накидывая на плечи куртку и пихая телефон в карман.

Милана не спорит и не возмущается. Отчасти поэтому мне и нравится проводить с ней время. Легко переключить внимание на другое и увернуться от надуманных проблем.

Выходим на улицу и сворачиваем в кафе практически напротив нашего входа. Радует, что полезной еды и тут хватает. Мила всё же соблазняется на салат, я заказываю полноценный обед. Не поспал нормально, так хоть сейчас наверстаю.

— Так кому ты звонил? — не унимается она, пока мы ждём заказ.

— Девушке. Собираюсь переспать с ней и зарыть в лесу.

Милана сперва моргает, а потом заливисто смеётся.

— Снова? Ну зачем ты?

— Что зачем? В лесу зарываю? Считаешь, надо так оставить?

— Артём, — закатывает она глаза. — Ну зачем тебе всё это? Уже взрослый, пора перестать дурачиться. Мне мама твоя звонила, — она отбрасывает волосы за спину и «как бы невзначай» спрашивает. — Хотела узнать, какие у нас с тобой планы. На будущее.

Я в этот момент переписываюсь с доставкой продуктов и слушаю её вполуха. Тонкие намёки на «где кольцо, Артём» уже начинают доставать.

— А ты уверена, что нам нужно это будущее? — прямо спрашиваю я. — Мила, ты неплохая девчонка, но я не уверен, что мы уживёмся вместе.

— Неправда! Мы же даже не попробовали! Не будь так холоден со мной.

Есть женщины, которые готовы сделать что угодно, чтобы добиться своего. Милана из таких. Приехала из посёлка городского типа, сейчас работает администратором в косметологической клинике, но явно подумывает о том, что можно жить намного проще, если выскочить замуж, а я в её списке кандидат номер один.

— Мила, я не вижу своего будущего с тобой, говорю как есть, потому что хочу быть с тобой честным.

— Но ты не можешь этого знать! Я докажу тебе!

Как мило, она даже ножкой топает. Та самая часть отношений, в которой мне становится до невозможности скучно.

— Давай поедem к тебе! Нет, сперва ко мне! Прямо сейчас соберу вещи и...

— Нет, Мила. Завтра я уеду и не появлюсь до следующей недели.

Она осекается на полуслове. Догадывается что это значит.

— Ты издеваешься?

— Вовсе нет.

Молчит и смотрит на меня со смесью злости и обиды. Нам приносят еду, но Мила игнорирует поставленную перед ней тарелку с салатом и зелёный чай, на блюде даже цветочек положили. Когда официант уходит она цедит сквозь зубы.

— Зря тратишь время, Артём. Знаешь почему ты не видишь будущего? Ни со мной, ни с той стервой, которую собрался поиметь? У тебя нет этого будущего. Ищешь непонятно что и сам не знаешь, чего тебе надо. Нет нормальных друзей, ничего нет. Играешь с жизнями, подпускаешь к себе, а после ломаешь, будто всё, что связывало раньше, не стоит и яйца выеденного! — она поднимается. — Хороших выходных. Надеюсь, твоя следующая жертва окажется достаточно сильна, чтобы справиться с потрясением, когда ты и ей скажешь, что у вас нет совместного будущего!

Схватив свою сумочку, она разворачивается и уходит, звонко цокая каблучками. Я позволяю ей чувствовать себя сильной, выйти из кафе на своих условиях. Будет правильно уехать с мятной, когда меня не связывают другие отношения.

В одном Милана права. С людьми я и правда схожусь плохо.

Телефон вибрирует:

«Может хоть намекнёшь, о чём твоё предложение?»

Усмехаюсь. В этот раз всё как-то не так, как раньше. Впрочем, я всё время это думаю. Люди разные и это прекрасно.

«Вечером. В восемь. Спи»

Глава 14. Безысходность

Я не представляю, где мы будем ужинать, поэтому идей с тем, что надеть, нет никаких. В конце концов выбираю бирюзовое платье миди в мелкий горох. Белые кеды и сумка. Пыталась уложить волосы, но ничего толкового не вышло.

Макияж тоже не ахти — тушь и помада, которой я пользовалась только по особым случаям. Не было у нас лишних денег, чтобы я могла серьёзно раскрашиваться.

Часы добегают до половины восьмого, когда возвращается мама. Я лечу встречать, опасаясь услышать новости.

Почему-то я была уверена, что Женька жив. Мама бы уже предупредила, случись самое страшное. Но меня пугало то, во сколько нам всё это обойдётся теперь, поэтому спрашивать я не решаюсь. Просто забираю сумку, помогаю снять куртку и несую зонтик сушиться на балкон. Дождь немного стих, но всё ещё моросит.

— Ну что? — не выдерживаю я. — Насколько всё плохо?

— Жить будет. Сотрясение тяжёлое. Показания там же в больнице принимали.

— Он в себя пришёл?

— Ну конечно, — мама присаживается на скамейку и качает головой. Столько швов... Когда же выкарабкается? Может кредит взять? Женечку нужно поставить на ноги. Он работает ради нас.

Я поджимаю губы и пытаюсь говорить спокойно, без нервного дребезжания в голосе:

— Мам, ну какой кредит? На тебя долг такой повесили, что и нашим с Женькой детям поди выплачивать придётся. Не дадут кредит. А микрозаймы, сама знаешь. К нам будут наведываться не одни бандиты, а двое.

— Ты можешь сходить. Паспорт есть, тебе дадут.

— Ну а выплачивать я чем буду? Натурой?

Я всё же не сдерживаюсь, и голос звучит выше, чем следовало.

— Марин, ну а что ты предлагаешь? Твоего брата обследовать нужно. Голова — это же не палец, а он в бессознанке провалялся невесть сколько. Мало ли какие повреждения внутри мозга могли возникнуть? Чем раньше обследуем, тем лучше. Сходи возьми денег, а?

Я злюсь, но пытаюсь это скрыть.

— Нет, мам. Я не буду делать наше положение ещё более плачевным. Пока.

— Ну а что сделаешь? На работе аванс выпросишь? Разве дадут столько? Нам ещё за этот месяц нужно заплатить!

Угу. А также купить новую микроволновку и миллион других дел. Повод согласиться на предложение Артёма становится всё весомее.

— Разберёмся, мам. Мне хотят работу предложить. Поеду, послушаю.

— Тебе? Какую ещё? — мама будто только сейчас обращает внимание на то, как я выгляжу. — Ты куда это вырядилась так?

— Никуда. Джинсы после дождя мокрые, — пожимаю плечами. — Не в старых же идти.

— Ты постирала?

— Да.

— А у Женечки из корзины бельё достала?

Закатываю глаза:

— Да. Было бы куда проще, если бы он сам приносил грязное в стирку.

— Он же мужчина, это не его задача, — отмахивается мама и встаёт, а я закатываю глаза. Не его, как же. Иногда мне кажется, Женька у нас живёт на правах кота, деньги приносит, уже хорошо, но в остальном у него лапки.

Телефон в сумочке звенит, и я спешу выскочить из квартиры.

— Всё, мам, пока, — целую её в щёку. — Ужин на плите, я разогрела. Микроволновку не трогай, она сломана. Я вернусь... когда вернусь.

— Хорошо. А насчёт займа ты серьёзно подумай. Я спать нормально не смогу, пока не убедится, что с Женечкой всё в порядке.

У меня аж зубы сводит.

Но проверить Женечке башку не помешает. Это ж надо догадаться полезть на двух крупных мужиков и позволить отпинать себя. Язык вообще без костей, но с этим мне разбираться не хочется.

Сбегая по ступенькам, ловлю себя на мысли о том, что слишком устала во всём этом разбираться. Мозги кипят и хоть я проспала несколько часов, как просил Артём, сосредотачиваться всё ещё было очень трудно. Нужна перезагрузка, да и, если честно, мне было интересно снова его увидеть.

Как минимум потому, что меня не так уж часто звали «поужинать». Если немного размечтаться, то это даже похоже на свидание.

Артём обнаруживается у подъезда с зонтом. Дождь мелкий совсем, но мне приятно, что он так беспокоится. Окинув меня взглядом, улыбается и наклоняет голову к плечу:

— А тебе идут платья.

— Брось, — отмахиваюсь я.

— Я серьёзно. Знаешь, планы изменились.

Меня словно молнией шарахает.

— Т-ты не хочешь делать мне предложение? — понимаю, как это звучит и спешно поправляюсь, — по работе?!

— Нет, — он выдерживает паузу, во время которой у меня появляется несколько седых волос и продолжает. — Но ресторан мы сменим.

— Почему?

— Меняем план. Я знаю место получше. Прошу.

Открывает мне дверь и помогает сесть в салон. Аккуратно закрывает, убедившись, что не прищемит моё платье и занимает водительское место.

Я будто на иголках. Это так похоже на свидание, что я почти верю, что действительно оно. Артём прячет зонтик, а после достаёт с заднего сидения небольшой, но чертовски милый букет разноцветных гипсофил, перевязанный нежно-мятной лентой.

— Знаю, что цветами тебя не удивить, поэтому даже не пытался.

Растерянно улыбаюсь. Отчаянно придумываю слова благодарности, но Артёму, кажется, хватает и этого.

Мокрые улицы проглатывают его машину. Чем дальше от дома мы отъезжаем, тем тоскливее становится. Мой брат лежит в больнице, домой, как к себе, наведываются бандиты, а мама решается влезть в ещё один кредит, чтобы «убедиться, что всё хорошо».

Положение до невозможности скверное. Особенно когда сидишь в такой машине и из динамиков играет лёгкая «музыка будущего».

Интересно, если бы я попросила денег у Артёма, как бы он отреагировал? Не скажу, что он похож на того, кто впустую разбрасывается деньгами, но если учесть его героизм

прошлой ночью, можно предположить, что мог бы...

Нет! Я не стану просить у него деньги! Как минимум из уважения и в знак благодарности за то, что спас меня вчера!

Чувство справедливости горит пламенем, а вина грызёт пальцы. Что если с моим братом и правда беда?

В голове голосом мамы тут же проносится: что же я за сестра такая? На что я готова ради семьи? Если не ради нас, то ради кого вообще?

Отворачиваюсь к окну, кусая губы. Интересно, мама предложила бы сблизиться с Артёмом или я ещё не настолько безнадежна в её глазах?

А если я сблизусь, то насколько это будет отличаться от приглашения коллектора?

— Расскажи о предложении? — прошу я, не выдерживая тяжести собственных мыслей.

— Не дождёшься? — Артём тормозит на светофоре и поворачивается ко мне. Глаза у него сейчас непроницаемые. Сперва на губах лёгкая усмешка, но она спадает, когда он присматривается ко мне. — Всё плохо?

Нервы сдают.

— Ты чертовски прав, — поджимаю губы, а потом не сдерживаюсь. — Сейчас, без работы всё как-то по-особенному плохо. Поэтому я хочу знать, на что я соглашаюсь.

— Соглашаешься, не услышав предложения? — его глаза чуть сужаются, но загорается зелёный и он отвлекается на дорогу.

— Скажи, — сглатываю и выдавливаю обречённо. — Пожалуйста.

Артём молчит. Я уже растрепала несколько цветков, кроша несчастную гипсофилу, когда он произносит.

— Думаю, я могу решить твои проблемы, но мне нужно знать всё. То место, куда я собирался тебя отвезти, тоже не подходит, поэтому сейчас мы поедem ко мне. Расскажешь, там и определим границы моего предложения.

По спине проносится неприятный холодок.

Домой, да? Вот... чёрт...

Глава 15. Логово маньяка

Доезжаем до одного из элитных жилых комплексов города. Контраст резкий, особенно после моего района хрущёвок, где и фонари зажигают не всегда, оказаться тут всё равно что заезжать на площадку какого-нибудь фильма о роскошной жизни. Ландшафтный дизайн, подсветка, красота в общем. Конечно же, за забором.

Артём скатывается в подземную парковку, проезжает несколько рядов и вкатывается в свободное место с номером «294».

Я нервничаю, пальцы мёрзнут, хотя в машине тепло. Артём выходит первым, открывает мне. Для маньяка он очень галантен. Почувствовав льдинки вместо рук, сводит брови, а после надевает на мои плечи свой пиджак.

— Почему не сказала, что замёрзла?

Я не отвечаю. Страшно, нервно, неопределённо. Одно дело поговорить с парнем в кафе или ресторане, когда есть ещё люди и совсем другое оказаться на его территории. Никто не знает, куда я приехала. И с кем. Блин.

Артём ведёт меня к лифту. Я мысленно ругаю себя за то, что не знаю где я. Могла бы маме смс написать с адресом. Пусть хоть примерно знают, откуда начинать поиски.

Пиджак пахнет другим парфюмом, но тоже приятно. Чувствую себя загнанным в ловушку кроликом.

Артём держит дистанцию, но я то и дело ловлю на его губах лёгкую усмешку. Спокоен, уверен. Не пытается скорее сократить дистанцию, как парни, с которыми я общалась раньше. Маньяк спокоен и уверен в себе. Он уже меня поймал и никуда я теперь не денусь.

Выходим на площадку. Кругом белые мраморные плиты с тёмными прожилками. Двери квартир чёрные, номера над ручкой. Артём открывает одну из них и пропускает меня вперёд.

Прихожая окрашена в графит. Когда мы входим под потолком загорается скрытая светодиодная лента. На полу тёмное дерево, а от основной комнаты нас отделяют вертикальные рейки перегородки. Артём разувается, позволяя мне немного потупить, ставит свою обувь на полку и проходит вглубь квартиры.

— Что хочешь поесть?

Не знаю, есть ли более сложный сейчас вопрос.

— Эм... нет. Я не голодна, — вру я, спешно стаскивая с себя кеды и тоже ставя их на полочку. Затем снимаю пиджак и иду за маньяком.

Квартира у него, конечно... такие можно в журналах интерьера показывать. Сдержанно, но дорого. Мебель скорее практичная и удобная, чем вычурная и «напоказ», мне нравится.

— Я к тому, что, если хочешь чего-то конкретного, нужно заказать, — поясняет он, обходя кухонный остров и открывая холодильник. — Хотя... наверно заказать придётся в любом случае. Ладно. Чай будешь? Кофе?

— Можно воды?

Не зная, что делать, я аккуратно кладу пиджак на спинку дивана. Обращаю внимание на панорамные окна за полупрозрачными шторами и огнями города за ними. Из-за тёмных туч кажется, что уже очень поздно.

Артём подходит и вручает высокий стакан с водой. На миг наши пальцы соприкасаются, и он опять хмурится.

— Может всё же чай? Ты мёрзнешь.

— Я нервничаю, — честно признаюсь я. — А вода для цветов.

— Зря. Я тебя не съем, — ухмыляется он и кивает на диван. — Погоди, у меня есть ваза.

Садись пока.

Подчиняюсь. Обращаю внимание на необычный столик только тогда, когда Артём что-то щёлкает и в центральной его части появляется огонь. По стенам расползаются рыжие блики, становится уютнее.

Ладно, я уже не так уж против умереть здесь.

Артём возвращается с вазой и телефоном, который сразу протягивает мне. На экране приложение с фото блюд. Предлагает выбрать ужин, а мне жуть как неловко оттого, что я не вижу цен и не могу ничего выбрать толкового.

Тыкнув первый попавшийся салат, в котором очень отдалённо узнаётся цезарь (он же не должен стоять как крыло от самолёта?), возвращаю телефон. Артём качает головой и требует добавить еду, которую действительно хочу съесть. В противном случае грозит выбрать сам, не считаясь с моими вкусами.

Первое из испытаний вечера оказывается довольно сложным, но конечный выбор его удовлетворяет.

— Так что у тебя за проблема? — спрашивает маньяк, одновременно выбирая ужин для себя. — Кроме дурацкой работы в цветочном магазине.

— Сперва расскажи про предложение. Серьёзно, ты так темнишь, что я уже не знаю, что думать.

Он заинтересованно поднимает бровь, коротко глянув на меня:

— А какие у тебя варианты?

— Серьёзно? — злюсь я. — Какие могут быть варианты, когда приезжаешь домой к парню, которого знаешь всего день?

— Полтора.

— Большая разница!

— В некоторых случаях, да, — он загадочно улыбается. — Иногда полтора дня это очень много, но мы ушли от темы. Какие варианты у тебя есть?

Он издевается? Мне что, вслух это нужно произнести? Надеюсь, в темноте не видно, как горят мои щёки.

— Тебе не с кем играть в твистер?

Повисает пауза. Щёки теперь горят ещё сильнее. Боже, что я несу?!

Артём медленно запрокидывает голову, касаясь спинки дивана затылком и неожиданно смеётся. Легко так, заразительно. Я нервно хихикаю, чтобы поддержать.

— Молодец, хороший вариант. Ещё есть?

Ой, да хоть десять.

— Ты пытался похитить меня ещё в магазине. Хотел попробовать лазанью. Вот и теперь привёл, чтобы кто-то тебе готовил? — киваю на телефон, лежащий на столе. — Раз уж заказываешь еду.

В голубых глазах танцует пламя. Меня смущает его взгляд. Реально маньяк.

— Хорошо. Мне нравится, что ты обходишь очевидные банальности вроде убийства или изнасилования, хотя явно о них думаешь. Мне интересно, почему?

Вопрос ставит в тупик. Потому что не хочу верить, что со мной случится что-то подобное? Потому что хочу верить, что ты не такой? Хотя откуда мне знать, мы же и правда знакомы всего полтора дня.

— Не знаю. Мне кажется, это слишком...

— Просто? — подсказывает Артём. — Примитивно?

Нервно улыбаюсь.

— Ага.

— Согласен. Впору задуматься, нет ли у меня красной комнаты с клетками, цепями и плётками.

— А она есть? — сглатываю я.

— Хочешь проверить? — ухмыляется маньяк.

Да, но боюсь. Я и так под твоим контролем сейчас, а если ты всё же решишь меня изнасиловать, здесь мне хотя бы обстановка нравится.

— Я подготовлю комнату к твоему следующему разу, — обещает он. — Не хочу разочаровать.

Вот спасибо. Удружил так удружил.

— Что ж, — он наклоняет голову к плечу. — Пора ответить на вопрос, за которым ты пришла. Со своей стороны могу сказать, что ты подходишь для задачи, которую я собираюсь поручить. Но детали я объясню после твоего ответа, да или нет. Если ответишь положительно, начнём прямо сейчас.

Глава 16. Сложное решение

Я моргаю. Сейчас? Он серьёзно? А как же подумать?

— К чему такая спешка? Мы ограничены по времени?

— Можно и так сказать, — кивает Артём. — Теперь условия. Во-первых, ничего незаконного, аморального и преступного делать не придётся. Ничего, что нанесёт вред твоей или чьей-либо ещё репутации.

Медленно выдыхаю.

— Во-вторых, я гарантирую тебе полную безопасность. Конечно, защитить от ушиба мизинца о тумбочку я вряд ли смогу, но, будь уверена, помощь окажу и вызову квалифицированного врача если, не дай бог, с тобой случится более серьёзная неприятность.

— После цветочного верю, — улыбаюсь я, пытаюсь скрыть неловкость. Артём отвечает тем же.

— Раз уж затронули тему здоровья. Есть какие-то медицинские проблемы, о которых мне стоит знать? Аллергии? Хронические заболевания? Ты принимаешь какие-то лекарства на регулярной основе?

— Нет, ничего такого...

Медицинские проблемы есть у брата, но вряд ли тебе это интересно. Блин, столько вопросов... мы же не в космос полетим? Он не заставит меня тестировать лекарства или типа того?

— В-третьих, — продолжает Артём. — Ты можешь выйти в любой момент, но тогда останешься без приза. Скажу сразу, буду настаивать на продолжении, но последнее слово за тобой.

— Звучит всё... максимально странно... Можешь хотя бы примерно объяснить, что нужно делать?

— Пока нет, иначе испорчу сюрприз, — по его лицу ничего не разобрать. — По времени это займёт все выходные. Если будем придерживаться плана, то в воскресенье после обеда будем свободны.

Мда... учитывая, что сегодня пятница, решать нужно прямо сейчас... Чёрт.

Во что ты пытаешься меня втянуть?

— И наконец оплата. Если выполним задачу, у тебя будет доступ к форме. Два поля: номер счёта или телефона, привязанного к карте и сумму, которую сама считаешь нужной.

— Что? — я поднимаю бровь. — Какую сумму? А если я миллион запрошу?

Артём ухмыляется и не отвечает. Я что реально могу хоть сколько написать? Неужели... Хотя, если судить по обстановке вокруг, может и миллион лишний имеется.

Чёрт, а где подвох? всё слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он отдаст меня в секс-рабство? Хотя... только на выходные... так себе рабыня, конечно.

— Ответ мне нужен прямо сейчас, — Артём наклоняется вперёд и кладёт передо мной таблетку. — Это снотворное, безопасное. Проспишь примерно шесть-семь часов, потом начнём.

Я вздрагиваю. Вот и подвох! Накачать меня решил!

— И ты ещё говоришь про то, что это законно?!

— Незаконно было бы, если бы я подмешал его в еду или воду, — логично рассуждает Артём. — Я честно объясняю, чего хочу. Инструкцию и банку принести показать?

— Но ты собрался вырубить меня и делать... неизвестно что!

— Только перевезти на место, где всё будет происходить, — возражает он. — Ты верно подметила, просто накачать кого-то таблетками и изнасиловать — примитивно. Но, видишь ли, место, где всё будет происходить, следует держать в тайне, а возить тебя с тёмным мешком на голове мне кажется аморальным. Поэтому я предлагаю тебе хорошенько выспаться, прежде чем начать.

Он замолкает, позволяя мне обдумать предложение.

Звучит всё жуть как подозрительно! Могу написать любую сумму, да? Интересно, а долг покроет? Я не знаю, что делать и это нервирует, хотя он говорит, что я справлюсь. Чёрт... это всё так странно!

Гарантирует мою безопасность. Видимо обещает, что в процессе... транспортировки со мной ничего не случится. Если всё пойдёт по плану, то... проклятье, через те же полтора дня я буду свободна. С деньгами, без долгов. Смогу помочь Женьке, обрадовать маму, купить сраную микроволновку... Чёрт, звучит слишком соблазнительно, чтобы отказаться.

— Возил её с собой, — отмечаю я. — Неужели ты и правда маньяк?

— Не с собой, — он кивает на кухню. — У меня аптечка там.

— Мы не поехали никуда, потому что ты решил сразу дать её мне?

Артём кивает.

— Увидел, что тебе не нужно много времени, чтобы принять решение.

Снова погружаюсь в мысли. Мне придётся рискнуть и довериться незнакомцу. Я не вижу выхода. Женька в больнице, меня выгнали с работы. Когда коллекторы заявятся в следующий раз, что они сделают? Покалечат маму? Меня? Хотя нет, со мной будет кое-что похуже.

Артём тоже может, но с ним как-то... иначе всё. Не знаю. Не могу объяснить. К тому же, если меня всё равно поймут, то пусть хотя бы кто-то красивый...

Боже, о чём я только думаю?!

— Вопрос, — вглядываюсь в глаза маньяка. — Сколько людей там будет? И кто?

— Мы с тобой. Будет возможность вызвать помощь, но в плане физического взаимодействия рядом с тобой буду только я.

— Видеонаблюдение?

— Есть, но не везде и не постоянно. Отлучиться в уборную или душ можно, не опасаясь.

Сердце грохочет в висках. В этот миг я почему-то вспоминаю коллектора, который предлагал скинуть долг на особых условиях. Мотнув головой, я хватаю таблетку и отправляю её в рот, запивая водой.

Артём улыбается и подсаживается ко мне. Его лицо так близко.

Почему хочется плакать? Из-за того, что поддалась? Или скорее продалась?

— Мне нужно, — зачем-то пытаюсь оправдаться я. — Ради семьи.

— Конечно, — улыбается он, нежно проводя пальцами по моему лицу и убирая упавшие волосы. — Позже расскажешь. Не бойся, тебе ничто не угрожает, и я рядом.

То ли я перенервничала, то ли его таблетка действует слишком быстро. В глазах темнеет и, прежде чем провалиться в темноту я думаю, что стоило бы написать маме и предупредить что меня не будет.

Какая же я дурочка.

Глава 17. Загадка первой ловушки

Прихожу в себя с на удивление ясной головой. Нет ощущения нереальности, я сразу вспоминаю, что приняла таблетку, чтобы... сделать непонятно что.

Вокруг темно. Я лежу на мягком матрасике. Пробую встать, как вдруг ударяюсь лбом. Какого?!

— Осторожно, — слышится справа спокойный голос Артёма. — Ты всегда так резко просыпаешься?

— Какого чёрта?!

Я ощупываю пространство вокруг себя и понимаю, что я... мы лежим в ящике? Слева и сверху ладонь упирается в стенку, справа обнаруживается рельефное плечо Артёма.

— Что происходит?! Где мы?!

— В ловушке, — подозрительно спокойно объясняет он. — Сейчас будем придумывать, как отсюда выбраться.

— Ты охренел?! — не сдерживаюсь я. — В какой ловушке, чёрт возьми?! Ты во что меня втянул?!

— Попробуй ощупать пространство вокруг себя, — он не обращает внимания на моё негодование. — Наверняка есть фонарик или вроде того.

Выданное задание ненадолго прерывает поток ругательств. Фыркая, я ощупываю матрасик, на котором лежу и действительно нахожу между ним и стенкой что-то металлическое.

— Твою мать, это что пистолет?!

— Аккуратно доставай, — советует Артём. — Только не клади палец на спусковой крючок.

— Ты издеваешься?! Чёрт, это сраный пистолет! Тяжёлый, Тём!

Всего мгновение меня беспокоит мысль, что он не любит, когда его так называют, но сейчас мне как-то пофиг. Артём, если и был недоволен, ничего не сказал, а лица его я не вижу.

«Пистолет» аккуратно ложится в руку, чувствую, как подрагивают пальцы. Божечки, я никогда не держала в руках оружия. Что делать-то?!

— Так, хорошо, — мой голос подрагивает. — Что дальше?

— Направь его куда-то в сторону и жми крючок.

— Ты серьёзно?! Хочешь, чтобы я выстрелила?! А вдруг он заряжен?!

— Мы не узнаем, пока не проверим.

— Да иди ты на хрен! — возмущаюсь я, подавляя желание швырнуть найденное оружие. Вдруг выстрелит? — Я скорее в тебя его направлю!

— Это тоже вариант. Хочешь попробовать?

Не сдержавшись, я пинаю его. Ненормальный маньяк только усмехается.

Псих! Господи боже! На что я подписалась?! Оказалась с ним не пойми где, в каком-то ящике, в котором, кроме нас, ещё и пистолет лежит! Что происходит?!

— Очень хочу! Но если он заряжен, и я тебя убью, то меня посадят!

— Почти наверняка. Но ты всегда можешь списать всё на похищение и самозащиту. Могут и поверить. Ты девушка в крови, которой ещё есть следы снотворного. Главное после убийства как можно скорее сдай анализы.

— Ты серьёзно, блин?! Что мне со стволом делать?

— Я же сказал, направь в сторону и потяни пальцем крючок.

— Я не могу!

— Хочешь, чтобы я?

В мыслях проносится мысль, что мне не стоит отдавать оружие психу, который поил меня снотворным и запихнул вместе с собой хрен пойми где. Потом я вспоминаю его обещание, что ничего плохого со мной не случится и отчего-то не сомневаюсь, что это правда.

— Да, забирай. Сейчас.

Стараясь направить оружие куда-то в сторону наших ног, я медленно отвожу руку вправо. В темноте появляется ладонь Артёма и мягко обхватывает мою кисть. То ли случайно, то ли нарочно, он успевает погладить тыльную сторону ладони, пока я не отдаю ему оружие.

— Что ж, думаю, нажать на спусковой всё равно придётся, — говорит маньяк. — Я направлю его нам в ноги.

— Что?! Нет! Стой! — В панике поворачиваюсь на бок, лицом к нему и подтягиваю к груди колени.

Места здесь немного, так что я невольно касаюсь ногами Артёма. Он это никак не комментирует. Только спрашивает:

— Готова?

— Нет!

Я зажимаю уши. Невольно смещаюсь ближе к маньяку. Готовлюсь к оглушительному хлопку и возможной боли, но слышу щелчок, после которого становится светлее.

Чего?!

— Ну надо же, — даже не пытаюсь правдоподобно показать удивление, Артём поднимает пистолет, из дула которого вырывается огненный язычок. Зажигалка?!

— Я тебя убью сейчас! — страх отступает и меня швыряет в ярость. — Больной! Идиот! Ты хоть представляешь, как я испугалась?!

Пытаюсь колотить его, но в такой тесноте толку от них. Маньяк насмехается надо мной.

— Что? Я сам не ожидал, что так будет.

— Ты! Придурок! Во что меня втянул?!

— В приключение, которое принесёт тебе любую сумму, которую напишешь, — усмехается он. — Эй, осторожнее.

Огонёк гаснет, и он зажигает его снова. Я немного успокаиваюсь и вытягиваю ноги.

— Больной убудок, — подытоживаю я и выдыхаю, осматривая место, в котором оказалась. — Погоди, это что такое?

Мы лежим в какой-то коробке. До потолка тут хорошо если сантиметров сорок-пятьдесят есть. При желании можно перевернуться на живот, и то для плечистого маньяка это будет та ещё задачка. И надо мной, и над ним дырка. Для воздуха...

— Чёрт... это... это что такое?! Мы в гробу?! Эй! Эй! Там кто-нибудь есть?! Помогите!

Нет реакции.

В шоке поворачиваюсь к Артёму. Он наблюдает за моей реакцией с видом учёного, наблюдающего за подопытными кроликами. Это бесит! И пугает.

— В что ты меня втянул?

— В приключение, которое...

— Заткнись! — срываюсь я и сжимаю виски пальцами. — Мне надо подумать!

И успокоиться. Это в первую очередь.

Так. Если этот придурок засунул нас под землю, то нам чертовски повезло, что здесь есть воздуховоды, иначе мы бы уже задохнулись.

В тусклом свете зажигалки мало что видно. Ровные стенки ящика, никаких надписей или ещё чего. Между мной и Артёмом три металлические ножки, поддерживающие верхнюю крышку. Будто под кровать забрались. Лучше буду думать об этом, чем о том, что мы, скорее всего похоронены заживо. Как отсюда выбраться?

Поворачиваю голову вверх и замечаю странную панель. Пихаю маньяка в бок и указываю на неё.

— Смотри.

Артём пробует перевернуться, но у него мало что выходит. Я забираю зажигалку и, пока он пытается, рассматриваю находку в тусклом свете.

Маленький экранчик, кнопки как у кнопочного телефона. Кажется, нужно ввести какой-то код? И что тогда? Нас выпустят?

Кручу головой, пытаюсь найти подсказку. Артём, наконец, умудряется перевернуться на живот и тоже осматривает панель.

— Что делать? — я сглатываю. — Нам нужен какой-то код. Где его взять?

— Ты знаешь старинную французскую легенду о неразделённой любви девушки Жанетты?

Я даже воздухом давлюсь.

— Чего, блин?! Ты о чём вообще?!

Маньяк не теряет и начинает рассказывать:

— Жанетта познакомилась в лесу с молодым охотником и влюбилась в него с первого взгляда. Парню она тоже приглянулась, и он поцеловал её на прощание. Спустя несколько дней Жанетта опять увидела охотника, но не одного, а с другой девушкой. От горя и обиды её сердце разбилось и превратилось в нежный красно-розовый цветок, который во Франции называли «сердечком Жанетты».

Я слушаю его, отчаянно удерживая разум под контролем. Чёртов псих, он затащил меня в это жуткое место, а теперь сказки. Потрясающе.

Вытрясу с него денег на новую квартиру, блин!

— И что?

— Ничего, — улыбается маньяк. — Просто захотелось рассказать тебе историю.

Легенда о неразделённой любви, цветы, сердце Жанетты... Жанетта.

Сглотнув, набираю имя девушки на панели. Экран моргает красным и написанное пропадает. Не подходит. Ожидаемо, это было бы слишком легко.

— Сколько у меня попыток? — цежу сквозь сомкнутые зубы.

— Сколько угодно, — он ложится, подкладывая руку под голову и наблюдая за мной.

Следующие минут пять (а может и десять) я перебираю все возможные вариации из подсказки. Пытаюсь написать имя Жанетты, наоборот, своё, Артёма, даже «чокнутый маньяк» — не подходит.

— Может хватит на меня пялиться!

— Ничего не могу с собой поделать. Когда люди сосредоточены, они очень красивы.

Я фыркаю в ответ на комплимент.

— Я не знаю, что делать! Я не понимаю эту подсказку! У тебя есть ещё? Неразделённая

любовь, охотник... — начинаю вбивать слово «измена». — Не то. Предатель? Блин.

Роняю голову. Артём не шевелится, продолжает наслаждаться моими страданиями. Удивительно, но его умиротворённое спокойствие успокаивает и меня. Окажись я тут одна, уже поседела бы раза на три, а так... когда рядом условный организатор игры, немного спокойнее. Он же сказал полтора дня. Можно не ждать, что освобожусь раньше?

— Так, ладно, будем рассуждать логически. Французская легенда о неразделённой любви... цветы.

И тут в мозгу что-то щёлкает. Цветок! Отгадка должна быть связана с этим?. Артём знает, что я работаю в цветочном и... Название? Но в моём арсенале нет ничего такого. Можно, конечно, перебрать все цветы, какие знаю, вдруг какой-то из них подойдёт, но...

Стоп. Сердечко Жанетты? Это же садовый. В начале лета Светлана Валерьевна хотела украсить клумбу перед магазином и отправила нас в садовый центр. Те кусты с розовыми цветами-сердечками... Может Артём увидел их, когда приходил и запомнил?

— Кажется, ты догадалась, — усмехается он и указывает взглядом на панель. — Вводи.

Я поджимаю губы и стараюсь сделать грозное лицо, чтобы он не слишком радовался. Набираю на клавишах «дицентра» и, молясь, чтобы всё было правильно, жду.

Секунда, две, три. Кажется, что сейчас панель снова загорится красным, но тут стенка ящика откидывается, позволяя нам выбраться.

Вот только куда?

Глава 18. Откровение

Я пробираюсь по странному пространству, похожему на вентиляционную шахту. Пока ползу по ней, звук глухой, а сам металл холодный. Такое ощущение, что нас и правда зарыли где-то, а теперь мы через этот лаз ползём к следующей ловушке.

Не знаю, как дела у Артёма. Чисто по моим ощущениям, он должен тут протиснуться, но лезть ему явно будет неудобно. Зажигалка-пистолет у меня. Посчитала, что будет справедливо, это я не знаю, куда ползу, а маньяк в курсе правил игры. К тому же нечего ему мой зад разглядывать!

Несколько поворотов и я добираюсь до металлической решётки, толкнув которую вылезаю в относительно просторное тёмное помещение. Уже привычно тяну спусковой крючок и пытаюсь осмотреться.

Тишина. Оглядываюсь на дыру, из которой влезла в дыру побольше Артёма не слышно, но вскоре он показывается и тоже осматривает комнату в комнате.

На миг меня посещает желание поколотить его. За этот гроб, дурацкий, загадку идиотскую, да много за что, пока я раздумываю, маньяк выпрямляется, одёргивает футболку и, хмыкнув, шлёпает ладонью по выключателю справа от себя. По периметру комнаты загораются светодиодные ленты и от зажигалки больше нет толку.

Хмуро смотрю на наглеца.

— Ты в своём уме вообще?! Это что блин было?!

— Как я уже говорил, тебе здесь ничто не угрожает. Задания выполнимые, с первым ты успешно справилась. Уверен, остальные будут ненамного сложнее.

— Тебе скучно живётся, да? — обречённо спрашиваю я. — Ты же неспроста придумываешь вот что-то такое? Для чего всё это?

Артём молчит, засунув руки в карманы. В глазах всё та же усмешка, явно не станет отвечать на мои вопросы. Это бесит. Ну конечно, я же сама подписалась.

Закатываю глаза и отворачиваюсь, намереваясь искать новую загадку, когда он неожиданно отвечает:

— Мне и правда скучно. И да, я действительно устраиваю эти игры просто шутки ради развлечения. Ну и небольшой финансовой помощи.

— А если мне нужна большая финансовая помощь? — я складываю руки на груди.

— Большая, маленькая. Всё относительно. Пойми, Марина, то, что много для тебя, не обязательно много для меня. Опять же, то, что мало для тебя, может быть немало для меня. У всех нас есть то, чего им не хватает. В твоём случае это, если правильно понимаю, деньги. В моём — время, которое другой человек со мной проводит.

Он говорит это спокойно, как должный и уже случившийся факт. Без сожаления, жалости к себе или чего-то подобного, но у меня на этих словах сердце сжимается.

Я понимаю его. У меня нет друзей из-за того, что начала работать со школы, не пошла учиться, само собой. Кручусь как могу, и не завожу друзей, потому что нет времени и есть огромный долг.

Что у Артёма? У него деньги и возможность задвинуть работу и уехать на все выходные, не пойми куда и с кем. Неужели у него нет каких-нибудь богатых друзей? Или не совсем? Теперь мне хочется понять того, с кем я была фактически похоронена заживо.

— Но разве за такое нужно платить? Это ведь... просто. Если всё так, как ты говоришь,

то это ненормально. За деньги мог и эскортницу нанять какую-нибудь. Или, — тут становится совсем неприятно. — Ты меня эскортницей считаешь?

— А тебе самой хочется считать себя эскортницей?

Молчу. Конечно не хочется. Но, если подумать, по факту так и есть... Артём, будто угадав мои мысли, качает головой.

— Нет. Я видел эскортниц, скрывать не буду, но ты не похожа на них. Хотя признаю, выборка у меня небольшая. К тому же не уверен, что они отреагировали бы в первом испытании так же, как и ты.

— Почему так? — хмурюсь я. — Почему у тебя нет нормальных друзей?

Артём усмехается. На лице нет и тени грусти или беспокойства.

— Объясню, если расскажешь, для чего тебе деньги. Но, предлагаю, чтобы ты сперва озвучила свои ставки. Для чего это?

Я опускаю взгляд. Очень стыдно признаваться, хоть я и понимаю, что это глупо. Я не виновата в том, что случилось. Так сложились обстоятельства.

— Отец, он... — голос скатывается в скрип. — взял большой кредит на мою маму и сбежал. Не можем найти его. Да и не ищем, если честно. Пытаемся закрыть, но это очень сложно. Особенно сейчас, когда я осталась без работы.

Артём смотрит на меня погружённый в какие-то свои мысли. Вероятно соотносит известные ему факты, потом кивает.

— Серьёзный аргумент. Ты согласилась почти не думая, верно? Рискнула, не зная всех условий. Просто любопытно, а если бы, допустим, здесь тебя ждала толпа мужчин, видевших в тебе эскортницу, ты бы согласилась?

— Нет.

— Даже если бы они решили все твои проблемы?

— Особенно так, — твёрдо отвечаю я.

— Но тебя вполне устраивает вариант с моим участием, — улыбается он, подходя ко мне почти вплотную. — Понравился?

Молчу. Отрицать глупо, а врать не хочу, так что уваливаю в сторону.

— Ты же сказал, что здесь будем только мы. И что мне не угрожает ничего серьёзнее удара мизинцем.

Маньяк усмехается и проводит пальцами по моей щеке.

— Ты очень интересная девушка, Марина. Мне определённо повезло в этот раз.

— Так ты расскажешь, почему играешь в неё со мной, а не со своими друзьями?

— Всё просто. Мои родители всегда были слишком заняты, поэтому меня отдавали на множество кружков, чтобы отвлекать от «скуки». Когда пришла пора общаться со сверстниками, я почти разучился делать это без ожидания какой-то выгоды.

Моргаю. Ну ничего себе. У него и правда ситуация очень похожа на мою, но выводы он из неё сделал совсем другие.

— И от окружающих ждёшь того же отношения?

Артём кивает:

— Что ж, давай продолжим. Первое испытание позади, условия не поменялись. Ты по-прежнему можешь закрыть свои долги одним платежом. Готова услышать вторую загадку?

Глава 19. Вопрос на миллион

Дверь в следующую комнату я открываю только полчаса спустя. Ирония в том, что, несмотря на внутреннюю борьбу своей алчности с неприятием, я всё же не могла не признать, что играть было интересно.

Сперва я открыла секретную панель на одной из стен, а потом, не без подсказок Артёма, каюсь, провела лазерный луч по лабиринту, поворачивая зеркальные кубы. Когда всё получается, мы слышим щелчок замка и открывается дверь, ведущая в следующую комнату, которая выглядит как... номер отеля?

Оборачиваюсь на Артёма, и тот спокойно поясняет:

— Первая точка сохранения. Есть хочешь?

— Д-да, — не отнекиваюсь я. Усталость и правда давала о себе знать.

— Там ванная, туалет. Если нужно пользуйся. Переодеться хочешь?

— Эм... но у меня ничего с собой нет.

— Об этом не волнуйся, — Артём отходит к небольшой кухне, и раскрывает шкафчики, чтобы проверить содержимое. — В ванной есть пакет со сменной одеждой. Их несколько, твой размер я знал только примерно. Если что-то не подойдёт, проверь другие.

— Л-ладно...

Я не спорю. В конце концов пакет со сменной одеждой не самое странное, что меня здесь поджидало. И поджидает.

Сперва я думала просто умыться, чтобы немного прийти в себя, но, посмотрев на душ, соблазняюсь освежиться. В конце концов, меня везли не пойми на чём, потом пихали в тот ужасный ящик и вообще наряд у меня явно неподходящий для подобных испытаний.

В пакетах обнаруживается незатейливый комплект одежды: чёрные велосипедки, футболка, худи, бельё спортивного кроя. На последнем элементе мне становится не по себе.

Боже мой, на что я подписалась? Этот маньяк будет точно знать, какого цвета у меня трусы... Лютая жесьть.

С другой стороны, он платит мне любую сумму. Да и мог делать со мной что угодно, пока я валялась в отключке.

Глупо отрицать, Артём странный. Но его история... Не знаю, может я и дура, но мне хочется ему верить. У нас есть нечто общее — одиночество. Каждый по разным причинам, но я понимаю, что он чувствует. Если меня из изоляции не выпускала нужда, то у него границ не было. Не знаю даже, кому из нас было хуже...

Ещё немного поломавшись, я всё же решаюсь на душ. И даже голову мою. Шампунь вкусный оказался.

После горячей воды беспокойство относительно странности ситуации немного отпустило. Ну да, я не пойми где с маньяком, обещавшим, что ничего мне не будет. Устроить истерику, конечно, можно, но зачем? Что это изменит? И как мне поможет? Одеваюсь и, наскоро высушив волосы имеющимся тут же феном, возвращаюсь в комнату.

Артём тоже меняет одежду на похожую, только у него вместо велосипедок спортивные штаны.

— Подошло?

— Угу.

— Славно, садись. Будем обедать.

Надо же, он мне даже стул отодвигает. Стол может и простой, но имеются бумажные и тряпичные салфетки, несколько вариантов приборов, в которых я, само собой ничегошеньки не смыслю и чувствую стыд. Очень помогло бы сейчас наличие телефона с интернетом, чтобы загуглить какой из вилок сто есть.

Артём отходит к кухне, а затем возвращается с тарелками.

— Пришлось греть в микроволновке, поэтому пока везли они, само собой, остыли. Надеюсь, будет не так плохо.

Я смутно узнаю появляющиеся на столе блюда.

— То, что мы заказывали у тебя?

— Верно, — Артём усмехается. — Теперь понимаешь, почему я настаивал, чтобы ты заказала что-то нормальное?

— Стоило пояснить сразу.

— И испортить сюрприз?

Я беру вилку, накальваю половинку помидорки черри и жую. Господи, как же я проголодалась. Надо было заказать двойную порцию.

Некоторое время мы едим молча. Я чувствую, что немного расслабляюсь. Худи мягкое и уютное, еда вкусная, компания странная, но приятная. Надеюсь, он ничего не подсыпал в еду. Потому что я, удовлетворив базовые потребности, чувствую себя прекрасно.

— Может твоя проблема именно в этом? — я качаю головой, отпивая воды из стакана. — Ты же понимаешь, что такой способ досуга не каждому подойдёт. Другая девчонка, проснувшись в гробу, могла бы в паническую атаку свалиться.

— Несомненно.

— А эти задания, — продолжаю я, ставя ногу на стул и обнимая колено, как делаю обычно дома. — Это впечатляет, конечно, но девушку вряд ли привлечёт.

Артём улыбается и наклоняет голову к плечу.

— Может мне не нужна обычная девушка. Я ищу кого-то особенного. Кого такое впечатлит. Как насчёт тебя?

Я давлюсь воздухом.

— А что я?

— Девушкой моей быть хочешь?

Он спрашивает это таким тоном, с которым можно предложить выпить кофе.

— Эм... Вот так просто?

— А почему нет?

— Мне кажется, ты слишком мало меня знаешь, чтобы предлагать подобное.

— Я уже выяснил всё, что хотел, — Артём пожимает плечами. — И я не предложил бы подобное, не получив ответы на те вопросы, которые были для меня важны.

Какие, блин ещё вопросы? Он же ни о чём меня не спрашивал. В соцсетях нашёл что ли?

— Ну а... вдруг я делаю всё это только из-за денег? — я сплываю. Сам понимаешь, они мне нужны. Вдруг я сейчас притворяюсь заинтересованной только чтобы получить их.

— Не исключено, — ухмыляется Артём. — Но тогда почему ты говоришь об этом мне?

Зависаю. Блин, он не похож ни на кого из моих немногочисленных знакомых. Я не представляю, как вести себя с ним. Всякий раз, когда я думаю, что начинаю понимать и контролировать ситуацию, Артём делает или спрашивает что-то такое, от чего я теряюсь.

— Не знаю. Ты меня запутал.

— Не думаю. Тебя запутали вбитые обществом установки. Убеждённость в том, что

правильно, а что нет. Кто придумывает эти условия? И почему их не могу придумать я?

— Не знаю... Всё сложно.

— Нет, Марина, всё просто. Это то, что все скрывают. Ты нравишься мне, это очевидно. Я вижу, что нравлюсь тебе. Более того, если опустить моральную сторону вопроса, ты понимаешь, что я могу решить немалую долю твоих проблем. Тебе выгодно согласиться. Тем более что я предлагаю не замужество. Как минимум пока.

Сердце начинает стучать чаще. Щёки жжёт, кажется, я краснею. Остаётся только молиться, чтобы это было не слишком заметно.

— То, что ты сейчас сомневаешься, наводит меня на два вывода, — продолжает Артём. Взгляд теплеет. — Ты можешь оказаться той, кого я давно искал. Не эскортница, которая сделает всё, что я скажу за оговорённую сумму, и не содержанка, которой интересно только то, что я могу для неё купить, — он вздыхает и наклоняет голову к другому плечу, голубые глаза укалывают морозом. — Либо ты тоже всё это понимаешь, и всё это — красивая игра. Начиная от встречи в магазине и заканчивая твоим самоотверженным принятием неизвестного лекарства, которое, как ты знала, усыпит тебя.

По спине проносится холодок. Я снова удивляюсь, как резко меняется направление нашего разговора. Вопрос на миллион, блин.

— И несмотря на это ты всё равно предлагаешь стать твоей девушкой?

— Я готов рискнуть. Что скажешь, Марина? — Артём кладёт руку на стол ладонью вверх, явно предлагая положить свою. — На правила игры это никак не повлияет.

Глава 20. Аргументы

Время пробуксовывает.

Я смотрю в ярко-голубые глаза своего собеседника и пытаюсь понять, как мне теперь себя вести. Всерьёз ли он? В конце концов, мы знакомы меньше недели. Почему-то кажется, что Артём вот-вот рассмеётся, скажет, всё это шутка, а я дурочка поверила.

Но он не говорит. Спокойно ждёт моего ответа.

— Я не знаю, — опускаю взгляд. — Не уверена, что тебе это нужно.

— Давай я сам буду решать, что мне нужно? — возражает он. — Ты сейчас пытаешься выбрать за меня. Не стоит. Я в состоянии сам принять решение.

— Прости... Просто... Понимаешь, мы же с тобой как из разных миров. Я живу, экономя на всём, потому что...

Память отбрасывает к избитому Женьке, с которым я ехала в больницу. Интересно, как он там? Даст ли мне Артём телефон, чтобы позвонить и спросить какие новости? Женька гад, конечно, но мы семья, а её не выбирают.

Да и маму предупредить. Она наверняка волнуется. Уехала, сказав про работу, не подумала бы она чего-то не того.

Артём не перебивает, спокойно ждёт, когда я соберусь с мыслями. Его рука всё так же приглашающе лежит на столе. Это трогает меня почти до слёз. Так хочется положить руку, дать волю чувствам и рассказать, как дела обстоят на самом деле, но я держусь.

Он странный, но умный. Наверняка посочувствует и обязательно поможет, но мне не хочется просить о таком.

Чёрт, почему мы познакомились того, как мне настолько сильно понадобились деньги? Почему не месяц назад? Я бы спокойно общалась с ним, не подвергая зарождающуюся симпатию соблазном попросить.

Почему-то я уверена, что Артём не откажет, но лично мне после такого будет очень сложно. Чувство зависимости, обязанности, как мне кажется, испортит нормальное развитие отношений. Я не хочу быть ему должна. Принимать решения исходя из того, что он помог мне, а значит я, как бы, возмещаю это, соглашаясь на всё. Нет, если мы пробуем, то по-человечески, а не в потребительском плане.

— Ну вот, допустим, разбилась у меня кружка. Любимая. Ты бы на такую мелочь внимания не обратил, а у меня мышление другое. Новую кружку в план расходов вкладываю.

— Если бы я разбил любимую кружку, то нет. Я бы совершенно точно обратил внимание и расстроился не меньше твоего, — Артём пожимает плечами. — Любимые вещи — не совсем вещи. Они напоминание о чём-то. Ассоциации. Если кружка тебе нравится, это что-то значит. Ты любишь не её саму, а то чувство, что она вызывает.

— Это да, — я пытаюсь вернуться к мысли. — Но я немного не о том... У тебя же... У тебя один круг общения у меня другой.

— Думаешь?

— Ну да, — я снова теряюсь.

И этот парень тут же ломает направление мысли:

— Мы сходимся на том, что оба не имеем круга общения. Два «ничего» одинаковы.

— Боже, — я сжимаю виски. — Какой же ты...

— Душный? — усмехается Артём.

Вздыхаю и вымученно на него смотрю. Наглец веселится.

— Я специально, — честно признаётся он. — Знаешь, что я слышу? Страх попробовать новое. Тебя пугает то, как быстро я меняю ситуацию вокруг. В тебе много навязанного, того, что ты не сама придумала, а услышала от кого-то и приняла как данность. Да, я мог бы «сделать как всё». Цветы, конфеты, кафешки, но и ты меня пойми. Мне скучно на таких свиданиях. Однообразно, плоско.

Он выдерживает паузу, позволяя мне осмыслить сказанное. Вообще он прав, сама не знаю, откуда я придумала всё это.

— Я бы оставил тебя в покое, если бы видел, что я тебе неинтересен, но ведь это не так, — продолжает Артём. — Я тебя привлекаю. Не хочу, чтобы ты отказывалась от возможности только потому, что какие-то другие люди решили, что тебе нельзя.

Отвожу взгляд. Так-то оно так, но решиться сложно. С одной стороны понимаю, что мне пока не замуж выходить, но всё равно что-то внутри мешает.

— Я понял, — Артём закрывает ладонь и убирает руку со стола. Затем берёт вилку и как не в чём ни бывало продолжает есть. — Забыли. Прости, что надавил.

— Всё нормально, — я виновато улыбаюсь. — Ты... можешь дать мне чуть больше времени? Просто... понимаешь... Да, это и глупо, ни к чему не обязывает и всё такое. И да, ты прав отчасти про стереотипы, но дело не только в них. Я не хочу подходить к такому вопросу легкомысленно. И мне правда было бы легче, если бы мы знали друг друга лучше. Сейчас... мыслей слишком много.

На лице Артёма возникает неясная тень. Понимания, радости, даже, возможно, благодарности.

— Я понял тебя, Марина, — медленно кивает он. — Да, с твоей стороны справедливо взять время на подумать.

— Заскучать не успеешь? — поддеваю я, пряча улыбку за салфеткой.

Во взгляде Артёма мерцаю искорки веселья:

— Я собираюсь провести это время с пользой, повышая свои шансы на твой положительный ответ. Как знать, как далеко мы с тобой зайдём?

У меня по коже мурашки разбегаются. Ирония в том, что они приятные. С предвкушением.

Отвожу взгляд, не выдерживая, Артём не отворачивается. Мне начинает казаться, что после этого разговора он видит меня не совсем так же. Будто я сказала или сделала что-то такое, что подтвердило его предположения. Или доказало их.

Вероятно, позже я об этом пожалею. Мне кажется, именно таким взглядом смотрят на жертву. Глупого зайчонка, зажатого в угол без возможности спастись. Вот только в моём случае зайчонок... будто хочет, чтобы его съели?

— Доедай. У меня есть для тебя сюрприз, — неожиданно объявляет Артём, встаёт и подходит к кухонным шкафам.

Глава 21. Сюрприз

Я настораживаюсь.

Учитывая непредсказуемость Артёма за этим «сюрпризом» может скрываться всё что угодно. Я одинаково готова и к появлению кольца и фразе в духе «всё равно думаешь, давай сразу о свадьбе», и к банке с какой-нибудь сколопендрой. Не могу придумать, для чего вторая, но уверена, что Артём на подобное не растеряется.

Но когда он разворачивается, я удивляюсь на порядок сильнее, потому как на стол передо мной ложиться...

— Да, это новый телефон., — кивает маньяк в ответ на мой взгляд. — Мне физически больно от представления, как ты перебираешь буквы на кнопках.

— Но... я не могу принять такой подарок. Слишком дорого...

— Смотри, это не сложно, — усмехается Артём и ловит мою руку, переворачивает ладонью вверх и кладёт на неё коробку. — Во! Ты держишь её, обалдеть. Даже у меня не получалось так с ходу принимать. Можешь собой гордиться, ты великолепна.

— Ты же понимаешь о чём я!

— Конечно понимаю. И ты вспомни, в каком столетии живёшь. Отправлять голубей и сегодня есть возможность. Это экзотично и раритетно. Можно пейджерами пользоваться, но зачем? Считай его бонусом за прохождение игры. Заберёшь себе, независимо от результата, а сейчас тебе не мешает позвонить своим и дать знать, что ты жива и всё в порядке.

И снова он одной фразой отсекает во мне желание спорить. Маме позвонить и правда стоит.

— Славно, — кивает Артём. — Тогда тебе будет чем заняться, пока я схожу в душ, не заскучаешь.

Он поднимается и скрывается за дверью, а я остаюсь с чёрной коробкой один на один. Внутри взрыв чувств и эмоций: радость, стыд, благодарность, паника. Артём говорил, что не хочет содержанку, а сам будто нарочно ставит меня в зависимое от себя положение. Нет бы простой телефон, равный моей месячной зарплате, так нет, дорогая модель неизвестного бренда.

Снимаю крышку и с некоторой опаской жму на кнопку разблокировки. Артём, видимо, понял, что я с такими «компьютерами» обращаться не умею, потому что всё уже включено и, кажется, настроено.

Нахожу телефонную книгу, контакты тоже вбиты. Накрывает паникой, когда я вижу, что номер Артёма подписан точно так же, как было у меня... Боже мой... Теперь он знает!

От бросившего в жар чувства меня окунает в ледяную воду, когда я случайно нажимаю куда-то и жутко умное устройство начинает вызов. Я тыкаю на всё подряд, пытаюсь его сбросить и когда наконец получается, просто кладу телефон на стол и борюсь с желанием никогда больше не брать его в руки.

Чёрт, а чего я так перепугалась-то? Ну видел и видел, ничего же не сказал? Даже девушкой своей стать предложил.

С другой стороны, может он какой-нибудь перенос контактов использовал или типа того. Не знаю, что в этом пульте от космического корабля есть. Появляется желание побыстрому переименовать контакт, но я опасаюсь снова нажать что-нибудь не то.

Я с этим сюрпризом чувствую себя старушкой. Надо приобщаться к прогрессу, конечно.

Нахожу номер мамы и с некоторой опаской нажимаю на её имя. Приходится кликнуть пару раз, потому как вызвать её так же легко, как случайно позвонить маньяку у меня не получается.

— Алло, мам, — рассеянно накручиваю на палец прядь волос. Почему-то снова разгорается тревога. — Привет.

— Марина? Чего звонишь? Всё нормально?

В смысле чего звоню? Меня дома не было не пойми сколько!

— Да вот, предупредить, что я немного задержусь, — не рассказывать же ей про то, что я сейчас не пойми где с парнем, который поил меня снотворным. — Работу предложили, помнишь, я говорила?

— Ага, и что?

— Ну... вот. Пока в процессе. Думаю, вернусь или в воскресенье, или в понедельник.

— А что за работа-то?

— Да по мелочи так. Заплатят хорошо.

— Марин, ты там не в эскортницы хоть подалась? Учти, начнёшь телом торговать, я тебя отравлю.

— Мам, ну каким телом, — я нервно усмехаюсь. — Ты же меня видела, кому я нужна?

— А есть разница для девки на ночь? Где ты сейчас?

Разговор становится неприятным. Попытаюсь сменить тему.

— Как Женька? поправляется?

— Плохо он, — голос мамы надрывается. — Нужно срочно обследовать. Я наблюдаю, но я не нейрохирург, не могу точно сказать, насколько серьёзны повреждения.

— Сколько денег нам нужно?

— Сколько тебе заплатят?

— Ещё не знаю. Но ты назови цифру. Чтобы я могла как-то учитывать предстоящие расходы.

— Ох, Мариночка, чем ты у меня занимаешься, а?

— Ничем противозаконным. Так что с цифрой?

— Больше сотни тысяч. Если всё вместе.

Я сжимаю виски пальцами. Проклятье, ну как так, а? Эти коллекторы хотят, чтобы мы платили им деньги и сами же этому препятствуют. Не трогали бы брата — эти невесты откуда взявшиеся сто тысяч можно было бы отправить на покрытие долга...

— Чёрт, ладно. Поняла тебя.

— Тебе столько заплатят? — продолжает пытаться мама. — Чем ты занимаешься? Марина, это точно законно? Что о нас люди подумают?

Вот что люди подумают мне уже всё равно. Ничего хорошего о нас они давно не думают. Да и какая мне разница?

— Ладно, мам, мне пора.

— Марина, отвечай немедленно, где ты и чем занимаешься?! Я не хочу, чтобы все наши знакомые узнали, что моя дочь стала ночной бабочкой!

Теперь, если я скажу, что разгадываю загадки, она мне точно не поверит. Я бы сама не поверила.

— Мам, я не бабочка. Когда вернусь, всё расскажу.

— Ты вернёшься в квартиру через кресло гинеколога и сдачу анализов!

Я кладу телефон на стол и умудряюсь с первого раза сбросить вызов. На душе гадко. Мы

с мамой и раньше не были особенно близки, а теперь всё совсем плохо. Не знаю, как я буду возвращаться домой и что говорить.

Про коллекторов не спросила... Что они будут делать? Какая сумма мне в итоге нужна прямо сейчас?

Вода в душе выключается. и я поспешно стираю выступившие в уголках глаз слёзы.

Нужно сказать Артёму спасибо как минимум за то, что с ним я будто попадаю в другой мир. Сказку, в которой есть интересное приключение и нет этой давящей тяжести проблем. Может, его не существует? И всё это бред моей больной фантазии?

Впрочем, нет. Скорее всего вселенная почувствовала, что я на грани и подкинула мне того, кто поможет хоть ненадолго отвлечься от этого кошмара.

Возможно, я могу бы поделиться всеми своими проблемами с Артёмом, и он, вероятно, даже согласится помочь, вот только...

Я просто не хочу чего-то от него требовать.

Глава 22. Третье испытание

Когда Артём возвращается в комнату, я думаю, что выгляжу уже нормально, но он сразу замечает, что-то не так. Меня немного пугает этот парень, честное слово.

— Отругали из-за меня?

— Н-нет, — рассеянно улыбаюсь, хоть и сама себе не верю. — Просто... проблемы дома. Все на нервах.

— Из-за долгов? Сколько вы должны?

— Нет, забудь, — я мотаю головой и отвожу взгляд. — Давай не будем поднимать эту тему. Она всё испортит. Вообще всё.

— Марина, я же говорил, деньги — это просто цифры. Сколько тебе нужно?

— Дело не в цифрах. Если я сейчас соглашусь, то буду как бы обязана тебе. Мы, вроде как пытаемся смотреть, что будет, как сойдёмся. Если что-то пойдёт не так, то я буду замалчивать, потому как ты pomoжешь моей семье, а это уже неправильно.

— Не замалчивай, — он пожимает плечами.

— Не смогу. Пожалуйста, Артём. Давай не будем касаться темы моего долга.

Артём некоторое время думает, а после садится за стол и накрывает мои сцепленные руки ладонью. Ярко-голубые глаза непроницаемы. Не разобрать, о чём думает.

— Хорошо, я тебя понял. Больше не буду. Но ты всё равно знай, что если совсем прижмёт, я помогу.

Сердце укалывает благодарностью и я, повернув кисть, сжимаю его пальцы. Не знаю, за какие заслуги судьба послала мне его, но я чертовски благодарна, что Артём появился в жизни именно сейчас. Просто услышать от другого человека обещание помочь оказывается невероятно ценным, даже если ты не собираешься использовать возможность. Это обещание становится неким фундаментом, точкой опоры, что даёт ощущение спокойствия. Ниже неё я не упаду, мне есть от чего отталкиваться.

— Ладно, мне неловко, — отвожу взгляд. — Давай продолжим игру. У тебя наверняка ещё полно загадок.

— Не сомневайся, — усмехается Артём. — Телефон и вещи можешь оставить, они нам не понадобятся. Вернёмся сюда на следующем привале.

Он поднимается, я тоже. Выходим из комнаты и оказываемся в длинном коридоре, стены которого выкрашены в серый цвет. Артём уверенно поворачивает направо и мне ничего не остаётся как последовать за ним.

— Что это за место?

— Особый комплекс. Слышала про квест-комнаты? Здесь так же, но масштабнее.

Замечаю камеру в углу коридора. Обычную такую, как в магазинах или типа того.

— Нас снимают? — становится не по себе.

— Присматривают. На случай если возникнут проблемы. или какой-то из элементов не сработает как надо и придётся запускать вручную. Все машины могут ломаться.

Мы проходим несколько поворотов и видим металлическую дверь. Артём толкает её и пропускает меня внутрь. Первые шаги в полной темноте, затем включается свет, показывающий, что мы стоим на площадке, огороженной металлической оградой. В дальней части помещения, не знаю точно, сколько до неё, (может метров пятьдесят?) расположилась ещё одна с постаментом, на котором подсвечивается какой-то приз. То ли ваза, то ли ещё

что, отсюда не разобрать.

Пока я кручу головой, пытаюсь представить, как нам до него добраться, Артём отходит к стене и приподнимает тканевое полотно, открывая проход.

— Здесь лабиринт, — предупреждает он. — В нём спрятаны цифры, собрав которые сможем решить следующую загадку.

— Хорошо... Но как мы будем там ориентироваться? С виду темно.

Артём шарит по стене и находит коробку, из которой вынимает палочку. Хрустит ей и вскоре всё вокруг заливают неярким бирюзовым светом, похожий на детские браслеты, которые можно купить на дне города, например.

— Вперёд, — Артём вручает мне палочку и берёт вторую. — И сразу цифра, смотри.

— Шесть. Класс.

Лабиринт куда больше, чем кажется мне снаружи. Через два поворота путь ведёт вверх, а сразу после приходится лезть на четвереньках. Я радуюсь тому, что у меня была возможность переодеться, в таком наряде лазать куда удобнее.

Цифр попадается немало. Шесть, четыре, один, восемь, два, один, три, пять и девять. Чтобы не забыть я повторяю их про себя, добавляя по мере обнаружения новые числа.

Артём не мешает мне вести нас, но помогает, когда я не могу подтянуться. Проходить его весело! Будто вернулась в детство, когда лазила по детской площадке и ни о чём не думала. Где-то приходится протискиваться и тогда уже я помогаю ему.

— Боюсь, ты перерос такие развлечения, — хохочу я, когда Артём вздыхает перед очередным узким местом, которое явно предназначено для мужиков его комплекции.

— Намекать на то, что я толстый будешь, когда станешь моей девушкой, — не теряется он.

Я мельком окидываю его фигуру взглядом. Толстый? Да тут постараться надо, чтоб хоть одну жиринку найти. Тем не менее лазание подняло мне настроение, хочется шутить.

— А вдруг для меня это важно? И это препятствие для отношений?

— Надо же. Обычно препятствие для отношений — мой скверный характер. За тело я был спокоен.

Мы останавливаемся перед следующей преградой — провалом в полу. Артём бросает туда палочку. На вид высоко.

— Вот, наконец мой рост не мешает, а полезен, — радуется он и садится на край ямы. — Сейчас слезу, потом тебя поймаю.

— Прямо солдатиком на тебя прыгать?

— Если не боишься, — хмыкает он и исчезает.

Я усмехаюсь и тоже сажусь на край, бросаю вниз палочку. Та отскакивает в стену, ударяется и катится прямо под кроссовок маньяка, красиво подсвечивая его снизу. Артём поднимает руки. При желании он может дотянуться до носка моих кроссовок.

— Как будешь готова.

Немного помедлив, я выдыхаю и спрыгиваю, приземляясь точно ему в руки. Артём делает шаг, под его кроссовком очень неудачно оказывается моя светящаяся палочка и он, ловя равновесие, вжимает меня в стену.

Удариться не успеваю, под моей спиной его рука, принявшая на себя удар. Артём очень близко, чувствую его запах и стук сильного сердца под лежащими на его груди ладонями.

Вскидываю голову, смотрю в почти чёрные сейчас глаза и понимаю, что он рассматривает мои губы. Чуть качает головой, будто спрашивает себя о чём-то, а после

прижимает меня теснее, одновременно с этим наклоняясь.

Неужели... мы что сейчас... правда?!

Глава 23. Свет в конце

Упираюсь ладонями в широкую грудь парня. Бежать некуда, не отпустит, да и я сама не уверена, что хочу, чтобы он отпускал.

Поднимает руку, касается пальцами моего виска, ведёт вниз по скуле, щеке, краю челюсти, задерживается на подбородке. Тело будто окаменело, колени подрагивают, а сердце колотится так быстро, что рёбрам больно. Смотрю в глаза Артёма и не могу двинуться. Будто бабочка в руках у энтомолога.

Время размазано в темноте. Мне одновременно кажется, что прошла и целая вечность и всего секунда, прежде чем на губах Артёма возникает ухмылка, а после он порывисто накрывает мои губы.

Ожидаю этого, но получается всё равно неожиданно.

За шиворот будто высыпают миску снега, накрывает паникой. Артём проглатывает мой удивлённый выдох, отстраняется, чтобы позволить вдохнуть. Его губы снова касаются моих. Мягко, но настойчиво. Чувствую, как он проводит по краю нижней кончиком языка, размыкает зубы и целует глубже.

Не знаю, что делать и как себя вести. Я же толком и не целовалась раньше. Можно сказать, опыта совсем нет. В старших классах было пару раз у раздевалок на дискотеках и всё. Не понравилось тогда, повторять не собиралась, но сейчас.

В поцелуе с Артёмом чувствуется нечто большее. Он словно ломает границы между нами, строит новые. Показывает, учит. Ловушка, в которой я оказываюсь, когда он прижимает меня к стене лабиринта, становится убежищем. Здесь и сейчас мне не страшен даже апокалипсис. Уютно, тихо, безопасно и... волнующе.

Робко отвечаю. Артём гладит меня по спине, зарывается в волосы другой рукой, мягко придерживает затылок. Я обнимаю его за шею, и пытаюсь сохранить в порядке разум.

Наконец, он мягко завершает поцелуй. Отрывается от меня и, закрыв глаза, прижимается к моему лбу своим.

Стоим и пытаемся привести дыхание в порядок. Артём не выпускает меня, да я не спешу разрывать объятий. Борюсь с собой, потому как понимаю, что мне, к своему стыду, мало.

— Лавина, — неожиданно говорит он.

— Что?

— Ты как лавина. Сейчас спокойный ровный склон, мерцающий на солнце как осколки хрустала, а через миг накроет и сметёт. От какой-то ерунды. Звука, перепада температуры, иногда взрыва.

Я не понимаю о чём он. Мысли вязкие, логические цепочки не хотят строиться. Всё внимание только на пульсирующих жаром губах и оголённых нервах.

— А кто тогда ты? — зачем-то спрашиваю я.

Артём улыбается. Поднимает руку и убирает с моего лица упавшую прядь волос.

Предположила, что он назовётся лыжником, которому предстоит от лавины спастись, но маньяк снова удивляет.

— Я — взрыв. Тот, кто покажет, кто ты есть. Познакомит тебя с собой же.

Поцелуй.

Я со стоном прогибаюсь в спине, совсем теряясь в буре кипящих эмоций. Лавина, как

же точно он подобрал метафору. Сейчас все ощущения и правда в вихре, непонятны даже мне самой.

Это всё совсем неправильно. И опасно для меня. Я касаюсь его грудью, животом, бёдрами, голова кружится от слишком смелого желания снести ещё парочку границ между нами. Спроси он меня сейчас, стану ли я его девушкой, отвечу «да». И замуж выйду. И квартир на него перепишу. Почку отдам. Не знаю, как он это сделал, но сейчас я вообще не понимаю, что я делаю.

Отпускаю его шею, веду по плечу, пытаюсь запомнить рельеф мышц. Перевожу ладонь на грудь, ниже, к животу. Считаю кубики, первая пара, вторая, третья...

— Пстой, маленькая, — усмехается он, перехватывая моё запястье. — Не сдержусь. Ты потом жалеть будешь.

Его слова отрезвляют. Часто моргаю, пытаюсь прийти в себя. Щёки тут же заливаются краской. Боже мой, что я натворила...

— Эй, — Артём не выпускает меня из объятий, иначе я точно свалюсь на пол. — Спасибо.

— За что? — сипло спрашиваю я и тут же покашливаю, пытаюсь прочистить горло.

— За то, что настоящая. И есть. Тебе неловко сейчас, давить не буду. Просто знай, что чем дальше мы заходим, тем ярче моё убеждение, что всё так, как должно быть.

Я пока плохо понимаю, что он имеет ввиду, но мне приятно это слышать. И да, стыдно, очень.

— Не вздумай, — Артём сужает глаза, будто догадавшись, о чём я думаю. — Чувствовать вину за то, что хорошо и приятно вместе. Мы молоды, эмоции на грани. Я не стану меньше уважать тебя за то, что ты с собой честна.

Чувствую, что улыбаюсь. Непросто с ним.

— Вот что ты за человек? — отвожу взгляд. — Не дал расстроиться на ровном месте и придумать проблему из ничего.

— Привыкай, — он вскользь касается губами моего лба. — Готова продолжать?

Я краснею и осторожно уточняю:

— Продолжать что?

— Не подумай, я не против остаться с тобой здесь, но беда в том, что наши фонари скоро погаснут и выбираться придётся на ощупь.

Я нервно усмехаюсь и мягко выскользываю из его рук. Одёргиваю кофту, Артём наклоняется и подаёт мне светящуюся палочку, затем берёт за руку и продолжает движение.

С каждым шагом чувство неловкости пропадает. Я размышляю о том, что случилось, и обращаю внимание на перемены в первую очередь своего отношения к Артёму.

Граница рухнула. За эти несколько часов он не просто стал мне «не чужим». Я будто открыла в себе то, что знала и чувствовала всегда, но вспомнила только сейчас. Это странно. И немного даже пугает.

В скором времени мы находим выход. Артём придерживает полотно, пока я выбираюсь обратно в большое помещение. Площадка с нашим призом всё ещё далеко, но теперь мы видим её с иного ракурса.

Артём тянет меня к винтовой лестнице, поднявшись по которой мы останавливаемся перед приборной панелью с большим экраном.

Чёрт! Код!

Я... вообще ни одной цифры не помню! Шесть... три... один... Что там дальше?

Проклятье!

В панике смотрю на Артёма. Он наклоняет голову к плечу.

— Забыла?

— Угу...

— Ничего. Это я тебя сбил.

— Что теперь? Назад в лабиринт?

Артём усмехается. Подходит к панели и набирает: шесть, четыре, один, восемь, два, один, три, пять, девять. Раздаётся сигнал, и внизу загорается свет.

Чернота, отделяющая нас от приза, оказывается расчерченной шахматной доской. На экране панели появляется точка старта, а клетка перед ней отмечается зелёным.

— Что это? — не понимаю я.

— Ещё один лабиринт, — поясняет Артём. — Один из нас останется здесь и будет указывать направление. Второй спускается и проходит маршрут и добирается до приза. Думаю, первым пойду я.

— А что будет, если шагнуть неправильно?

— Скорее всего стекло сломается, и я полечу вниз, — он подмигивает. — Если хочешь от меня избавиться, вот тебе отличный способ.

— И ты... всё равно идёшь первым? — недоумеваю я.

— Да. Доверю тебе жизнь, ну или как минимум здоровье, и посмотрю, что ты с этим сделаешь.

Глава 24. Мысли о доверии

Артём спускается к выходу из лабиринта, а я остаюсь у панели и паникую. Потому что очень боюсь ошибиться, ведь в этом случае он пострадает.

Я совсем запуталась в наших отношениях. Мы вроде как движемся в сторону чего-то большего, но в то же время обстоятельства не позволяют забыть о том, что я сейчас не более чем развлечение для него. Не уверена, что могу доверять всему, что Артём говорит, хотя мне жуть как хочется нырнуть в этот тягучий омут, но...

Пожалуй, я боюсь того, что всё это окажется ложью, иллюзией. Всё слишком хорошо. Видит бог, и нет во мне ничего особенного. Простая девчонка с кучей долгов и вдруг оказывается в поле зрения мажора, владеющего спортивным клубом и готовым неслабо вложиться, чтобы организовать такой квест.

И в то же время мне очень хочется верить, что всё правда. Все проблемы, ошибки, всё то, что долгое время испытывало меня на прочность наконец закончилось и я получу свою порцию счастья и чувства безопасности.

Безопасность.

Я и забыла, что это такое. С тех пор как отец бросил нас, я как на иголках. Что ни день, то чувство, будто небо вот-вот рухнет нам на головы. А с Артёмом... с ним всё очень просто. Даже здесь и сейчас. Я не думаю о долге, не думаю о том, что мама, наверняка, уже сама зарывает мою репутацию в песок, поднимая ненужную панику и суетясь. Не слушая, не позволяя объясниться. Всё это коснётся меня потом, а пока я могу просто играть и решать загадки. Они несложные, но каждый преодолённый вариант заставляет меня чувствовать себя лучше, не такой неудачницей.

— Шагай вперёд, — командую я, глядя на экран. — Отлично, ещё вперёд!

Артём переходит с одной подсвеченной клетки на другую. Страшновато наблюдать за ним, но втайне я радуюсь, что мне не пришлось лезть на эту штуку.

— Теперь налево. Да!

Артём показывает палец вверх, потом оглядывается, дожидаясь следующей команды. Ловлю себя на мысли, что волнуюсь за него. Очень не хочу, чтобы пострадал.

Нет, дело совсем не в Стокгольмском синдроме. Да и меня по факту и не похищали, я сама согласилась сюда ехать. И не держит никто. Вроде как даже уйти могу, если захочу.

Вот только хочу ли?

Я веду Артёма по стеклянному полу и пытаюсь разгадать, что с ним не так. Трудно поверить, что такой как он может быть неинтересен. Артём не обычный, немного странный. Красивый, даже очень, классная фигура. Умный, обеспеченный. Причём не просто взявший папины деньги, а заработавший и знающий как это делать. Он слишком хорош, чтобы его упускать и, если честно, я бы сделала всё, чтобы такого не упустить.

Тем не менее он один. Говорит, что окружают не те люди, но... неужели за всё это время не встретил никого хорошего? В чём подвох?

Ехидный голосок внутри меня усмехается: всё когда-то случается в первый раз. Что если его первый хороший человек — это я?

И тут же следом: а хороший ли я человек? Приехала сюда ради денег.

В непростых размышлениях я довожу Артёма до конца маршрута и отхожу от панели. Теперь он стоит на площадке с призом, освещённый прожектором будто настоящая звезда.

— Ну что, маленькая, твоя очередь.

— Что? — я поднимаю бровь. — Нет, давай сам тащи сюда наш приз!

— Боюсь, тебе нужно, — он указывает за спину. — Потом идём туда.

Указывает на стену за своей спиной. Присмотревшись, вижу что-то вроде моста.

Вот же чёрт...

Сердце ухает в пятки. Как... туда? Что я там забыла? И, главное, как я пройду?!

— Артём, я не могу, — обнимаю себя за плечи. — Я не запомнила, куда ступать. Не справлюсь. Упаду и разобьюсь.

— Всё в порядке. Я запомнил путь.

— Что? Но... как?! Тут же шагов сто.

— У меня отличная память на цифры, — заверяет он. Вопрос только в том, готова ли ты довериться мне.

Я растерянно хлопаю ресницами. Довериться? Вот так просто? Он прошёл всего раз!

С другой стороны, может Артём готовился и запоминал до того, как оказаться здесь? Или видит какие-то подсказки из тех, что не замечаю я. Должен же у него быть инстинкт самосохранения. Вдруг я была бы зла и всё же решила бы его скинуть?

— Мне страшно, — жалуясь я. — И я высоты побаиваюсь.

— Всё будет хорошо, маленькая, — он улыбается. — Смотри не вниз. Смотри на меня.

— Ага, тебе легко говорить! — нервничаю я.

Артём даёт мне немного времени на страдания, потом снова зовёт.

— Давай. Это не так страшно. Куда страшнее довериться мне. Напоминаю, что на этом этапе ты тоже можешь отказаться. И, не могу не предупредить, что если продолжишь, наши отношения снова изменятся. В лучшую, как мне кажется, сторону.

— Что, замуж будешь звать? нервно усмехаюсь я.

— Могу и замуж, — не теряется Артём. — Но вообще я о том, что это тоже важный этап отношений. Ты уже не просто решаешь загадки, а полагаешься на меня, доверяешь себя в прямом смысле. Само собой, я не желаю тебе зла. Вопрос в том веришь ли ты в это.

Какие глубокие и продуманные у него испытания, однако. То ли подготовка морских котиков, то ли проверка потенциальной жены на профпригодность.

Артём не торопит. Позволяет мне прислушаться к себе и сделать выбор. Это ведь очень важный вопрос. Про доверие. И он прав, задать его нужно в первую очередь себе, ведь в глубине души моё подсознание давно всё решило.

Ненадолго зажмуриваюсь, опустив голову. Потом поднимаю подбородок и смотрю на маньяка. Сама не верю, что собираюсь это сказать.

Глава 25. Хрупкое стекло

— Не думаю, что тебе стоит со мной встречаться.

Артём поднимает брови, а я продолжаю, пока он не начал говорить и не сломал моего представления о том, что на самом деле нужно было сказать.

— Я не уверена, что справлюсь. Мы разные и не можем этого отрицать. Твоя жизнь, она... другая. Я даже пойти куда-то не смогу. Знаешь как говорят, можно вывести девушку из деревни, но нельзя вывести деревню из девушки. Я не хочу разочарования потом. Чтобы моменты хорошего затмило плохим. Лучше тогда уж и не начинать вовсе.

Мысли получаются путаными, но я надеюсь, он меня поймёт. Артём неожиданно улыбается:

— Ты же понимаешь, что сейчас в тебе говорит исключительно страх?

— Может быть, — я отвожу взгляд. — Страх всё испортить.

— Марина, — он наклоняет голову к плечу. — Как, по-твоему, человек изучает нечто новое? Пробует, ошибается, начинает заново. Давай я предположу сейчас, что ты раскрутила в своей голове план, как вышла за меня замуж и родила троих детей. В этой фантазии тебе кажется, что ты не вступишь в сценарий. Считаешь, что якобы встретишь осуждение кого-то из моих потенциальных знакомых и всё будет плохо, так? Вот только ты не учитываешь одного важного фактора. Чтобы родить от меня троих детей понадобится как минимум четыре года при условии, что мы начнём прямо сейчас.

Он усмехается, а я чувствую, что опять краснею.

— Да я же... не про это! — пытаюсь возразить.

— Я к тому, что, если сегодня тебе кажется, что моя жизнь тебе не подходит, это вовсе не означает, что будешь думать так же через четыре или пять лет. Ты смотришь на своё будущее с позиции «сейчас, сегодня», но ты изменишься. Даже пройдя этот квест будешь не той Мариной, что приняла снотворное, — он улыбается. — С большой долей вероятности, в следующий пошлешь лесом и меня и таблетки.

— Да я же просто... Не хочу, чтобы тебе было плохо, — роняю голову. С Артёмом невозможно спорить. Это дипломатия сотого уровня.

— Опять пытаешься причинить мне добро? Не надо. Я сам разберусь с тем, что для меня лучше. И принимая решение, встречаться или нет, думай о себе, а не обо мне. Я со своим справляюсь. Если не хочешь отношений, мне нужно знать причину, связанную с тобой, а не с тем, что ты придумала относительно моих чувств. Тебе что-то должно не нравиться, а не мне в потенциале.

— А если мне не нравится то, что в потенциале тебе будет плохо? — усмехаюсь я.

— Значит я тебе уже как минимум не безразличен, — Артём разводит руками. — Хватит болтать, иди ко мне.

Не знаю почему, но после этих слов по телу пробегают молнии волнения. Я сглатываю и опускаю взгляд на пол, разделяющий нас.

— Я не помню маршрут...

— Его помню я. Два прямо и налево.

Сглатываю. Это правда так? Кажется да. На полу не видно отпечатков его следов.

— Если ошибиться, стекло сломается, да? Игра в кальмара, блин.

— Отчасти.

Сглатываю и наступаю на первый квадрат. Вижу потёртости на полу, полутора, а может и двумя метрами ниже. Вряд ли я убьюсь, если стекло не выдержит, но приятного от падения будет мало.

— Артём, кажется, оно трещит! — паникую я, делая следующий шаг. — Кто-то слишком много ест и ему пора на диету.

— Ерунда. Я тяжелее тебя и меня выдержало. Но если тебе был нужен комплимент относительно прекрасной фигуры, то само собой. Я бы сфоткал тебя для рекламы клуба, но это будет неправильно. Ты же у меня пока не тренировалась, будет нечестно присвоить себе лавры. Дальше прямо.

Мне всё ещё страшно, но разговор немного отвлекает.

— «Пока»? Значит что-то всё же ты во мне изменил бы да? — нервно усмехаюсь я.

— О, нет, я не настолько глуп, чтобы отвечать на этот вопрос. Налево.

Повисает короткая пауза, после которой мы одновременно смеёмся.

Я немного расслабляюсь, понимая, что уже прошла почти треть. Артём ведёт меня правильным путём, но... как он запоминает?

— У тебя хорошая память, — замечаю я. — Если бы мне сейчас пришлось идти назад, я бы сроду не угадала, хотя только что прошла. И с цифрами ты тоже всё запомнил.

— С ними проще. Я синестетик. Здесь похоже. Прямо.

— Сине... что? Это как? — я делаю следующий шаг и поднимаю на него взгляд.

— Цифры, буквы, много что ассоциируются у меня с цветом, поэтому запоминать легче, чем большинству людей.

— Ничего себе... А можешь примерно описать?

— Когда пытаюсь, редко выходит. Два влево и один прямо. Большинство людей мыслят цепочками ассоциаций. Если я скажу тебе «свежеиспечённый хлеб» ты скорее всего вспомнишь, как он пахнет, возможно, вкус, а то и день, в который ты его попробовала.

— Как несла домой, обгладывая корочку, — улыбаюсь я.

— Да. И так многие. Моя цепочка ассоциаций ощутимо шире. К примеру, буква «а» красная. «Л» — сине-зелёная.

— Ого... Звучит очень... сложно. Я бы сразу запуталась.

— В первую секунду возможно. Потом привыкаешь.

— И ты не пугаешься? На каждую букву свой цвет... и на цифры тоже? Слова?

— Да.

— Блин, это круто! Ой...

Я шагаю на следующую клетку и понимаю, что до Артёма остаётся всего две по прямой. Он стоит у самого края и улыбается, сунув руки в карманы.

— Кажется, я начинаю понимать, почему тебе сложно с людьми, — делаю шаг вперёд. — Но, знаешь, меня это больше не пугает. Я...

— Погоди, тут...

Стекло под моим кедом с хрустом проламывается. Я же помнила, что в самом конце обманка! Артём вообще перепрыгивал последний квадрат, а я...

Испугаться как следует не успеваю. Парень ловит меня и поднимает на вытянутых руках, будто ребёнка, а затем прижимает к груди, отступая от края. Как водой окатывает! В кровь впрыскивается адреналин или что там.

— Боже мой. Боже мой, — зубы стучат. — Они всё же ломаются!

— Всё хорошо. Я поймал, — Артём гладит по волосам. — Извини, заболтал тебя.

— Я согласна, — внезапно выдаю я. — Замуж! В смысле рожать. Ой...

Мысли путаются. Чёрт возьми, я чуть не упала!

— Начнём с просто отношений, — усмехается он, касаясь губами моей макушки. — Я тебя понял.

Некоторое время мы так и стоим, обнявшись. Дыхание постепенно приходит в норму, возвращается осмысленность и хладнокровие. Сглотнув, я свожу брови.

А почему он не напомнил мне про последний квадрат? Тоже задумался? Или специально рассчитал, чтобы я упала, а он меня спас? Или хотел показать, что игра была настоящей?

Глава 26. Привал с маньяком

Когда мне удаётся подобрать последнее значение на огромной сейфовой двери, используя стетоскоп и слушая щёлканье, я уже плохо понимаю, что и зачем мы делаем. Ноги и руки гудят, голова стала квадратной, но на душе приятная усталость. Артём одобритительно кивает и поворачивает огромное колесо, выпуская нас в следующую комнату.

Замираю на пороге. За этот день интерьер менялся уже столько раз, что я устала удивляться. Теперь мы находились в месте, которое я описала бы как домик в лесу. Крупный бревенчатый сруб на стенах. Большой камин и широченные диваны перед ним, украшенные пледами и подушками. На журнальном столике четыре коробки пиццы.

— Привал, — объявляет Артём. — Теперь уже до утра.

— Слава богу.

Я доползаю до дивана и падаю на него животом. Господи, какой классный. Мягкий, приятный на ощупь. Лучший диван в моей жизни.

Артём усмехается:

— Что? — возмущённо пыхчу я.

— Ничего. Сейчас разведу камин и заварю чай, перекусим.

Смотрю на коробки пиццы, усмехаюсь.

— Не знала, что спортсменам вроде тебя можно такое есть.

— На постоянку нельзя, но иногда допустимо, — он присаживается перед камином и оглядывается на меня. — К тому же тебе стоит расслабиться, день был трудным.

Я наблюдаю, как он возится с дровами, заслонками и всем остальным и думаю о том, сколько всё это стоит. Наверняка немало. Загадки и испытания, которые мы прошли, комнаты, теперь ещё это всё. И я такая, у которой долгов столько, что хоть на органы себя продавай.

— Уже можно устраивать скандалы по поводу того, скольких своих бывших ты сюда водил?

— А тебе хочется? — хмыкает Артём, поддувая разгорающийся огонёк. — Да и какая разница, чем каждый из нас занимался до всего этого?

— Не знаю. Вдруг мне свезёт встретить сумасшедшую женщину, которая заявит, что вы женаты и у вас четверо детей?

— Мне нравится то, что в твоих фразах постоянно фигурирует несколько детей.

Я смущаюсь, но не позволяю ему увильнуть от темы и сажусь, подтягивая к груди колени.

— И всё же?

— У меня нет детей, Марина, — Какой тебе чай? Чёрный? Зелёный? О, нет. Я знаю Какао. С зефирками.

Я оживляюсь. Вот такого мне точно ещё не предлагали.

— Давай. Я помогу?

Артём отряхивает руки и снимает с себя худи, оставаясь в одной тёмно-синей футболке. Бросив кофту на диван, подходит и гладит меня по щеке. Задержав пальцы на подбородке, касается губ большим. У меня мурашки разбегаются по телу.

— Отдыхай. Мне хочется тебя угостить.

Не знаю, сколько прошло часов, но сейчас я боюсь сама себя. Он сказал, что к концу

игры я изменюсь, но я не представляла, что совместные преодоления препятствий с человеком могут так сблизить. Мы решали задачки, находили тайники и целовались от радости. Подозревала ли я, что буду позволять себе подобное с едва знакомым парнем? Само собой, нет. Но сейчас мне было хорошо и спокойно.

Дрова в камине тихонько щёлкают, Артём занят на небольшой кухне, а я просто сижу и ни о чём не думаю. Удивительное чувство.

Само собой, стоило обратить на это внимание, в голову полезли разные мысли. Про Женьку, маму, долги, отсутствие работы. Их вытесняет уверенность, что большую часть проблем я уже почти решила.

Такое странное ощущение. Будто на моей груди долгое время был ремень, который мешал дышать. А теперь его разрезали и я, с непривычки всё ещё вдыхаю робко. Но это пока.

Удивительно как меняется восприятие, когда в жизни появляется какой-никакой контроль ситуации. Да, я сильно завишу от Артёма, но, если уж говорить откровенно, у меня сейчас есть только я сама, как бы печально это ни звучало. Что мне терять?

— Мне нравится твоё умиротворённое лицо, — замечает Артём, подходя ко мне с двумя кружками, украшенных шапочками взбитых сливок, зефиром и карамельными палочками. — Чего не открываешь? Стесняешься?

— Нет, просто не хотела без тебя.

Артём ставит кружки и садится рядом со мной. Раскрывает коробки и подворачивает крышки. Оказывается, тут не только пицца, но и пара пирогов.

— Какая вреднота, — улыбаюсь я.

— Как удачно, что у меня фитнес клуб, — шевелит плечом Артём, выбирая себе кусочек. — Вернёмся в город, выдам тебе карту на безлимит.

— Значит я всё-таки не устраиваю тебя фигурой? — хмыкаю я.

— Значит я хочу видеть тебя чаще, — парирует Артём.

— Расскажи мне о себе? — прошу я. — Мы встречаемся, но я почти ничего о тебе не знаю.

— Спрашивай.

— Твои родители в столице, да?

— Да. Отец гендир «Фитлайфа», мать одежду шьёт.

— Занятые?

— Да.

Опускаю взгляд. Чувствую по тону, что ему не хочется отвечать на вопросы, но почему-то знаю, что, если спрошу, расскажет.

— Выходит, решишь меня с ними познакомить, ничего не получится?

Он усмехается.

— Скорее всего. Но, знаешь, есть куда более важный человек, с которым тебе следует встретиться.

— М?

— Моя бабушка.

Я не ожидала подобного и давлюсь воздухом. Артём усмехается и несильно стучит по моей спине. Я мотаю головой, мол, всё в порядке, я не подавилась пиццей, он кивает. Большая горячая ладонь, впрочем, остаётся на моей спине.

— Прости, — пытаюсь оправдаться. — Просто услышать про бабушку это так...

— Как?

— Необычно, — улыбаюсь я. — И мило.

— Ей об этом не скажи, — усмехается он. — Бабушка у меня женщина необычная, но, думаю, вы подружитесь.

— Насколько?

— Она любит пробовать новое. Пару лет назад занималась тем, что делала ледяные фигуры, до этого рисовала картины. Из последних увлечений — стрельба из лука.

Я хлопаю ресницами. Ничего себе...

— И почему ты думаешь, что я ей понравлюсь?

— Ты же здесь.

— Может это из-за денег, — усмехаюсь я.

— В том числе, но не только. Уверен, она обрадуется, если у неё появится компания, в которой я её сопроводить не смогу.

— Не верится, что ты куда-то не сможешь попасть, — усмехаюсь я.

— Не все женские развлечения доступны мне.

— Например? Мужской стриптиз?

Артём заинтересованно поднимает бровь.

— Тебе хочется на стриптиз?

Щёки трогает жар, когда я быстро оглядываю торс маньяка.

— Наверное, нет...

— Почему?

Я смущённо отворачиваясь. Блин, вот что со мной? Я рядом с Артёмом чувствую себя просто бестолковой школьницей, которая хихикает даже над тем, что шуткой не является.

— Это проверка какая-то? Хочешь выяснить, насколько я надёжна как девушка?

— Зачем мне это?

Он забирает у меня кружку и ставит на стол. Повернувшись ко мне, кладёт руку на спинку дивана и подбирает кулаком щеку. Так близко. Он вроде и не держит меня, но наполняет собой пространство так, что даже не касаясь я чувствую себя как в объятиях. Непривычно, немного неловко, но... интересно.

— Не знаю, — в голове ни одной мысли. — У меня не было серьёзных отношений. Но я читаю шуточки и мемы в интернете.

Артём усмехается, снова гладит меня по щеке, касается пальцами шеи и проводит большим по скуле.

— Увы, в мемах не поясняют, что такие проверки устраивают те, кто не уверен в себе. И, к слову, на мужской стриптиз я тоже могу прийти. Бабушка однажды водила.

— Что-о-о?! — я, не сдержавшись, хохочу.

— Да. Я был подростком. Рост уже позволял сойти за взрослого, но меня всё равно принимали за того, кто пришёл поглазеть на мужиков с сексуальным интересом. Но, знаешь, это странно. Стереотипы. Девушки могут оценивать фигуру или пластику друг друга и никто и слова не скажет. Стоит одному мужчине сделать другому комплимент, — привет, осуждение. Будто у меня что-то отвалится, грудь вырастет или я вдруг перестану быть натуралом, если я признаю, что другой мужчина классно двигается.

Я ловлю себя на том, что смотрю на губы Артёма, внизу живота снова собирается тянущий клубочек, отчего я сильнее прижимаю колени друг к другу. В голову закрадываются излишне смелые мысли, ведь до этого мы были заняты испытаниями, а теперь... отдыхаем. Совсем одни, чёрт знает где.

— И часто ты... ходишь посмотреть на других мужиков?

Боже, что я несу?!

— Первый и последний. А что?

— Просто... никогда не была, вот и... не знаю, чего ждать...

Артём берёт мою руку, целует запястье, а после кладёт её на свою грудь.

— Танцевать как они я не умею, зато можно трогать.

Мои щёки снова горят. Я готова поверить в то, что он подмешал что-то в какао, да только дело явно не в нём. Меня кружит от Артёма с... Даже не помню, с какого момента. Да и сделала я всего пару глотков.

Ох, чувствую, главное испытание на выдержку начинается для меня сейчас. Есть вероятность, что я его с треском провалю.

— Прямо везде можно? — пытаюсь отвлечься от собственных мыслей, я ощупываю его бока, руки, шею.

— Да, — ухмыляется он, наклоняясь ко мне. — Только не заиграйся, маленькая. Обоим неловко будет.

— Ты же сказал везде можно, — я прикусываю губу. — Стесняешься?

Господи, как включить обратно мозг? Я понимаю, что вытворяю совершенно неуместное, но ничего не могу с собой поделать!

— Главное, чтобы ты не стеснялась, — тихо говорит Артём на ухо, а после притягивает меня ближе и целует шею.

Я в этот момент веду по его животу, очерчивая линию штанов, но когда маньяк подаётся вперёд, рука соскальзывает вниз и...

Ой...

Глава 27. Первый

Артём замирает на миг, а после находит мои губы. Я быстро убираю руку, не знаю, куда её деть и кладу на его спину, обнимая и сильнее прижимаясь грудью. Маньяк дышит как-то рвано, подаётся ко мне, увлекая всё дальше и дальше в омут запретного и оттого желанного.

Я понимаю, к чему всё идёт. Что этот жаркий поцелуй, от которого кровь будто глинтвейн плавит вены и кружит голову. Стук сердца, близость и реакция его тела на меня — не просто так.

Мы ходим по проволоке, натянутой над пропастью. Одно неловкое движение и пути назад не будет.

— Маленькая, — выдыхает он мне в губы. Голос хриплый и вибрирующий. — Какая же ты...

— Какая?

На миг мы встречаемся взглядами. Ярко-голубые, я даже не знала, что такой цвет реально может быть, глаза Артёма кажутся непроглядно чёрными. Я вижу своё отражение и вид у меня, будто у одержимой. Мне хочется о чём-то попросить его, но я не могу. Не знаю подходящих слов.

Не умею.

— Моя, — подбирает он ответ. — Ты попала, Марина. Теперь моя.

Лучшее обещание в моей жизни.

В груди распускается огненный цветок. У меня нет сил сопротивляться его напору. Смелым поцелуям, от которых я теряю самообладание и здравомыслие. Его руки везде. Гладят, прикасаются. Всё, что я успеваю, сделать вдох. Он выходит со стоном.

Не знаю, в какой момент я оказываюсь на спине, но осознание этого пугает. Артём рядом, немного навалившись, но тяжесть его тела будет в душе особый трепет. Я будто предвкушаю то, что должно случиться, хоть и понятия не имею, о чём ощущение.

Нет, я знаю, откуда берутся дети всё такое. Пару раз даже спрашивала об этом маму, но ответы получала скудные и неприятные, что стоило решаться только ради деток.

Артём же вёл меня в какое-то иное и однозначно волшебное место. Его ласка будто вытягивала из меня серебристые ниточки души, и сплетала тонкое кружево, в котором отчётливо читалось его имя.

Я теряю себя. С меня будто сняли кожу, оголили нервы и погрузили в жидкое удовольствие. Голова кругом, тело очень мягкое и лёгкое, как сахарная вата. Артём наклоняется ниже, прикусывая кожу на шее и в этот момент его ладонь смело стекает по внутренней стороне моего бедра к паху.

Выгибаю спину и, касаясь Артёма грудью, выдыхаю со звуком.

— Прошу... пожалуйста...

Он ловит мой стон и отнимает воздух, поглаживая пальцами там, где не касался никто. Стыд тонет в желании, даже жажде, узнать, что случится, если мы не будем останавливаться. Я пытаюсь свести колени, но от этого чувства взвинчиваются лишь сильнее и я, к своему стыду, двигаю тазом, молясь о том, чтобы он не останавливался.

— Маленькая... — его голос буквально обнимает. — Какая же ты у меня... Нежная, чувственная, искренняя. Если бы ты только могла видеть, как ты прекрасна.

Мне всё равно. Всё моё существо желало лишь одного. Продолжения, скорости и,

кажется, его.

В самой себе.

Распутно. Неправильно. Но сейчас все принципы, убеждения и рассыпались. Вдохнув поглубже, я притягиваю его для поцелуя, а потом чувствую, как он убирает руку.

Внизу резко становится холодно. Я выражаю разочарование стоном. Сжимаю ноги сильнее, пытаюсь удержать эту натянутую пружину, у которой есть всего два пути, либо выстрелить чем-то невообразимо хорошим для меня, либо наоборот.

Хочется плакать. Я распахиваю глаза, готовая молиться, продать душу и сделать что угодно, лишь бы мы продолжили, а после его ладонь касается моего живота, подлезает под велосипедки, и мир летит к чёртовой матери.

Я сжимаюсь. Каждая мышца в моём теле как струна гитары, на которой Артём играет музыку моего падения. Я лечу с проволоки прямо в него и тону в зыбкой черноте. А может это на самом деле полёт, я уже не разбираю.

Сжатая пружина срывается, и в моих венах будто щёлкает взрывная карамель. Кровь разгоняет удовольствие, которое мне не с чем сравнивать. В глазах слёзы, на губах улыбка.

Артём наклоняется, чтобы мягко поцеловать меня, и не спешит отпускать.

— Маленькая, только не говори мне, что это с тобой впервые.

— Ч-что именно?

Радость понемногу меркнет. Появляется страх, что я сделала что-то не так. Сразу за этим следует притупленное чувство стыда за всё случившееся.

Где это видано?! Я позволила себя трогать! Подобное допускают только девки лёгкого поведения! Я теперь из них, что ли? Ещё и удовольствие посмела получить!

— Это твой первый оргазм, — угадывает Артём.

— Прости... Я... я всё испортила, да?

— Вот ещё. Это было очень красиво, маленькая, — будто почувствовав все мои сомнения, Артём целует меня, снова прогоняя их. — Но это значит, что если я продолжу, то напугаю тебя. Не привыкла, думаешь о себе всякое. Я прав?

Молчу. Сама не знаю зачем.

— Всё хорошо. Спасибо тебе, что доверила мне свой первый раз.

— Это же... не совсем... Или...

— Не совсем. Но я рад оказаться тем, кто задаёт планку.

— Мы... сейчас? — по спине пробегают мурашки.

— Нет. Ты лежи, а я пойду в душ.

— Хочешь освежиться перед сном? — зачем-то спрашиваю я.

— В том числе. Ты так сладко стонала, что я и сам удивляюсь, как сдержался, — Артём ухмыляется. — Я скоро. Не скучай без меня.

Он скрывается за дверью, а я провожаю его взглядом.

Значит не сегодня?

Прикрываю глаза и пытаюсь осмыслить всё, что произошло. Особенно в последние минуты. Я сама себя не узнаю.

И главная загадка: я рада тому, что продолжения сейчас не будет, или разочарована этим?

Глава 28. Плохие новости

Когда Артём возвращается из душа, я успеваю сойти с ума. Меня мотает не просто на эмоциональных качелях, это натуральная тошнيلовка. Сперва я расслабляюсь, думая о том, как же мне повезло с таким классным парнем.

Потом начинаю тревожиться оттого, что всё это может быть просто игрой. Выйду из неё, получу обещанные деньги и всё, сказка закончится, как сюжет фильма, книги или игры. Затем падаю в ужас от того, что я позволила с собой делать.

«Подобное поведение для приличной девушки недопустимо!» — говорит в памяти мамин голос.

Я и сама понимаю, что недопустимо. Так даже хуже. Мы не просто переспали, он прикасался ко мне и... О боже. Как теперь в глаза ему смотреть?

Не знаю... В моей голове то, что произошло между нами было куда интимнее, чем секс. Там хотя бы можно списать на нечто классическое. Допустим, Артёму просто захотелось бы чего-то эдакого. Он навесил бы мне лапши на уши, развёл ноги и сделал всё, что захотел, но вместо этого Артём сделал приятно... мне.

Только мне одной. Он не просто прикасался ко мне там, где не трогал никто больше, ещё и видел меня такой, какой не видел никто... Стыдно. И очень-очень страшно.

Маньяк возвращается в комнату, принеся с собой приятный запах мужского шампуня. Прежде чем я придумываю, как теперь себя вести, он садится рядом, притягивает меня и целует. Так что дыхание сбивается. Рассеянно отвечаю, чувствуя, что у меня кружится голова, из которой вышибает все мысли.

— Признавайся, уже надумала себе разного? — ухмыляется он, прижимаясь к моему лбу своим.

— Н-нет, с чего ты взял?

— Догадался. И про то, что сейчас обманываешь тоже, — он гладит меня по щеке. — Маленькая, выдыхай. Если я сказал, что всё серьёзно, значит так и есть.

Я растерянно улыбаюсь.

— Всё слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сказка какая-то.

— А кто сказал тебе, что жизнь не может быть сказкой? — Артём расслабленно откидывается на спинку дивана и притягивает меня устроиться на его плече. — Всё зависит от точки зрения, маленькая.

— Тебе легко говорить, — вздыхаю я. — У тебя есть деньги, чтобы реализовать всё, что захочешь. А полстраны живёт за чертой бедности.

— Угу, а в Африке дети голодают. Пару лет назад я ездил в Индию, лазать по горам. Что поразило в их менталитете, так это то, что они совершенно иначе смотрят на проблемы. Добрые люди и позитивные очень. Даже если живут бедно, настолько что голодать приходится, они улыбчивые и всегда верят в лучшее. Нам есть чему у них поучиться.

— Наверно, ты прав, — вздыхаю я. — Просто мне...

Меня перебивает звонок телефона. Артём указывает взглядом на комод.

— Это твой.

Я встаю. Телефон принесли из той комнаты? Выходит, мы тут всё же не одни? Ну да, логично, кто-то ведь приносит нам еду и поддерживает квест в порядке...

На экране нового смартфона высвечивается имя мамы и я, не думая, отвечаю:

— Да?

— Марина, чем бы там сейчас ни занималась, быстро бросай всё и приезжай! С Женей совсем плохо.

— Ч-что случилось? — я резко оборачиваюсь на Артёма.

— Выясняют. Его состояние ухудшилось, прямо сейчас его стабилизируют и повезут в столицу. Тут кредиторы, ты должна подписать документы, на меня не оформят.

Сердце стучит чаще. Меня пугает слово «кредит», он не принёс моей семье ничего хорошего. С другой стороны, разве можно думать о таком, когда жизнь брата висит на волоске?

— Марина! Живо едь сюда! — мама в истерике. Я заражаюсь её паникой.

— Сколько нужно?

— Много! Быстро приезжай!

Она сбрасывает, а я ещё некоторое время стою, прижимая к уху телефон.

Мысли гудят сердитым роем, я не слышу ничего кроме грохота сердца, а когда перед глазами появляется лицо Артёма, понимаю, что сижу на полу. Как это я? Сама или он помог сесть? Не помню.

— В чём дело? — явно не первый раз спрашивает Артём.

— Мне нужно в город, — сглатываю. — Сейчас. В больницу. Прости...

— Ерунда. С братом что-то?

Я киваю. В глазах расплывается.

— Значит, собираемся — его спокойный голос для меня будто соломинка адекватности. — На кухне есть контейнеры. Положи туда пироги. Сейчас поедем, к полуночи будем там. Проголодаешься, силы нужны будут.

Хочется сказать, что еда последнее, о чём я сейчас думаю, но не спорю. Артём выходит из комнаты в следующий зал, оставляя меня одну, так что возможность чем-то занять руки приходится весьма кстати.

Через минут десять, показавшихся мне вечностью, он возвращается и подзывает меня жестом. Мы выходим в какое-то служебное помещение, оттуда длинными коридорами. Артём ведёт меня за руку, потому как сама я вообще не разбираю дороги.

Выходим на улицу. Место незнакомое, но, судя по всему, это какой-то промышленный сектор. Накрапывает мелкий липкий дождик, и я ёжусь, обнимая себя за плечи.

Машина Артёма стоит неподалёку под навесом, так что мы садимся в салон почти сухими.

— Пристегнись, — напоминает он и нажимает кнопку запуска.

Похоже, квест проходил где-то на окраине. Немного покатавшись между складами, мы выезжаем на трассу, и Артём утапливает педаль в пол. Когда Женька так делал, я орала, чтобы прекратил, но с Артёмом... не знаю. С ним спокойно.

— Можешь выяснить номер счёта, пока мы едем? — спрашивает он. — И сумму. Я переведу.

— Нет, не надо, — я поджимаю губы. — Там... в общем, решили уже.

— Что?

— Займ будет.

— Ещё один? На кого? Твоей маме не дадут. А если ты думаешь оформить его на себя, то я не позволю. Выясни номер счёта и сумму.

— Не надо, правда. Мы решим. Я не хочу...

— Я устрою тебя администратором к себе в клуб. Буду удерживать часть зарплаты в счёт погашения долга, — парирует Артём. — Марина, те люди, почти наверняка мошенники и хотят вручить тебе невыполнимые условия. Я не позволю тебе в это вляпаться. Спасибо скажешь позже, а сейчас номер счёта, пожалуйста. Я собираюсь причинить тебе добро.

Я нервно усмехаюсь. Артём мельком смотрит на меня и улыбается, а после берёт мою руку и целует тыльную сторону ладони. Я немного успокаиваюсь и прошу у мамы сумму, которую запрашивают врачи и реквизиты, чтобы точно знать, куда платить. Удивительно, но она реагирует быстро, сфотографировав все документы. Артём, не отвлекаясь от дороги, диктует мне, что делать, и я, не веря себе, перевожу на счёт больницы огромную по своим меркам сумму.

Долетаем быстро. Я успеваю успокоиться и немного свыкнуться с тем, что уже сделано и сосредотачиваюсь на том, что это спасёт Женьку. Дождь совсем расходитя. Выбегаю из машины первой и бегу ко входу.

В холле куча людей и много врачей. Все взбудоражены. На мой вкус сильнее обычного. Я не придаю этому внимания, потому как сразу нахожу взглядом маму.

— Ну что?! Уже отправили?

В зале повисает звенящее молчание. Я начинаю готовиться к худшему и сглатываю.

— Кого? — ледяным тоном спрашивает мама.

— Женьку! Как кого! — распаляюсь я.

— А тебя это волнует? Развратная дрянь?! Думаешь, никто не узнает, как ты ноги раздвигаешь?! И скольких обслужила?

— Мам... — меня бросает в краску. Людей слишком много и все смотрят прямо на нас...

Я моргаю, не понимая, что происходит, а мама замахивается, чтобы влечь мне пощёчину.

Глава 29. Нервный срыв

Я зажмуриваюсь и жду вспышки боли, но ничего не происходит. Медленно открываю глаза и вижу, как Артём поймал маму за руку и удерживает, не позволяя сделать мне больно. Он ничего не говорит, его лицо не выражает ничего.

— А ты ещё кто такой?! — вскидывает брови мама.

— Друг Марины.

Я моргаю и отступаю. Не случившийся удар не причинил мне физической боли, но моральную, да. Я касаюсь щеки и пытаюсь успокоиться. Оправдать случившееся как-то. В конце концов, мама тоже перенервничала. У неё сын балансирует на грани жизни и смерти. А я пропала. По сути, бросила её одну со всем этим разбираться. Неудивительно что она сорвалась. Так ведь?

— Друг значит, — мама опускает подбородок. — Это ты её увёз **не пойми** куда и сутки насиловал?

Я резко возвращаюсь в осознанность:

— Мам! Ничего он не... Прекрати!

— Ну уж нет! Мы на тебя заявление напишем извращенец! Здоровый лоб, глянь на него! Думаешь, тебе всё можно? Нашёл дурочку для развлечений, которой не хватятся?

— Мама! — пытаюсь вмешаться я. — Никакое заявление я писать не буду!

— Ты вообще не лезь! — она снова замахивается, и тут Артём находится с ответом, отвлекает её:

— Если бы я искал дурочку, которой не хватятся, разве я привёз бы её домой?

Это отвлекает маму, и она скороговоркой произносит такое витиеватое и совершенно неприличное проклятие, что, боюсь, могла бы вызвать демона, если бы он не постеснялся прийти.

Артём будто не слушает. Смотрит на меня и едва заметно качает головой, мол, не надо. Не нарывайся. А мне обидно! Он не заслуживает всех этих слов!

Оправдывать маму всё сложнее. Вокруг полно людей, которые не знают всей картины. Но теперь знают, что Артём куда-то увёз меня без моего согласия, делал со мной разные непотребства и вообще он наверняка маньяк и убийца.

Я не знаю, откуда в ней столько злости.

— Мам. Мама! — трясую её за руку. — Хватит! Он помог нам. Перевёл деньги на операцию Женьке. Хватит, прошу.

— За что деньги? За какие такие заслуги?! Ты за кого мою дочь принимаешь, гад?! Ленка, — она оглядывается на ресепшен. — Живо вызывай полицию!

— Они уже...

— Отлично, — Артём закатывает глаза. — Раз мы дошли до этого абсурда, разговор будет коротким. Марина, идём.

Он берёт меня за руку, тянет к себе и, приобняв за плечи, поворачивает к выходу. В тот же миг мама вцепляется ногтями в мою руку и резко дёргает на себя так, что я вскрикиваю. Артём перехватывает руку мамы, на миг сжимает выше локтя, и хватка слабеет.

Я оказываюсь за его спиной, мама же не собирается сдаваться без боя. Отскочив от Артёма, кричит будто раненый зверь. Её лицо краснеет и кажется маской, которой можно пугать народ на хэллоуин Я резко оглядываюсь, но, похоже, никто не понимает, что делать в

этой ситуации.

— С дороги, ублюдок! Я не отдам тебе своего ребёнка! Убью!

Она снова бросается на него, выхватив из кармана то ли ручку, то ли ещё что. Артём плавно уклоняется, перехватывает её руку и вынуждает выронить «оружие», которое откатывается куда-то в толпу. Мама кричит, вырывается, ругается, но освободиться не может. Я не верю, что Артём делает ей больно, но и отпустить её сейчас опасно.

— Марина, — он обращается ко мне так, будто ничего не происходит. — Иди в машину. Я сейчас тоже подойду.

Я смотрю на маму и сплываю. Всё это какой-то кошмар. Будто сон и я отчаянно пытаюсь проснуться. Так просто не могло... не должно быть в реальной жизни. Это неправильно. Я будто попала в плохой российский сериал, где все очень переигрывают, но, к сожалению, всё это реальная жизнь.

Мне стыдно перед всеми этими людьми, но я совершенно не понимаю, как теперь себя вести. Зачем мама устроила всё это?

Но ещё больше меня пугает то, как безучастны все вокруг. Они просто смотрят. Как пустые марионетки. Мама ведь работает здесь, и никто ничего не предпримет? Даже не попытаются отбить её? Я понимаю, что связываться с Артёмом им совсем не хочется, но всё же.

Может я уснула? Всё это просто сон? Кошмар? Ну не бывает в реальности ничего подобного!

— Марина, — голос Артёма спокоен, но ему сложно поймать паузу в непрекращающихся криках мамы, чтобы я его услышала. — Иди в машину.

Прибегает охрана, но не знает, кого спасать. Врачи при виде их тоже оживают, начинают суетиться. Приносят какую-то банку и шприц. Боже мой, её сейчас накачают успокоительным?

— Нет, — я мотаю головой. — Уходи, пожалуйста.

Мама снова кричит, я не уверена, что он меня слышит.

— Артём! Отпусти её! Пожалуйста!

Он сводит брови на переносице. Подбегают две медсестры, пытаются нащупать вены, но мама вырывается слишком сильно и бодро. Будто сражается за свою жизнь.

Глаза жжёт от слёз. Медсёстрам всё же удаётся вколоть ей чего-то и отбежать, пока Артём удерживает её. Мне кажется, если бы он отпустил, мама успокоилась бы быстрее и им не пришлось давать ей лекарство. Зажимаю рот ладонями, не веря в то, что это происходит. Что один из близких моих людей в таком состоянии.

Я подозревала, что у неё могут быть проблемы. Предательство отца, сложности с работой, долги, но не была готова к тому, что всё будет... так.

В конце концов крики сменяет хрип, движения слабеют, и она просто повисает на руках у Артёма. Подкатывают каталку, он помогает погрузить её.

Сердце колотится у меня в висках. Холл больницы кружится. Мне всё ещё кажется, что это сон, но даже в кошмарах не бывает настолько страшно. Руки трясёт так, что впору просить, чтобы и мне чего-нибудь вкололи.

— Ты как, маленькая? — передо мной оказывается грудь Артёма, он кладёт руки на мои плечи. Испугалась? Поехали, кофе выпьем. Тебе над сейчас.

— Уходи.

— Что?

— Уходи! — я отскакиваю и тут же зажимаю рот ладонью. — Прости. Я... не могу сейчас.

— Марин, — он делает шаг ко мне и протягивает руку. — У тебя срыв. Я помогу. Идём.

— Нет, — мотаю головой. — Нет. Нет. Нет!

Прежде чем я отворачиваюсь, замечаю, как он поджимает губы. В груди так больно, будто с меня сняли кожу и облили кислотой. Повинуясь порыву, я убегаю в коридор, в котором исчезла каталка с мамой.

Глава 30. (Артём) Неожиданный подарок

Всё-таки всему должно быть своё место и время.

Как бы ни хотелось мне снова закинуть Марину на плечо и увезти подальше отсюда, нужно считаться с тем, что её мать сделает всё, чтобы этому помешать.

В день нашего знакомства, она не придавала значения, не восприняла мои действия всерьёз. Теперь, когда стало понятно, что её ребёнок ускользает из гнезда и начинает жить собственной жизнью, в ней включается сильное сопротивление. И случается что-то подобное, к сожалению.

Злиться на неё нельзя. Ей сын в тяжёлом состоянии, а дочь проявляет самостоятельность. Как бы парадоксально ни звучало, мать Марины довольна множеством долгов. Это сближает их семью, заставляет чувствовать себя маленьким отрядом, воюющим против остального мира.

Она не понимает, что это нездорово, но иначе не умеет.

Ещё немного постояв в холле больницы, я разворачиваюсь и выхожу. Не сейчас. Надавлю на Марину, оттолкну от себя. Даже если она поступает неправильно, нельзя лезть и навязывать свою точку зрения. Для отношений нет ничего хуже фразы «а я говорил». Или говорила, не суть.

Выхожу в ночь и на миг закрываю глаза, позволяя ночному ветру остужать голову, и ловлю себя на странном ощущении. Несмотря на случившееся и возникшие проблемы, я... чувствую себя хорошо.

Возвращаюсь к машине, замечаю пакет на заднем сидении, оглядываюсь на больницу и, немного подумав, забираю его. Затем возвращаюсь.

Суэта здесь и не думала успокаиваться. Какие-то идиоты снимали всё на телефон и теперь оживлённо просматривали получившийся материал. Ну уж нет.

— Удаляй, — отрезаю ледяным голосом, подойдя поближе, чтобы создать нужный эффект.

— Чего? — вскидывает голову парень лет пятнадцати, но, увидев, с кем говорит, продолжает уже не так уверенно. — С чего бы это?

— С того, что на этом видео есть я. И я не давал разрешения на публикацию в сети. С юристами моими хочешь пообщаться? Удаляй, я сказал.

Парни переглядываются. Зыркают на меня, поджимают губы.

— Вот, — показывает мне, галерею.

— Корзину тоже чисти, — хмыкаю я.

Парни опять переглядываются, но после всё же подчиняется.

— Своей жизнью занимайтесь, — бросаю я и отхожу.

Нет гарантий, что кто-то ещё не снял видео и оно потом не появится в интернете, но пройти мимо я не могу.

— Это пакет для Марины...Трениной, — вспоминаю фамилию, упомянутую в соцсетях. — Передайте пожалуйста?

— А, вы ещё здесь? — хмыкает женщина за стойкой. Кажется, она пока не определилась с тем, как ко мне относиться. — Мы уж думали, сбежал.

— Бежит тот, кто чувствует вину. А я ничего плохого или противозаконного не делал.

— Надо же. И чё, с Маринкой всё серьёзно, — она наваливается на стойку, готовясь

получить порцию тем для обсуждений на следующие несколько дней.

Как бы ни был велик соблазн заручиться поддержкой в противостоянии матери Марины, я не могу на такое пойти. Это не честно по отношению к ним обоим.

— Это не мне решать. Если марина захочет, всё будет очень серьёзно. Благодарю за помощь в передаче. Доброй вам ночи.

Выхожу на улицу, по небу ползут тучи. В такую погоду хорошо бы сидеть у камина, обнимая девушку, но, видимо, придётся вернуться в пустую квартиру. Может, если с Мариной получится, она уже не будет выглядеть такой... мёртвой.

Когда я выезжаю с парковки, музыка выключается и на экране появляется номер отца.

— Артём, ты где пропадаешь?

— Привет. Отдохнуть ездил.

— И телефон не взял? Слушай, заедь в офис. Мать там подогнала подарки, но раз ты дома не появляешься, их привезли в клуб. Забери.

— Ладно, — пожимаю плечами и включаю поворотник, чтобы перестроиться для поворота в нужную сторону. — А что за подарки?

— Ну как, — ухмыляется отец. — Что уж мы, совсем ничего не понимаем? Давно пора было. Молодец. Со свадьбой помочь или сам организуешь.

Я хмурюсь. Чего?

— А не рановато ли?

— А чего тянуть? — недоумевает отец. — Да и девчонка молодая, красивая. Присваивай, пока не увели.

В принципе он прав, Марина лучше всех подходит для этой роли, но всё же... как он, чёрт побери, о ней узнал? Решаю спросить:

— Слушай, а...

— Твою мать, — проговаривает отец сквозь зубы и, отведя телефон от лица, кричит на кого-то по-английски. Потом на нём же обращается уже ко мне. — I will call back.

Перезвонит он, ага.

Ладно, съездим, посмотрим, что там притащили.

Доезжаю до клуба, с улыбкой отмечая, что здесь полный порядок. Ничего не сгорело, не рухнуло, а значит моя помощница справляется прекрасно. Паркуюсь на любимом месте, выхожу из машины, одновременно набирая мятной сообщение:

«Я оставил на стойке регистрации ужин для тебя. Можешь злиться, но силы тебе нужны. Забери и поешь.»

PS: мне жаль, что так вышло».

Здоровуюсь с девчонками на ресепшене, спрашиваю про подарки и узнаю, что их доставили в кабинет. Принимаю смущённые поздравления.

Так, это ни разу не смешно. Уже собираюсь наехать на девчонок, но входят клиенты и мне приходится убраться в сторону лестницы, чтобы не мешать работать.

Что-то явно не так. Про Марину они узнать не могли, для каких-то дней рождений слишком рано, великих свершений я пока тоже не сделал.

Вбегаю по лестнице, прикладываю магнитный ключ и распахиваю дверь кабинета и охреневаю.

Посреди кабинета коробки. Здоровые такие, банты дурацкие прицепили. Появляется

иллюзорная и совершенно не имеющая права на жизнь надежда, что в коробке нет, что нарисовано на боку.

Коляска? Кроватка круглая, какая-то коса из ниток, толщиной с мою руку. Это типа подушка такая? Какого хрена происходит.

Я поднимаю телефон к глазам. В первую секунду хочется вызвонить кого-то из родителей, чтобы спросить, где смеяться, но уже понимаю, чьих это рук дело и набираю другой номер.

— Да, дорогой? — мурлычет в трубку Милана. Я слышу музыку на фоне и голоса людей. — Ты уже вернулся? Я ждала тебя на неделе, но, если соскучился, могу приехать.

— Какого хрена, Мила? Что ты наплела моим родителям?

— Я ничего не наплела, милый, — по голосу слышу, что она улыбается и это злит. Будто я не всё знаю, а теперь она водит меня за нос. — Только чистую правду.

— Мне привезли коляску и колыбель, Мила. Это не может быть правдой, потому что ты на таблетках, а я пользуюсь резинками.

— М-м-м... ты уже дома?

— В клубе.

— Класс. Тогда посмотри на столе.

Я разворачиваюсь и только сейчас замечаю запечатанный концерт из переработанной бумаги. Ставлю телефон на громкую, кладу его на стол и рву конверт. Из него выпадают распечатки заключения врачей и снимок.

Вынужден признать, я вижу на УЗИ только закат и ничего не понимаю в этих бело-чёрных пятнах, но не нужно быть гением, чтобы сложить мораль послания в короткий вывод.

— Мила, ты меня за идиота принимаешь? — цежу я сквозь зубы и, отложив снимок, беру заключение врача. — Мы предохранялись. Даже если ты перестала пить таблетки, всегда остаётся...

— Дорогой, ты же знаешь, что единственный стопроцентный способ избежать беременности — не заниматься сексом в принципе? — усмехается она и, кажется, отпивает что-то. — Поздравляю, Артём. Ты скоро станешь папой.

Глава 31. Всё тайное рано или поздно...

Сиж у постели мамы, не зная, куда деть руки и то и дела **смахиваю** стекающие по щекам слёзы.

Что со мной не так, блин? Почему это происходит? Что я такого сделала, раз жизнь меня наказывает? Я же... так стараюсь...

Боль и беспомощность рвут душу длинными когтями. Выворачивают наизнанку нервы. Мне хочется лезть на стену от невыносимого контраста, ломающего мои кости.

Всего полдня назад я была в волшебном месте, уставшая, но абсолютно счастливая. Только теперь я понимаю, почему Артём ездит на эти квесты. Это же как отдушина. Возможность забыть о внешнем мире и сосредоточиться на игре, загадках. Решать их и радоваться тому, что получается, двигаешься дальше, проходишь этапы и получаешь призы.

А ещё рядом есть близкий человек, который поддерживает и помогает, оберегает от опасностей, шутит и подсказывает. Тот, с кем не боишься пробовать и рисковать.

Моя реальная жизнь совсем иная. Я будто иду в плотном тумане по шоссе и могу только молиться о том, чтобы не быть сбитой машиной. Меня будто вырвали из яркого мультика, в котором добро обязательно побеждает зло и волокут по асфальту, сдирая кожу и оставляя болезненные ссадины.

Корю я себя и за то, что нагрубила Артёму. Он вырвал меня из темноты реальности, показал другой мир, а теперь...

Мне так хочется к нему вернуться. Снова сбежать от всех и решать задачки на логику и ловкость, что хоть волком вой. Но это невозможно. Сказка, иллюзия.

Мама на кровати негромко всхрапывает, и я в очередной раз **стираю слёзы**. Ладно, пора кончать с нытьём. Лучше от этого мне всё равно не станет.

Решаю выйти немного подышать воздухом. Ночь прошла, за окном угрюмое серое утро, идеально отражающее моё настроение. Не знаю, сколько сейчас времени, да это и неважно.

Мама должна скоро проснуться, но я пока не знаю, что дальше. Ничего конкретного мне не говорят, ссылаются друг на друга. У меня нет сил с ними спорить, голова болит, но с этим, слава богу, они помогают.

Хочется чего-то горячего, кофе, например. Может хоть так в мыслях прояснится. Выползаю из палаты и тут же сталкиваюсь с медсестрой, которая вручает мне пакет:

— Вот, вам просили передать. Всю ночь на стойке регистрации простоял, некогда было.

Я рассеянно киваю и принимаю передачку, а девушка убегает. Заглядываю внутрь и обнаруживаю собранные пироги и пиццу, которую мы ели на том переделанном под квест заводе. Он знал. Предугадал даже это...

Зажмуриваюсь и иду в небольшую кухню, где обедает младший медперсонал. Сейчас тут никого, так что я спокойно ставлю угощение на стол и вынимаю верхний контейнер. Перекладываю на тарелку, остальное оставляю, вдруг кто ещё захочет перекусить и разогреваю себе кусочек.

И правда, будто оказалась в другом мире. Там, с Артёмом в тусклом свете камина пицца казалась пищей богов, а теперь здесь выглядела ссохшейся и унылой. Не так уж часто я балую себя таким. Хочется упасть где-нибудь и не двигаться, но я стараюсь держаться и не выдавать, насколько я на самом деле устала. И дело тут не в физическом истощении.

У меня душа болит.

— О, Марина, вот ты где, — в комнату врывается врач. — Пойдём, нужно сопроводить твою мать в центральный корпус.

— Что? Зачем? — ничего не понимаю я.

— Вчерашний инцидент не должен повториться, ты согласна? Твоей маме нужно обследование. Мы уже обо всём договорились, не волнуйся. Вас там встретят, проведут куда следует. Все документы мы предоставили.

Мне не нравится то, как всё это звучит, но не спорю. Какой смысл?

Вздыхнув, выключаю микроволновку и оставляю пиццу на столе. Доктор никак это не комментирует, но мне отчего-то кажется, что Артём в этом случае сказал бы, чтобы я непременно поела, а только потом поехала.

Жаль, что его здесь нет. Я сама прогнала. Но я не хочу тащить его в свой ад.

До указанной больницы нас отвозит скорая, на которой перевозят лекарства и медицинские анализы для лаборатории. Мама всё ещё спит, так что её привозят на каталке и грузят в салон вместе со мной.

Спросить, почему она не просыпается не у кого, узнать, как дела у Женьки я тоже не могу, да и, если честно, у меня просто нет на это сил. Устроившись на скамеечке, я достаю телефон, узнать, который час и только сейчас замечаю, сообщение от маньяка.

«Я оставил на стойке регистрации ужин для тебя. Можешь злиться, но силы тебе нужны. Забери и поешь.

PS: мне жаль, что так вышло».

Внутри что-то сжимается. Будто бы расцветает робкая надежда, что в этом непроглядной тьме ещё найдётся выход для меня. Возможно нас. Скорая трогается, мама спит, а я, поддавшись порыву, раскрываю сообщения и пишу ответ.

Пальцам непривычно работать сразу со всей клавиатурой, будто на компьютере, но постепенно я начинаю печатать всё быстрее, увлекаясь мыслью:

«Артём,

Это я должна просить у тебя прощение. За грубость, за то что испортила такой чудесный вечер, загрузила тебя своими проблемами.

Я очень благодарна тебе за всё, что ты сделал. Не только за помощь моему брату. За этот долг мне не расплатиться с тобой, наверное, никогда.

Благодарю в первую очередь за то, что ты... такой. Необычный, местами странный. Мне кажется, это очень классно. Я не знаю никого похожего на тебя. И уж точно никто другой не заставлял меня смотреть на совершенно обычные вещи под новым углом.

Я прошу тебя не злиться на меня за то, что отстраняюсь и убегаю, выбираю семью, хотя логика и сердце против и настойчиво кричат, чтобы я бежала в другую сторону.

К тебе.

Мне нужно больше времени. Сейчас я в темноте, будто заблудившийся кораблик. А ты — мой маяк, указывающий путь к безопасной гавани, но я пока не могу в неё свернуть.

Надеюсь, ты сможешь подождать меня ещё немного. За наше короткое знакомство ты стал для меня очень важен. Я будто знаю тебя много лет, но почему-то забыла и вспоминаю всё больше с каждым новым разговором.

Прости ещё раз.

Сейчас у меня много дел, нужно отвезти куда-то маму, а потом я постараюсь съездить домой поспать.

Если у тебя будет время, может, созвонимся?

Целую, Марина».

Нажимаю отправить и сама удивляюсь тому, какую простыню текста накатала. Да, новый телефон делает меня болтливой. Когда приходится печатать, перебирая кнопками буквы, стараешься отвечать короче, а здесь — мысль вытягивает за собой другую и вот, уже готова целая поэма. Так и книги можно сочинять. Ну или хотя бы писать посты в соцсетях не раз в год.

Доезжаем. Нас встречают крупные санитары, которые принимают каталку с мамой и увозят её в здание. Я, не понимая толком, что делать мне, топаю следом, но мне преграждают путь:

— Вам нельзя, ждите результат в зале ожидания.

Кажется, я туплю.

— Результат чего? — переспрашиваю я. — И где этот зал?

Мне показывают. Время сейчас раннее, здесь почти никого нет. Человек пятнадцать я за толпу не считаю, тут половина бабушек, судя по всему, просто отдыхают на скамеечках, прежде чем пойти домой или продолжить свой поход по врачам. Занимаю диванчик в углу.

То ли от усталости, то ли тут правда намного уютнее, чем у нас в больнице. Почти проваливаюсь в сон, когда слышу истеричный голос девушки:

— Знаешь что! Меня достали твои необоснованные и ничем не подкреплённые подозрения! Можешь и дальше вести себя как ребёнок, не понимающий, откуда берутся дети, и пытаться сбежать от ответственности!

Люди вокруг начинают перешёптываться. Сперва мы не видим девушку, но на последних словах она появляется в закутке, где стоят диванчики. Яркая, красивая. В обтягивающем платье с открытыми плечами и блестящими, ухоженными как после салона волосами.

Девушка в ярости, и я прекрасно понимаю её гнев. Пожалуй, я бы тоже злилась. Обидно, что такая красавица нарвалась на недостойного парня.

Заранее начинаю осуждать его. Девушка молодая, хорошо одетая. Наверно, он её ровесник, почти наверняка какой-нибудь наглый мажор, в котором нет ни капли благородства. Увы, таких немало. Не то что мой...

Все эти мысли проносятся в голове за доли секунды, пока девушка проходит половину зала, направляясь к выходу. Её нагоняет высокая фигура, в которой я мгновенно узнаю Артёма.

Нет...

— Ещё раз, — негромко, но твёрдо произносит он, поймав красавицу за руку. — От ответственности я не отказываюсь, но мне нужны подтверждения, что ответственность моя.

Девушка вырывает руку.

— А чья ещё? Это же ты каждые выходные пропадаешь невесть где с новой девкой! Играешь с ними будто с куклами! Вот только я не одна из дур, которым твои деньги важнее чести. Если собираешься откупиться от меня, как от них, то можешь засунуть эти деньги себе в зад!

— Мила, ты меня которым местом слушала? — Артём спокоен, но по голосу я слышу,

как сильно он устал. — Я лишь сказал, что мы проведём экспертизу. ДНК-тест, который никак не навредит ребёнку и который я полностью оплачу. Если он мой, то...

— Ты пойдёшь к чёрту, — вскрикивает девушка, пытаясь вlepить ему пощёчину.

Артём, ожидаемо, перехватывает её руку. Мила вырывается и, развернувшись на каблуках, уходит. Маньяк, выругавшись, идёт следом и пропадает за поворотом, а я осознаю, что не дышала всё это время и делаю короткий болезненный вдох.

Услышанное рваными фразами проносится в памяти: сбежать от ответственности, куклы, экспертиза ДНК, откупиться, его ребёнок.

Опускаю голову. Артём меня не заметил, к счастью.

Мыслей так много, что я не представляю, какую из них думать. В ушах гудящий звон, похожий на ультразвук, виски давит и вдруг на меня обрушивается резкий звук объявления из колонки над нашими головами:

— Марина Тренина, пройдите в кабинет двести три! Марина Тренина, пройдите в кабинет двести три!

Я едва не падаю с дивана. Артём... он уже ушёл? Вышел на улицу или... тоже это слышит?!

Глава 32. Направление

Сердце стучит так сильно, что рёбрам больно. Из-за грохота пульса я ничего не слышу, но вскакиваю на ноги.

Что делать? Бежать к кабинету? Прочь? Не двигаться? Что?!

Я и сама не понимаю, чего так сильно испугалась, но ясно было одно, — видеть Артёма я сейчас не смогу. Случайно услышанный разговор ещё не уложился в моей голове, не успела осмыслить, что у Артёма будет ребёнок, а я, вероятно, могла стать одной из множества...

Срываюсь с места и бегу искать лестницу. Надеюсь, они есть в противоположной стороне от той, куда ушёл Артём и его девушка. Боже мой! Надеюсь, он не слышал! А если и слышал, то пусть не обратит внимания, не поймёт, что это я и вообще!

Нахожу лестницу. Какой там кабинет, чёрт возьми!

— Марина Тренина! Пройдите в кабинет двести три! — снова вещает громкоговоритель.

Я выбегаю на второй этаж. Шарю глазами в поисках табличек, определяю направление, в котором нужно идти. Чёрт в другом конце коридора... С тревогой оглядываюсь на выход к лестнице, но, кажется, меня никто не преследует. Как минимум пока.

Двести девятнадцать, двести семнадцать... здесь на этажах народу больше, это немного успокаивает. Впереди уже видно заветную табличку, как вдруг распаивается дверь, по всей видимости, второй лестницы и в коридор выходит Артём.

Мне очень везёт, что он сперва смотрит в сторону двести третьего кабинета. Всего секунда, которая позволяет мне толкнуть дверь очень кстати оказавшегося рядом туалета. Нахожу свободную кабинку, закрываюсь и, опустив крышку, сажусь перевести дух. Чёрт... Чёрт!

Он всё же услышал. Боже мой, я не представляю, что теперь делать!

Мысли кружат в голове как торнадо, наполненный битым стеклом. Я не могу толком объяснить, почему я прячусь, но мне очень и очень стыдно.

За что? Если бы я знала!

Почему-то в голове всплывают слова мамы. О том, что люди врут, а мужчины особенно. Про то, что нужно быть осторожной и не верить никому. А я что? Уехала не пойми куда с парнем, которого знала два дня? Молодец, конечно, ничего не скажешь...

И всё же моё глупое сердце отчаянно сопротивляется фактам. Очень хочется поверить, что я неверно понимаю всё, что увидела. Что та девушка — обманщица, которая пытается только выпрясти из Артёма деньги, но разум, холодный, жестокий и не знающий очарования влюблённости, уверяет, всё так.

Поступки Артёма сразу казались мне слишком щедрыми. Он же сам признавался, что я не первая девушка, которую он привозит в тот квест. Сколько из них после забеременели? Сколько сделали аборт?.. По коже пробегает холодок.

Неожиданно мой телефон звонит. В панике я резко выхватываю его из кармана и едва не разбиваю об пол, успев поймать в последний миг. Жму по кнопкам громкости, и звук стихает, но вызов не сбрасывается.

Смотрю на имя маньяка, зажав рот. В горле распухает комок, не дающий нормально дышать, в глазах расплывается. Пошевелиться не могу, всё тело дрожит. Такое чувство, будто начался апокалипсис, и я в эпицентре. Хотя возможно так и есть.

В голове стучит всего один вопрос — Зачем?

Зачем он это сделал? Зачем сблизился со мной, помог? Защищал, поддерживал и обещал, что моя жизнь может стать лучше? Счастливее? Для чего всё это? Посмеяться над выражением моего лица, когда всё то рухнет? Вот как сейчас?

Звонок прекращается, и только тогда я позволяю себе сделать вдох. Накатывает слабость, сильно кружится голова, я едва не падаю на пол, как вдруг слышу открывшуюся дверь.

Кто-то входит в туалет, медленно проходит по помещению. Шаги эхом отражаются от кафеля и плитки на стенах. Я пытаюсь не дышать. Не могу знать наверняка, но я будто чувствую, что это Артём. Ищет меня, проверяет.

Что он сделает, если узнает, что я догадалась? Что всё поняла?

Под дверью видно тень человека. Я поднимаю ноги, как в кино, чтобы если он решит заглянуть, то никого не увидел, но, кажется, вошедший этого не делает. Дойдя до края стены, он разворачивается и уходит, а после слышится открывшаяся дверь. Голоса пациентов, громкоговоритель, который зовёт следующих посетителей в другие кабинеты.

Я медленно выдыхаю, снова сажусь и пытаюсь успокоиться. Мне в любом случае нужно пойти в тот чёртов кабинет. И из-за одного придурка, который не может определиться с девушкой, я не стану. Сейчас мне важна моя семья, а Артём... к счастью, не случилось ничего плохого, и я могу не волноваться о том, что окажусь следующей жертвой.

Как точно я его в телефоне подписала, а?

Смартфон неожиданно пиликает. Входящее сообщение. Я поднимаю его к глазам и сразу выключаю экран. Уже пишет что-то. Если открою, оно отметится прочитанным, а я пока не готова даже к такому контакту с ним. Немного повозившись, ставлю на беззвучный и убираю телефон в карман.

Выхожу из кабинки и, убедившись, что в туалете никого, мою руки и смотрю на своё отражение. Вид, конечно, паршивый, сказывается бессонная ночь. Ладно, собрались. Нужно идти и узнавать, как там мама.

Честно признаю, боялась, что Артём подстерегает меня в коридоре, но и там его не оказывается. Туда-сюда ходят пациенты, врачи, а знакомого маньяка с атлетичным телосложением не видно. Всё ещё оглядываясь, иду к кабинету и, постучавшись, вхожу.

Внутри сильно пахнет лекарствами. За столом боком к двери сидит мужчина.

— Тренина? — резко спрашивает он, не отрываясь от бумаг.

— Д-да...

— Где тебя носит?! Иди подписывай!

— Хорошо.

Подхожу к столу, он сдвигает ко мне стопку листов и шлёпает сверху ручку.

— С мамой всё будет хорошо? — спрашиваю я. — Когда её отпустят домой?

— Сегодня, — рыкает он. — Но от работы твоя мать временно отстранена, пока не обойдёт врачей, психологов и те не признают, что случившееся было помешательством на фоне стресса, а не первыми звоночками подорванного душевного здоровья.

Я вздрагиваю. Если отстранена, то... Выходит...

Что ни говори, а Артём лишил нас главной статьи расходов. Женьку вылечат, но у нас совсем не осталось денег, чтобы закрыть кредит... И что делать?

— Мой брат сильно пострадал, — пытаюсь объяснить я. — Мама из-за него сорвалась. Она его очень любит.

— Вот пусть спецам и расскажет, — хмыкает врач, пододвигая мне ещё один документ. — А до тех пор ей к пациентам подходить нельзя. Случись что-то подобное с тем, кому помощь будет нужна, как она её окажет? Никак, само собой. Это опасно.

— Да, я понимаю, простите...

Значит первым делом, выйдя отсюда, надо найти работу и быстро. Возможно, придётся прибегнуть к займам, чтобы откупиться от коллекторов.

Стребаю документы и прощаюсь с врачом, который уже переключается на компьютер и что-то быстро печатает, не глядя на клавиатуру. Я для него уже ясно не представляю интереса.

— Галина Андреевна ждёт вас внизу, — бросает он, когда я оказываюсь у двери. — Её уже привели в чувство.

— О, спасибо большое, — улыбаюсь я.

Мужчина хмыкает. Наверно мне сейчас просто хочется увидеть хорошее хоть в чём-то, поэтому мне начинает казаться, что его холодная отстранённость — обман и на самом деле он очень чуткий и понимающий, просто отгораживается, ведь принимает ежедневно многих.

Улыбаюсь своим мыслям, поворачиваю ручку и шагаю в коридор, где тут же впечатываюсь в чью-то грудь. Делаю вдох и замираю, узнавая запах.

Это же...

Глава 33. Побег

Артём. Собственной персоной.

Ох, я бы отдала всё за вероятность, что это окажется не он, но нет. Ярко-голубые глаза, успевшие оставить отпечаток в сердце, губы, вкус которых может свети с ума. Широкая грудь, к которой так и хочется прижаться щекой и плечи, которые, как мне кажется, выдержат вес любой проблемы. Это совершенно точно он, узнала бы из миллиона схожих людей.

Мне становится страшно. В первую секунду возникает ощущение, что нужно сделать вид, что я увидела его только сейчас. Притвориться, что всё хорошо, разыграть сценку с удивлённой улыбкой и криком в духе: «ой, как неожиданно! А ты как здесь?!», но... Я не знаю, смогу ли притвориться достаточно хорошо. Оказалось, это и не нужно.

Артём посмотрел мне в глаза и всё понял. Догадался, что я была внизу, что я в курсе того, зачем он сюда приехал. Челюсть напрягается, взгляд тяжелее. Казалось, всё должно упроститься, но вместо этого запутывается ещё сильнее.

Я наблюдаю за тем, как меняется лицо маньяка, и удивляюсь. Хотя чего я ожидаю? как он должен реагировать? Если начнёт оправдываться или врать, что я всё неверно понимаю, то будет уже совсем не тем Артёмом, которого я знаю. Мне больно видеть его лицо спокойным, а взгляд таким пронзительным, но я понимаю, что иначе просто быть не может.

Мы будто говорим, глядя друг другу в глаза. Не хочется устраивать сцен, скандалов. Мне сложно поверить, что Артём оказался не тем, кем я его считала.

С другой стороны, наверно, это так и должно происходить. Когда мир переворачивается с ног на голову, разбивается стеклянными осколками и катится в ад.

— Поговорим, — не спрашивает, утверждает Артём.

— Не о чём, — сиплю отрываюсь я и пытаюсь обойти его.

Прочь! Сбежать! Да, как последняя трусиха! В горле сворачивается тугой комок, от которого хочется закатить скандал, вклеить пощёчину или ещё что, втайне надеясь, что он всё равно настигнет, схватит и прижмёт к груди, кутая в объятия своих рук, закрывая от мира, будущего ребёнка и уверяя, будто я всё неверно поняла и на самом деле всё не так, даже если это обман.

Маньяк ловит меня за руку и ведёт к выходу на лестницу, из которого выбежал совсем недавно. Я сопротивляюсь для вида, но не слишком активно. В конце концов, мне всё равно нужно вниз за мамой, а потом... в неизвестность.

На лестнице мы спускаемся до окна и останавливаемся. Я собираюсь идти дальше, но он не отпускает и не столько отталкивает, сколько переставляет меня к окну.

— Что ты творишь?! — возмущаюсь я, а сердце начинает стучать чаще, когда я оказываюсь в кольце его рук.

— Хочу выяснить, как много ты слышала.

— Достаточно, — цежу сквозь зубы. — Отпусти. Не нужно усложнять всё. Я так понимаю, ты только узнал. Можешь оставить мне реквизиты? Буду понемногу возвращать тебе деньги за лечение брата и...

— Бред несёшь.

Ну конечно. Для него это просто цифры, так он говорил? Теперь смотреть на него становится ещё сложнее. Правильно, наверно говорила мама. Взяла деньги, чувствую себя

обязанной. А возвращать, значит видеть его, невольно касаться жизни, в которой мне никогда не будет места, потому что его по праву должна занять другая. Так будет честнее.

Артём будто играет со мной в гляделки. Я выдерживаю его взгляд и качаю головой:

— Давай не будем, — прошу я. — Не нужно. Это ведь не шутка? Она правда...

У меня не хватает сил договорить. Он подтверждает, моргнув.

Не представляю, скольких усилий мне стоит удержать лицо. Как минимум не разреветься здесь на лестнице.

— Сперва разберёмся.

У меня вырывается горький смешок.

— В чём? Не надо, Артём. Не порти моё мнение о тебе.

— И не собирался. С ней я решу вопрос. Что до тебя? Как мама? Домой отвезти или ещё куда?

Я кладу ладони на его грудь и отталкиваю.

— Не решишь. Это же ребёнок. Ему нужен отец, иначе он будет как я, — несу какой-то бред, но сейчас на это наплевать. — Прощай. Спасибо за всё, что ты для меня сделал. Я не буду мешать. И... будь счастлив, прошу.

— Маленькая, — он хмурится и качает головой, но всё же делает короткий шаг назад.

Это слово будто табуретку из-под моих ног выбивает. В горле мигом разбухает комок горечи, в глазах расплывается. Я бросаюсь к ступенькам мимо него, хотя больше всего на свете хочется сделать наоборот. Шагнуть к нему, спрятать лицо на груди и чувствовать, тепло его рук. Снова вырваться из реальности, забыть обо всём.

Даже если всё это обман, иллюзия мне до боли в зубах хочется вернуться, стать игрушкой. Его.

На первый этаж я практически вываливаюсь. Ничего не вижу из-за слёз, в ушах звон и эхо бархатистого слова «маленькая», от которого кровит сердце, а потом меня будто вышибает из тела.

Кажется, что я наблюдаю за собой же со стороны. Кто-то другой управляет моими ногами, стирает со щёк дорожки слёз. Будто робот я выхожу обратно к коридору, в который увезли маму и встречаю там медсестру. Та провожает меня к одному из выходов, где на скамеечке сидит мама.

Мне внутри, той части души, что отстранили от управления телом, становится ещё больнее, видеть родного человека таким блёклым и уставшим очень трудно, но та Марина, что сейчас двигается и говорит, находит в себе силы улыбнуться, взять маму за руку и повести на улицу, одновременно вызывая такси.

Подаренный Артёмом телефон издаёт сигнал входящего сообщения. Мне очень хочется прочесть его, но вторая, более здоровая часть меня смахивает его в сторону, даже не взглянув на отправителя, хотя мы обе догадываемся, кто это может быть.

Машина приезжает быстро. Я усаживаю маму, сажусь сама и, взглянув последний раз на здание больницы, называю адрес. Водитель выворачивает с парковки, а я, будто специально замечаю машину Артёма среди множества других автомобилей. Очень надеюсь, что мне показалось, я забираю у мамы сумку и лезу в её кошелёк, втайне надеюсь, что у неё хватит налички, чтобы расплатиться.

Глава 34. Домашний очаг

Денег хватило впритык. Я начала бояться, что придётся бежать и занимать в долг у соседей, потому как дома не было ничего.

Тяжесть этой мысли накрывает меня уже в подъезде, когда я веду маму по лестнице. Резко холодеют пальцы, ноги кажутся ватными.

Жесть, конечно. Осторожно держу под руку маму, а сама в это время отчаянно борюсь с чувством реальности. Вернее с отсутствием этого чувства. Я будто во сне, ужасном кошмаре, который душит и тянет меня в озеро холодной, похожей на чёрную смолу, тревоге. Мне очень хочется проснуться, и оттого, что я чувствую запах хлорки и сырого бетона, шершавую стену с облупившейся краской становится ещё хуже.

Мама ещё под лекарствами и вряд ли понимает, что происходит. Я даже немного ей завидую сейчас. Возможно, будь у меня возможность, я бы тоже приняла что-нибудь. Кажется, я начинаю понимать людей, которые прячутся за алкоголем или чем потяжелее, хотя сама пока не готова нырять следом.

Захожу в квартиру и, подавляя желание лечь у порога, и расплакаться, помогаю маме разуться и снять куртку. Потом веду её в спальню и переодеваю. Руки дрожат, а зубы постукивают как на морозе. Когда мама тяжело опускается на подушку, я накрываю её пледом и почти выбегаю из её комнаты. Даже не стала аккуратно складывать вещи, хотя мама ненавидит бардак и позже, когда придёт в себя, наверняка меня отругает.

Не могу, не выдерживаю. Это слишком!

Забегаю в комнату и сдираю с себя кофту. Затем футболку, велосипедки, не помогает. Я всё ещё пахну им. Артёмом. Его запах будто вьелся в кожу. Смешался с памятью и отравил кровь.

Сползаю на пол, обнимая себя за плечи. Всё очень плохо. Я будто оказалась на острове, который раньше соединялся с отвесными скалами верёвочными мостами. На одной стороне была моя семья, мама и брат, которые пусть по-своему, но любили меня, а на другом Артём, обещавший, что всё будет хорошо.

Я поверила ему. Да, это было глупо, но он так прямо и открыто говорил о том, что у нас всё будет хорошо, что иначе не получилось. Я была готова ему верить, даже если всё это неправда.

К сожалению, так и оказалось.

Телефон, оставшийся в кармане кофты проиграл сигнал входящего сообщения. Не знаю, что там и не хочу знать. Я на грани истерики и не выдерживаю тяжести всего этого ни морально, ни физически, так что просто доползаю до кровати и забираюсь под одеяло. Плевать на всё.

Может, когда я проснусь, окажется, что всё это просто сон?

В черноту я проваливаюсь, кажется, раньше, чем касаюсь головой подушки. Мои внутренние батарейки окончательно умерли, и я просто выключилась.

В себя прихожу оттого, что в комнате слишком душно. С трудом открываю опухшие веки. Подушка сырая, глаза жжёт так, будто я ревела несколько часов, так что я чувствую себя совершенно разбитой и вымотанной. Не знаю, можно ли плакать во сне, но, кажется, со мной случилось именно это. Никаких снов я не помню, легче тоже не стало.

Очень кстати слышу звонок телефона и просто слушаю мелодию. Не хочу ни с кем

говорить. К тому же не уверена, что смогу сейчас, поэтому просто слушаю. Первая догадка, сам собой, касалась Артёма. Чувствую себя одержимой им и это словно укус, попавший на царапину.

Каким-то невероятным образом нужно выбросить его из головы и забыть. Ему, похорошему, следует жениться на той девушке, заботиться об их ребёнке. Поездки на квесты заканчиваются, а вместе с ними и отношения со мной, нужно как-то... жить?

Неожиданно меня накрывает злостью, чувством несправедливости и обиды. Как он мог?! Артём же точно знал, что спал с той девушкой без необходимой защиты! Он не из тех, кто не понимает, откуда берутся дети, не мог быть пьяным при этом или не осознавать, что происходит.

Может она обманула его? Не знаю, каким-то невероятным способом заполучила... И потом...

Звонок прекращается, и я зажмуриваюсь. Нет, я что, всерьёз собираюсь его оправдывать?

С трудом отрываю себя от подушки и сажусь на кровати. В комнате темно, очевидно, что сейчас поздний вечер. Живот тянет от голода. Кажется, последний раз я ела... не помню когда. Целую вечность назад. С Артёмом, перед тем как он...

Щёки теплеют. Нет, нельзя об этом думать! Теперь Артём принадлежит другой женщине! А может и всегда ей принадлежал.

Открываю окно, чтобы проветрить. Некоторое время торчу у него, пытаюсь привести в порядок голову и, взяв вещи, отправляюсь в ванную. Всё плохо, выхода нет и прочее, но всё станет на одну тысячную процента лучше, если я приведу себя в порядок.

Увы, и это не приносит мне желанной лёгкости. Вода оказывается едва тёплой, нагреватель снова барахлит, но один только Женька знает, как с ним обращаться. Так что из ванны я выхожу замёрзшей, но слегка взбодрившись.

Мама ещё спит. Я убеждаюсь, что её дыхание спокойное и ровное, недолго сижу на её кровати и решаю дать её ещё поспать. В конце концов, если бы с ней было что-то не так, врачи не отпустили бы её домой, правильно?

Иду на кухню, надеясь на то, что еда ещё осталась. Квартира теперь кажется неуютной и сырой, а память упрямо возвращает туда, где было хорошо и спокойно. К Артёму, в комнату с камином. Как назло, сфотографировало в памяти этот момент, чтобы изводить меня сильнее.

Холодильник встречает пустотой и... как иронично, теми пирожными, что вручил Артём. Злость от всего требует избавиться от них. Швырнуть в стену! Впрочем нет, придётся отмывать... Выбросить в мусор? Недостаточно масштабно. Может в окно? Нет, прохожих испачкаю, да и...

Забираю пирожное, ставлю чайник и сажусь за стол. В холодильнике кроме него мышь повесилась, а готовить я сейчас не в состоянии. Дожидаюсь кипятка, бросаю в Женькину кружку пакетик чая с чабрецом и сажусь то ли завтракать, то ли ужинать. Беру ложку и замираю, зажмурившись. В глазах снова расплывается от подступающих слёз.

Чёрт, я даже осмыслить масштаб своего горя не могу. Мне просто плохо. Перманентно. И, отчасти поэтому мои мысли не зацепляются за настоящие причины проблем, а кружат вокруг осознания того, что всё очень-очень плохо.

Разреветься окончательно мне не позволяет звонок в дверь. Бросаю быстрый взгляд на часы, — почти одиннадцать. Кто и зачем пришёл так поздно?

Глупое сердце начинает стучать чаще. А вдруг Артём? Приехал... не знаю зачем. Сказать, что всё разрешилось, что врачи ошиблись и всё у нас и правда будет хорошо. Стук повторяется, и я поднимаюсь. Поправляю халат, снимаю с головы полотенце и иду в коридор, потому как стук повторяется. Мама ещё спит, не хочу будить её, поэтому надо глянуть, кто там. И прогнать, если не тот, кто нужно.

— Кто там? — я выглядываю в глазок, но за ним темнота. Это не удивляет, лампочку в подъезде давно не меняли.

— Свои, — узнаю голос и вздрагиваю. — Открывай давай!

Глава 35. (Артём) Мнение со стороны

Когда я чувствую, что теряю контроль над своей жизнью, то всегда иду в зал. Электроника в наушнике, тянущая боль в разогретых мышцах.

Лежу со штангой, капли пота лезут в глаза. Чёрт знает, какой это подход, ориентируюсь по жару и, кажется, пора уже заканчивать. А значит сделаю ещё пять и выхожу.

Один. Два. Тр-р-ри. Четыр-р-ре. Замедляюсь и поворачиваю голову, наблюдая как подрагивают мышцы левой руки. Жму до конца и замечаю бегущего через весь зал тренера.

— Артём, тебе руки больше не нужны? — ругается он, страхуя. — Или в травмпункт давно не ездил?

Не спеша сажусь. Голова немного кружится. И правда перестарался сегодня.

— Нормально всё, — сажусь и тянусь к бутылке. — Задумался просто. Иди к клиентке, я переживу

— Пойду. А тебе хватит на сегодня. В сауну сходи, а то завтра не встанешь.

Я усмехаюсь и киваю, а он спешит к фигуристой блондинке, которая без присмотра уже начала крутиться перед зеркалом, делая себьяшки.

Забираю полотенце, иду мыться и переодеваться. Тревожные мысли оставшиеся за дверью зала, тут же настигают и жужжат над головой как мошки. Некоторое время смотрю на коридор ведущий в сауну, но мотаю головой и прохожу мимо. Нет, после него спать хочется, а у меня ещё куча дел. Надо объехать половину города.

На выходе успеваю подписать пару договоров. Девчонки суетятся, им любопытно обсудить новости, связанные с моим будущим отцовством. Наверняка моё молчание здорово распаляет их любопытство. Ничего рассказывать не стану, мне только сплетен не хватает для полного счастья.

Выхожу из клуба и сажусь в машину. Проверяю телефон и смахиваю пропущенные вызовы от Миланы. Для той, кто «очень на меня обижен» она подозрительно болтлива. В мессенджерах простыни текста, которые я вначале листаю пальцем, а потом нажимаю на кнопку «вниз», просто чтобы не раздражала висящая цифра непрочитанного.

От Марины ничего нет. Как водится, если тебе кажется, что хуже быть уже не может, жизнь решит, что это вызов. То, что моя мятная оказалась там, не иначе как проклятие, и пока я вообще не представляю, что мне делать.

Моё сообщение для неё так и осталось непрочитанным. Пытаюсь вспомнить, будет ли в этом приложении видно, если тебя блокируют. Вроде да. Да и Марина с современным телефоном могла ещё не освоиться.

Ладно, подождём. В конце концов, у неё сложная ночь, и она может просто спать.

Сообщения от мамы тоже скидываю. Она в проблемах никогда не разбирается, а учитывая то, что Мила наверняка пожаловалась ей на моё «аморальное» поведение, по существу, там ничего не будет.

Завожу двигатель и выворачиваю с парковки. Ситуация непростая, поспешные решения могут только всё усугубить. Но как бы я не пытался сохранять самоконтроль, эта история меня нервирует. Случись всё месяц назад, например, было бы куда проще, а сейчас, когда я, кажется, нашёл ту самую, боюсь, мне необходим совет со стороны. И есть лишь один человек, который может взглянуть на ситуацию трезво и беспристрастно.

На дисплее высвечивается номер, который имеет для меня не только цвет, но и запах

шарлотки с яблоками.

— Привет, ты выехал?

— Да, вот только.

— То есть ещё в городе? Заедь, пожалуйста за содой, закончилась.

Я усмехаюсь:

— Не знал, что она может заканчиваться. Ещё что-то?

— Нет, остальное я взяла. А соды нет.

— Понял тебя. Жди через полчаса.

И всё же как Милана это провернула? Если верить результатам анализов, зачатие произошло в очень интересный промежуток времени. Как мне объяснил врач, погрешность определения всего три-четыре дня и наш последний секс, который, само собой, проходил с защитой как минимум с моей стороны, как раз находится в самом начале этого периода.

Три дня долгий срок. Чуть меньше, чем прошло с момента моего знакомства с Мариной. И даже на примере нашего общения ясно, что произойти может разное. У меня нет уверенности в том, что я был единственным, но раз она так в меня вцепилась, значит я точно самый выгодный из кандидатов. Не хочу наговаривать зря, поэтому и пытался уговорить её на тест. Совершенно безопасный.

После магазина выворачиваю на трассу и утапливаю педаль в пол. Мимо проносятся уже тронутые осенью пейзажи, скоро станет совсем красочно. Любуюсь видом, сосредотачиваюсь на обгонах и, наконец, отвлекаюсь от проблем.

До коттеджного посёлка добираюсь быстро. Сворачиваю в хвойный лес и, немного попетляв по асфальтовой дорожке добираюсь до первых домов.

Меня уже ждут. Едва свернул с дороги на площадку перед воротами, как те плавно откатываются в сторону. Я паркую машину перед домом и выхожу вместе с пакетом и каким-то грустным цветком, который прихватил на кассе.

— Привет, проходи, — бабушка ждёт меня на крыльце и близоруко щурится, когда я подхожу. — А это что?

— Новый пациент для тебя, — вручаю ей горшок. — Нуждается в спасении.

— Ну хоть не коты, — хмыкает она. — Сейчас чай заварим, шарлотка уже готова.

— Без соды?

— У соседки взяла. Но тебе всё равно спасибо, что заехал.

Мы садимся за стол. Как свойственно, наверно всем бабушкам, на нём появляется куда больше тарелок и вазочек, чем может съесть человек. Затем она заливает цветок водой, ставит в раковину и, наконец, садится за стол.

— Мне нужно, чтобы ты меня выслушала и оценила весь этот звездеч со стороны, — прошу я.

— Как официально, — она сужает глаза и обхватывает руками чашку. — Что ж, рассказывай, что именно тебя так беспокоит?

Излагаю суть. Подробно, но без лишних подробностей. Коротко и по существу. Бабушка улыбается, я даже знаю почему. Слишком много говорю о ней, Марине, хотя основной источник проблем явно Мила. Когда я заканчиваю она чему-то хитро улыбается и меня это нервирует.

— Что смешного?

— Ты. Вырос, наконец.

Я наклоняю голову к плечу и поднимаю бровь.

— А если серьёзно?

— Я и так серьёзна. Ты впервые приехал ко мне не о цифрах говорить, а о девушках и правнуках. Хорошо же.

— Да как тебе сказать...

— Тём, ты не дурак и прекрасно понимаешь, что бывшая тебе голову дурит. Если бы ей было нечего скрывать, она бы не юлила и вела себя иначе. С твоих слов видно, что она играет ва-банк.

Услышав это на сердце становится легче.

— Если она не даст тебе разрешения, то какой смысл волноваться сейчас? Придётся ждать девять месяцев, чтобы узнать точно. А вот с Мариной ждать не выйдет. Действовать нужно сейчас.

— Трубку не берёт. Как думаешь, насколько наглым будет просто взять и приехать?

— Зная тебя, я удивлена, почему ты до сих пор этого не сделал.

— Хотел дать ей отдохнуть.

— Тогда доедай и вперёд. Нечего ждать, — она встаёт. — А как говоришь её фамилия?

— Тренина.

По лицу бабушки проноситься тень. Я настораживаюсь и уточняю.

— А в чём дело?

— Отчество её знаешь?

— Сергеевна. В чём дело, ба?

— Ни в чём... — она ловит мой взгляд. — Кажется, я знаю её отца. Как давно он «пропал»?

Глава 36. Как ни в чём ни бывало

На пороге стоит мужчина, лицо которого я уже не надеялась, да и не хотела бы больше видеть. Тренин Сергей Иванович, мой отец окидывает меня критикующим взглядом, хмыкает и шагает в квартиру с таким видом, будто мне показалось, что он бросил нас и сбежал.

Сколько прошло времени? Пять лет? Семь? Я даже не помню. Да и какая разница, если ощущались они как все тридцать?

Я настолько в шоке от происходящего, что даже не сразу реагирую на то, как похозяйски он входит в квартиру и осматривается.

— Какого чёрта? — вырывается у меня. — Что ты здесь делаешь?

— Не ругайся, — хмыкает он.

Коротко и жёстко. В детстве папа воспринимался совсем иначе. Казался таким высоким и сильным, почти что суперменом, способным и розетку починить, и банку клея открыть, если не получалось самой.

Помню, как я не понимала, почему он ушёл. Злилась на маму, думая, что это та виновата папином уходе. Обижалась, не разговаривала с ней, разрушая и без того непростые отношения и замыкаясь в себе.

Почему-то очень ярко вспоминаю ощущение. Годы и трудности стирают лишние эмоции, и теперь я не понимаю, как должна реагировать на его появление.

Пока я пребываю в шоке и пытаюсь собраться с мыслями, отец разувается и проходит в квартиру. Скользит взглядом по стенам и хмурится. Будто ожидал что-то увидеть, но не находил.

— Почему так грязно? — хмыкает он, оглядываясь на меня.

Отвожу взгляд. Я будто снова оказываюсь в детстве. Провинившаяся девочка, которая вовремя не навела порядок, не сделала уроки и теперь не пойдёт на день рождения подружки, к которому очень долго готовилась.

Следом приходит другая мысль — а какого чёрта?

— Что прости?

— Кто устроил здесь такой бардак? Самой-то приятно жить в свинарнике?

У меня сейчас разрыв мозга случится. Я с ума сошла или в чём причина его внезапного наезда? Будто в коме была, а теперь очнулась и наблюдаю за этим сюрреализмом. Это точно не сон?

Пробую ущипнуть себя. Больно! Значит реальность?

— А тебе какое дело? — огрызаюсь я. — И чего ты вообще тут забыл? Вваливаешься, не поздоровавшись да ещё и с таким наездом! Кем себя возомнил?!

— Мда. Я догадывался, что тебя нельзя было оставлять с матерью, — фыркает он и идёт в сторону кухни. — Где твоя мать?

— А тебе какая разница? — неуверенно начинаю я, отправляясь следом, полностью сбита с толку. — Что-то тебя это не беспокоило последние годы. Ни звонков, ни писем. Завтра красный снег пойдёт или почему ты пришёл?

Отец, ожидаемо, не находит маму и идёт обратно в коридор, явно собираясь проверить остальные комнаты. Я преграждаю ему путь.

— Мне полицию вызвать или сам уйдёшь? — опускаю подбородок.

— Марин, в сторону уйди. Ты вообще не понимаешь, что здесь происходит.

— Да ладно?! Серьёзно? Я в шоке.

— Клоунизмом не занимайся, — фыркает он. — Это совершенно недопустимо и не к месту.

— Может если бы кто-то начал разговаривать словами через рот, ему было бы проще объясниться со своей дочерью? — я встаю, упираясь руками в стены и не позволяя ему пройти мимо. — Например объяснить, где его носило, а не просто делать рожу кирпичом и ходить с таким видом, будто ничего не случилось!

— Задавай эти вопросы своей матери...

— А давай хватит?! Ты можешь хоть на миг включиться в настоящее и посмотреть мне в глаза?!

Он цокает языком и нехотя, будто его заставляют сделать это, переводит на меня взгляд. Хотела бы я понимать скрытые смыслы подобного, о чём он думает. Наверно Артём смог бы, у него здорово получается читать людей. А может для этого нужно хоть немного знать человека, которого пытаешься прочесть. Смешно, конечно. Я думаю, что мой парень смог бы прочитать моего отца лучше, чем я.

Ах да. Мы же не станем парнем и девушкой, потому что Артём должен заняться своей семьёй...

Это осознание распаляет во мне злость, которая быстро находит жертву.

— Ты кем себя возомнил вообще?! Уехал, ничего не сказав, не попрощавшись, забрал охренительно большую сумму и спустил её на... чёрт, да я даже не знаю на что! Проституток? Наркотики? Выпивку, которая стоит дороже, чем моя жизнь? Я долго думала, пытаюсь понять, на что можно потратить деньги своей семьи. Знаешь как мы тут живём? Хотя откуда тебе. Женьку вот чуть не убили коллекторы. Избили сильно за то, что не заплатили по счетам вовремя.

Отец заинтересованно поднимает бровь.

— И где он сейчас?

Я даже воздухом давлюсь. Серьёзно, блин? Я говорю ему, что его сын борется за жизнь прямо сейчас, а он и бровью не повёл?

Мне начинает казаться, что нам с этим человеком говорить вообще не о чем.

— В больнице! Увезли на операцию. У тебя что, вообще сердца нет?

— Я пришёл сюда поговорить с твоей матерью. Всё остальное может подождать.

— Она не будет с тобой говорить. Никто здесь не станет! Уходи сейчас же! Не можешь нормально общаться, не лезь вообще!

— Тебе лучше успокоиться и уйти в свою комнату, Марина, — угрожающе, опускает подбородок отец. — Мне тоже не слишком нравится необходимость быть здесь, но я пришёл исправить то, что натворила твоя мать, и не намерен задерживаться дольше. Вам явно нужна помощь, и я единственный, кто в состоянии оказать её.

— Ах, она натворила, — киваю я и толкаю его в грудь. — Убирайся, я сказала! Если ты припёрся только для того, чтобы заявить, что мы сами виноваты в своих бедах, то можешь катиться туда, откуда вылез! Ты чудовище, и мне очень стыдно за то, что именно ты оказался моим отцом!

Признаюсь честно, я несу весь этот бред лишь затем, чтобы его выбесить. Сделать больно. Хоть немного. Пусть бы почувствовал через эту мою истерику то, сколько страданий принёс нашей семье его поступок. Злость плавит нервы и отравляет кровь.

Отец сперва поднимает бровь, затем опускает подбородок и хмурится.

— Мелкая дрянь. Мне стоило остаться только для того, чтобы научить тебя разговаривать со старшими и уважать их. Это мать научила тебя так огрызаться? Похоже на неё. Там тоже ни ума, ни фантазии.

Я уже на грани того, чтобы броситься на него с кулаками. Не знаю, чем закончился бы этот бессмысленный спор, если бы в дверь настойчиво так ломятся. Мы с отцом поворачиваемся. По стечению обстоятельств он стоит ровно напротив неё и хмурится.

— Кого там принесло в такое время?

Идёт открывать, а я в который раз поражаюсь невозмутимости его действий. Я в этой ситуации действительно себя психопаткой чувствую. Ведёт себя так по-хозяйски, будто живёт здесь всё это время.

Повернув замок, он распахивает дверь и замирает. Я тоже смещаюсь немного в сторону, чтобы видеть, кто пришёл. Повисает очередная пауза, а я сглатываю.

Может я всё же сплю, и всё это часть кошмара? Почему, когда кажется, что хуже быть уж точно не может, жизнь спешит доказать обратное?

Глава 37. Кто будет платить?

На пороге стоит уже знакомая парочка коллекторов. Те, кого я видела в прошлый раз и которые виновны в том, что Женька пострадал. Снова припёрлись. Мало было?!

— Надо же, — присвистывает один. — А ты у нас кто такой?

— А вы? В свою очередь вскидывает бровь отец. — Марина, это твои друзья?

У меня вырывается нервный смешок. Друзья, ага.

— Нет, пап. Это люди, из-за которых твой сын попал в больницу. Чего вам надо?

Мой вопрос игнорируют, заинтересовавшись новым лицом в нашей квартире.

— То же что и всегда, сладкая. Мы пришли за деньгами, которые вы так и не удосужились выплатить. Ничего не хочешь нам сказать?

— Нет!

— Тогда, возможно, твой отец будет сговорчивее?

Коллекторы входят в квартиру, и меня возмущает то, как это происходит. Они не стесняются никого и ничего, будто так правильно и так и должно быть, хоть это и не так. Как к себе домой, ей-богу!

— Валите отсюда! — возмущаюсь я. — Вы ранили того, кто обеспечивал регулярные выплаты! Сейчас он в больнице и вообще может умереть! На кой чёрт было так делать?!

Решившись на этот выпад, я хотела проверить две вещи.

Во-первых, вызвать на эмоции отца. Его ребёнка чуть не убили! Вот эти самые уроды! Что он будет делать? Предпримет что-то или нет? Его не было с нами так долго, что я просто не понимаю, чего стоит от него делать, а что бессмысленная и пустая фантазия.

Во-вторых, я хочу прощупать границы непрошенных гостей. Как они отреагируют, если поймут, что денег в ближайшее время не будет. Оставят нас в покое хотя бы на время? Дадут отсрочку? В конце концов, это из-за них и мы, и они остались без денег. Зачем было так делать?

Реакция удивила.

— Ну, не так уж сильно ему досталось, — кривится один из коллекторов. — Ему оставили предупреждение, только и всего. Это не отмазка.

— Предупреждение?! — вспыхиваю я. — Да его увезли в областную сегодня! Потребовалась дорогостоящая операция, без которой он мог умереть! Проваливайте отсюда! Деньги, которые мы Собирались заплатить вам, пошли на его лечение!

— А разве это наши проблемы? — скалится второй. — Последствия случились из-за вашей задержки. Хотите ещё? Ну и раз у тебя, крошка, нашлись деньги на операцию для брата, найдётся и ещё немного для взноса, верно? Папочка помог?

Внимание переключается на отца. Я тоже поворачиваю голову, не понимая, почему он просто стоит и ничего не делает. Ничего не говорит. Будто то вообще никак его не касается.

Впору думать, что это и не мой отец вовсе. Столько безразличия... На самом деле, если воспринимать его как злого брата-близнеца, будет легче.

— Не я, — хмурится тот.

— А кто тогда? Если эта семейка и правда бедны как церковные мыши, им неоткуда было взять деньги на лечение щенка. А значит девчонка звездит, что у неё ничего нет. Как врала и до этого.

— Вы в своём уме? Сами слышите, что несёте?!

— А что? Скажешь нет? Ты нашла деньги на лечение брата. Значит, найдёшь ещё и на оплату долга.

Я всё смотрю на отца и не понимаю, почему он ничего не предпринимает. Окей, я поняла, что он обижен на маму за что-то, но мы с Женькой-то в чём провинились? Я прямо говорю, что мой брат при смерти, вот те, кто с ним это сделал. Почему папа и усом не ведёт?! Ему всё равно на собственных детей? Мы как не родные...

— Так что, цыпа, — мужик, что в прошлый раз предлагал мне снизить цену долга, пытается приобнять меня за талию, но я отскакиваю, не позволяя это сделать. — Как будем рассчитываться?

— Послушайте, у меня, правда, нет больше. С работой пока ничего не ясно. На старом месте уволили.

— Продавай квартиру, мне-то что?

— Но... как же, — теряюсь я.

— Детка, я знаю, что ты не пять тысяч за лечение брата отдала. Или плати или мы заберём силой. Нравится — не нравится, а обязательства выполнять надо. Тебя саму-то совесть не мучает?

Я буквально захлёбываюсь своей беспомощностью.

— Вы издеваетесь?! Откуда я их возьму?!

— Оттуда же, откуда и те, что взяла на брата. Видишь, ты умеешь справляться, когда мотивация серьёзная. Заняла? Займи ещё раз.

Я понимаю, что влипла. Эти люди не остановятся никогда. Из долгов просто не вырваться. Никогда. Они присосались и не отцепятся, пока не отнимут всё, включая жизнь. Чувствую себя загнанным в ловушку оленёнком, которого вот-вот разорвут.

— Что у них за долги? — неожиданно спрашивает отец. — Сколько они должны?

— Много. Четыре мульты на сегодняшний день.

Он вскидывает брови.

— Сколько?

— А что ты удивляешься? — Вырывается у меня. Или не представляешь, сколько денег увёз, оставив маму с огромным долгом? Было больше!

— Что? — морщится отец. — Никаких денег я у вас не брал.

— Да что ты говоришь? Они пропали, да? — у меня вырывается нервный смешок. — Нам всем показалось, что ты бросил нас, забрал деньги и исчез?!

— Так она вам сказала, да? — криво ухмыляется он. — Что ж, я ничего другого и не ждал.

— Так, мы в семейные разборки не полезем, — возражает один из коллекторов. — Потом поворкуете. Кто будет выплачивать деньги за этот месяц?

— Он, — я киваю на отца. — Все деньги, которые вам нужны, забрал он, обманув мою маму и превратив в ад жизнь собственных детей!

Может и неправильно было подставлять его, но всё уже сказано. Угрызений совести я не испытываю. Дико зла на него. На то, что сделал и, главное, на то, что угрызений совести отец, судя по всему, не испытывает. Совсем. Вот и я не стану. Сколько боли он нам принёс... никаких денег мира не хватит, чтобы её приглушить.

— Значит пойдём и пообщаемся, папаня, — один из коллекторов кладёт руку на плечо моего отца и уводит его на кухню.

Тот не сопротивляется, фигурой он ощутимо мельче. Невольно сравниваю отца с

Женькой, брат даже кажется немного крупнее. Если завяжется драка, думаю, исход решится не в пользу моего отца. Эта мысль задевает, начинаю жалеть, что ляпнула о нём. Может нужно было представить его соседом, который уже уходит?

Впрочем, нет. Пусть встретится с последствиями того, что натворил!

— Ну что, малышка, — второй, оставшийся со мной неожиданно шагает ко мне, вынуждая вжаться в стену. — Пока решаются вопросы, может покажешь мне свою комнату?

Я пытаюсь отступить, но по бокам от меня упираются его кулаки, заключая в ловушку.

— Это ещё зачем? — голос подводит.

— Ну как же, — его лицо оказывается неприлично близко. — Очевидно, что вам не выбраться. Ты в ловушке и пути отхода нет и не будет. В этой ситуации тебе стоило бы подумать о себе.

— Отвали от меня!

— Нет, цыпа, — мерзавец ловит меня за подбородок и заставляет смотреть на него. — Я знаю, что ты наколдовала из воздуха сотню косарей. Просто так такие деньги хорошим девочкам, которой прикидываешься, не достать, а значит, ты сделала что-то плохое, верно?

— Неправда! Я ничего такого не делала.

— Ну конечно. Слушай, а ведь моё предложение в силе. У тебя будет хорошая одежда, красивые шмотки, долг закроешь быстренько, — его ладонь скользит по моему бедру вверх. — Не отказывайся так сразу.

— Прекратите!

Я пытаюсь вырваться, но он упирает колено между моих ног, не позволяя двинуться. Щёки будто огнём обжигает. На что он намекает?!

— Отпусти!

Не слушает. Сжимает мою ногу так сильно, что останутся синяки. Становится страшно. Я упираюсь в его грудь, но проще будет сдвинуть несущие стены в нашем доме.

Не вырваться. Божечки, его рука ползёт выше.

— Ну же, малышка, — ухмыляется коллектор. — Если будешь покладистой и активной, быстрее спасёшь свою семью.

Его рука спускается с подбородка на мою шею, вжимая в стену и немного придушивая. Мне становится плохо, кружится голова, а к горлу подступает тошнота. Я зажмуриваюсь и чувствую, как щёки жжёт от слёз.

Нет-нет-нет... это не должно случиться так...

— Вот так, сладкая. Сейчас мы...

Договорить он не успевает. Кто-то хватает сзади и отбрасывает от меня так сильно, что коллектор ударяется в стену и сползает на пол. У меня всё расплывается, но я всё равно пытаюсь сфокусироваться. Ловлю взгляд ярко-голубых глаз и всхлипываю, почти задыхаясь.

Это сон? Очень похоже на него. Мой мозг просто отказывается признавать реальность всего этого.

Глава 38. Меж двух огней

Всё случается так быстро, что я чувствую себя улиткой. Секунды размазаны по коридору и кажутся застывшими. Приставший ко мне коллектор медленно и тяжело поднимается, на ноги. Артём одним длинным шагом оказывается рядом и бьёт в живот, вынуждая сложиться пополам.

С кухни выбегает напарник первого и бросается на Артёма. Враг ниже на полголовы точно, поэтому мой спаситель без труда вырывается, долбанув противника затылком, а после завершает парой крепких ударов в бок.

Глянув в сторону кухни, Артём замечает остолбеневшего отца и опускает подбородок.

— Нет, — не своим голосом вскрикиваю я. — Это мой отец.

Артём кивает и наклоняется к коллектору, лежащему у его ног. Подхватывает его за грудки и волочит к двери, совершенно не заботясь об аккуратности, так что полпути мужчина ударяется и о тумбочку, и о порог. В промежутках между стонами он кроет всех таким витиеватым матом, что, кажется, даже заядлые гости учреждений с решётками на окнах были бы удивлены.

— Пошёл вон отсюда, — рычит Артём, вышвыривая его из квартиры.

В ответ снова мат и что-то о том, что мы должны им кучу денег.

Артём хмыкает.

— Ещё раз вас тут увижу, уедете на скорой. Начальство предупреди, что будет иск на причинение особо тяжкого.

— Чё ты гонишь, мразь! — возмущается первый, но в квартиру не заходит.

Хватает ума орать из подъезда. Артём возвращается за тем, кто приставал к мне и который всё ещё корчится у стены и выволакивает из квартиры уже его. Этому везёт меньше и, не устояв, он чуть ли не кубарем слетает с лестницы. Ни Артёма, ни другого коллектора это не беспокоит.

— Нет у них бабла на адвокатов!

— Зато у меня есть, — огрызается Артём. — И я переверну вверх дном ваше крысиное гнездо.

— Ты за базар ответишь.

— Отвечу. Если ты ответишь много ли чести избить до полусмерти тощего программиста. В каком году живёшь? Что за привет из девяностых? Ещё раз тут увижу, зубы по всему подъезду будешь собирать.

Он с грохотом захлопывает дверь и оборачивается. Глаза злые, лицо кажется грубо обтёсаным камнем. Всё меняется, когда он присаживается рядом со мной, берёт мои руки и прячет в своих. Огромных, тёплых и шершавых.

— Мы сейчас уедем, — говорит он. — Ты хочешь что-то взять с собой?

Не могу отделаться от дурацкой ассоциации, будто говорю с роботом. Или мощны рыцарским доспехом. Боже, он же только что вышвырнул из квартиры двух взрослых мужиков, которые зарабатывают на жизнь тем, что выбивают из людей последнее. Силой и угрозами. Их было двое, а до этого они уже избili моего брата. И всё же против Артёма приёма у их не нашлось.

В который раз он кажется непробиваемым маньяком, но теперь, после того квеста я знаю, что под доспехом есть человек, чуткий и внимательный. Сейчас не совсем не хочется

думать о других проблемах.

— Да...

— Тебе нужна помощь в сборах?

Я мотаю головой.

— Какого хрена? — наконец находит ответом отец. — Парень, ты кто такой? Никуда она с тобой не поедет. Марина, это исключено.

— При всём уважении, вашего мнения я не спрашивал, — спокойно отвечает Артём, снова опуская забрало неосязаемой брони. — Я так понимаю, вы приехали разобраться со своей семьёй, вот ей и занимайтесь.

Я медленно поднимаюсь, но на этих словах неуверенно смотрю на них. Хоть бы не подрались. Отец ему точно не соперник, а мне не нужен ещё один родственник в реанимации.

— Твоего мнения не спрашивали, — опускает подбородок отец. — Ты здесь никто, так что будь добр покинуть квартиру.

Тут даже у меня в горле начинает першить. Безумие продолжается, да? Папа выходил куда-то? Не видел, что Артём избавил нас от бандитов, один из которых намеревался меня изнасиловать!

Эта мысль закипает во мне новой порцией ярости.

— А ты здесь кто-то, да?! — кричу я, не обращая внимания на дрожь в голосе. — Шлялся не пойми где и с кем, а теперь взялся меня воспитывать? Думаешь, я как раньше просто на шею тебе прыгну, не задавая вопросов?

— Марина, не лезь...

— Буду лезть! Артём мне куда ближе, чем ты. Иди туда, где ты был всё это время!

— Так она тебе вообще ничего не рассказала? — хмыкает отец. — Или соврала обо всём. Похоже на Галю.

— Не рассказала о чём? — опускаю подбородок я.

Отец молчит. Артём, ставший невольным свидетелем нашей перепалки, тоже поворачивается к отцу.

— Где твоя мать? — кривится он. — Пусть она объясняет.

— А может хватит перебрасывать друг на друга ответственность? — хмыкает Артём. — Вы взрослый человек и вполне неплохо справляетесь с устной речью. Вот и объясните своей дочери, что происходит. У неё много вопросов.

— Пусть мать ей объясняет!

— Не хотите вести себя как мужчина, но требуете уважения, — кривится Артём. — Что ж, ваше право. Марина, забирай, что хотела и идём. Я знаю часть истории и расскажу в машине.

— Да что ты можешь знать, щенок?! Ты хоть представляешь, через что я прошёл, чтобы быть здесь?!

— Не знаю. Вы же не рассказываете.

Я понимаю, что делает Артём. Он его провоцирует. Хочет вывести на эмоции и заставить всё рассказать. И это... чёрт возьми, срабатывает.

— В тюрьме! Твою мать, да! Из-за них и их матери! А знаете что, катитесь на хрен вы оба! Убирайтесь отсюда! Чтоб глаза мои вас больше тут не видели! — он резко разворачивается и уходит на кухню.

Я сплываю. Чувствую, как моё сердце только срывается со своего места и разбивается,

упав на пол. Пальцы морозит, в глазах расплывается и становится тяжело дышать.

— Голова кружится? — Артём ловит меня за плечи. — Что ты хотела забрать?

— Т-телефон. И пакет в шкафу. Зелёный такой. Внизу стоит.

— Ещё что-то нужно?

— Кажется нет. А... и одежду, наверно.

— Хорошо. Сиди тут, я всё сделаю.

Он уходит, а я закрываю глаза и пытаюсь справиться с дыханием. Это очень тяжело. На груди будто лежит с десяток кирпичей, мне приходится делать усилия, чтобы вдохнуть.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я снова открываю глаза, передо мной стоит Артём, нашедший невесть где старую спортивную сумку отца. Он подаёт мне руку, и я бездумно принимаю помощь.

— Марина? Какого чёрта тут происходит?! — голос мамы разрезает пространство как раскат грома и я, подскочив, зачем-то прячусь за Артёма. — И почему этот гад снова здесь?!

Глава 39. Чужая

Ну конечно. Когда кажется, что хуже быть уже ничего не может, снизу обязательно постучат.

— Я тебя спрашиваю, Марина! — кричит мама. — Мало тебе было того, что случилось в больнице?!

Сердце колотится как бешеное. Очень хочется напомнить ей, что всё произошло потому, что она так захотела. И сделала. Но я не стану. Не стану подливать в этот огонь бензина.

Артём даёт мне возможность ответить, понимает, что ответчик так себе, и берёт дело в свои руки.

— Я приехал, чтобы помочь ей собраться.

Глаза мамы наливаются кровью, Артём невозмутимо продолжает:

— Ваш муж здесь. Полагаю, в ближайшее время ей будет лучше пожить в другом месте, пока вы разбираетесь со своими отношениями и решаете, как быть с долгом.

— Что? — она удивлённо вытягивает лицо, совершенно ничего не понимая, но быстро берёт себя в руки и снова нападает. — А тебе какое дело до наших бед?!

— Меня волнует Марина. Я приехал за ней и в ваши дела лезть не собираюсь, — он находит мою руку, поднимает сумку и закидывает на плечо.

— Ты никуда не пойдёшь! Я...

— Сколько лет прошло, а ты всё такая же шумная, — ворчит отец, выходя из кухни. — Её выгнал я. Сама знаешь почему. Пусть проваливает вместе с этим шкафом.

Артём не обиделся. Мама, а с ней я, вздрагиваем. Она оттого, что не осмыслила до конца новости о том, что отец вернулся, я оттого, что он не пошутил. Правда хочет, чтобы я ушла?

— Серёжа, — так знакомо и потому болезненно тянет мама. — Ну как же это так. Она же... это же и её...

— Я так понимаю, ты не потрудилась ничего рассказать, — фыркает он. — Они так и не понимают, что случилось, где я был и прочее?

Мама опускает глаза. Отец ударяет кулаком в стену, и мы синхронно вздрагиваем.

— Пап, не надо, — начинаю я.

— Я тебе не отец, — рявкает он и кивает на маму. — Все вопросы к ней! Как так вышло, почему и для чего. Я б и не узнал, если б тебе не нужно было какую-то ерунду сдавать из-за болезни. А эта дура мало того, что пыталась подделать результаты, так ещё ввязалась в какую-то авантюру, и меня же подставила в итоге!

Эти слова как выстрел в лоб. Голова начинает кружиться. Я понимаю, что дышу рывками, но ничего не могу с собой поделать. Очень плохо, страшно и вообще непонятно. Моя жизнь сперва рассыпалась осколками, а после по ним проехался каток, кроша их в мелкую пыль, которую позже разбили на атомы и звёздную пыль.

Мама начинает ругаться с папой. Мы с Артёмом оказываемся между ними, и я кручу головой туда-сюда. Звучит знакомо, но как-то так, что... я не понимаю ни слова. Будто слышу незнакомый мне язык, хотя говорят они на чистом русском, щедро разбавленным матами.

Неожиданно чувствую, как Артём тянет меня к двери. Сейчас я слишком взвинчена и не

могу сопротивляться ему, поэтому просто поддаюсь. Мы будто в каком-то ином слое реальности. Мои родители продолжают ругаться, не обращая на нас внимания.

Мимо проносится подъезд, лестница, выходим на улицу и оказываемся в тёплой вечерней свежести. Здесь я делаю первый полноценный вдох.

— Я рядом, — слышу голос Артёма. — И не дам сделать тебе плохо.

Я сейчас вообще ничего не понимаю. Очень хочется верить, что всё это просто глупый сон, ночной кошмар. Там можно и верхом на кабачке в Париж уехать, с самым что ни есть серьёзным лицом.

Вдруг я и правда не проснулась? Как сделать это сейчас? Ущипнуть себя?

Пробую прихватить бедро сквозь лёгкие трикотажные штаны, в которых я ходила по дому. Получается очень-очень больно, наверно до синяка, но желанной свободы от кошмара я не получаю.

Слышу пиликанье брелка. Артём открывает передо мной дверцу машины, помогает сесть и сам пристёгивает. После этого ставит сумку на заднее сидение и садится за руль.

Прежде чем завести двигатель, он поворачивается и берёт меня за руки. Ничего не говорит, пронзительно смотрит в глаза. Я пытаюсь выдержать взгляд, но ничего не выходит, и я отворачиваюсь. Зрение расплывается.

Артём цыкает и отстёгивает меня, после чего снова выходит из машины. Я сглатываю, пытаюсь загнать слёзы обратно, но ничего не выходит. Маньяк открывает заднюю дверь, перекладывает мою сумку в багажник, потом берёт меня на руки и пересаживает назад. Садится рядом и обнимает. Я вяло сопротивляюсь, пытаюсь отстраниться, он не пускает. Прижимает к себе, вынуждая уткнуться лицом в его плечо, одной рукой гладит по спине, второй по волосам.

— Маленькая, — тихо и бархатисто шепчет на ухо. — Сколько же всего на тебя свалилось. Не держи. Отпусти. Я хочу взять часть твоей боли на себя.

— Зачем? — мой голос дрожит. — Зачем тебе это? У тебя своя семья, ребёнок. Что тебе до меня? Ты же должен... не знаю, что...

— Всё что я сейчас должен — быть здесь, — отвечает он, начиная плавно покачиваться из стороны в сторону, будто я маленькая. — А ещё потому, что ты успела стать мне очень дорога.

— Но... ты же...

— Это мои проблемы и решать их я буду сам. Сейчас мы разбираемся с твоими.

— Нет у меня никаких проблем.

— Отрицай, не отрицай, когда родные люди говорят гадости больше всего. Как будто сердце из груди вырывают, не так ли? А вместо него остаётся пустота, которую набивают комьями грязного и сбрызнутого ядом снега.

Я зажмуриваюсь. Как же он прав, проклятье... Пытаюсь удержаться, но стремительно проигрываю накатывающей истерике. Ещё пара коротких рваных вдохов и меня накрывает. Вцепляюсь в Артёма как в обломок затонувшего во время шторма корабля. Моё единственное спасение от гибели.

Он ничего больше не говорит. Никаких «не плачь, всё наладится, помиритесь» и прочей пустой болтовни. Я уже знала, что на Артёма можно и нужно полагаться. Он говорит только то, в чём уверен, в чём может поручиться.

А ещё маньяк, кажется, совсем не боится моих слёз. Тактично молчит о том, что я уже залила его футболку, что ему вообще пришлось переться в другой конец города ради

девчонки, которая его отшила. Кроме этого нельзя забывать, что он, вообще-то, спас жизнь моему брату. Мне кажется, я его не заслуживаю.

Не знаю, сколько мы сидим так, минут десять или час. Всему в жизни приходит конец. Пришёл он и моим слезам. В итоге, я просто прижимаюсь к плечу Артёма щекой и молчу, а он так и гладит меня по спине и волосам, покачиваясь и, иногда, целуя в макушку.

Хорошо с ним. Будто душу лечит.

— Я твою рубашку так и не постирала, — признаюсь я.

— Ну что ж, — усмехается он. — У меня тоже есть машинка.

— Прости. Я обещала, а теперь...

— Марина, ты же понимаешь, что рубашка была поводом взять у тебя номер?

— Ты мог выбить его у Женьки.

— Нет. Мне было нужно, чтобы ты знала, что я позвоню и напишу, и была к этому готова. Выбивать номер через кого-то — это путь в обход, а мне хватает смелости идти прямо.

Я прикрываю глаза и улыбаюсь. Чувствую себя очень уставшей.

— Готова ехать?

— К тебе?

— Да. Но сперва заедем кое-куда.

— М?

— Увидишь. Ещё одно классное место. Хочу показать тебе, где я бываю, когда мне плохо. Может и тебе станет полегче?

Я заинтриговано поднимаю брови. Устала, конечно, но пока всё, что предлагает Артём крайне интересно и определённо стоит внимания.

— Вот и славно, — он целует меня в висок, — тогда пристёгиваемся и поехали.

Глава 40. Над городом

Мы заезжаем на крытую парковку под домом Артёма и выходим из машины. Я поглядываю на маньяка, не решаясь спросить, передумал он везти меня куда-то или нет. Похоже, передумал. Честно говоря, после всего случившегося, я уже не уверена, что хочу куда-то ещё. Если мы просто пойдём к нему, это будет уже достаточный отдых.

У Артёма уютно. И диван классный.

Когда входим в лифт, он очерчивает моё лицо кончиками пальцев и улыбается.

— Я не забыл про то, что обещал показать. Вещи твои в квартиру занесём, чтоб не таскать, потом поедем.

— Ладно, — я прикусываю губу. — В машине не хотел?

— Нет смысла. Это место здесь.

— Ты же говорил «заедем»? — уточняю я.

— Лифт тоже считается, — невозмутимо отвечает Артём.

Не в первый раз замечаю, что маньяк на удивление логичен.

Мы действительно ненадолго входим в квартиру, и Артём бросает на диван сумку. Я остаюсь в коридоре и мрачно рассматриваю аккуратно стоящие в углу коробки с несобранными коляской, кроватью, ещё какими-то приспособлениями для ребёнка. Маньяк возвращается и, приобняв меня за плечи, снова ведёт к лифту.

— Голодная?

Я мотаю головой, но в тот же момент живот, будто осознав вопрос, решает исполнить оду голоду. Я заливаюсь краской, Артём тактично игнорирует. Только кивает:

— Да, я бы тоже кого-нибудь съел сейчас. Благо там, куда мы идём полно еды.

Входим в лифт, и Артём нажимает на кнопку «крыша». Я с удивлением рассматриваю её, но главный сюрприз встречает после открытия дверей.

Мы оказываемся в невероятном помещении. По всему периметру окна во всю стену. Весь город как на ладони. Часть потолка тоже стеклянная, видно звёзды и рваные перья облаков, а ещё огромную кажущуюся розовой луной.

Все предметы мебели подчёркивают эту прозрачность и воздушность. Поддерживающие потолок колонны оформлены стеклом, хотя внутри наверняка есть более надёжная сердцевина. По просторному помещению свободно расставлены столики, украшенные вазами с белыми розами. Народу совсем мало, видно, что ресторан работает больше навынос. С потолка свисают похожие на сосульки светильники.

Чувствую себя сорокой. Как же мне нравится, как тут всё блестит!

Артём усмехается моей реакции, поднимает руку, приветствуя кого-то у бара, а потом ведёт меня через весь зал к высоким дверям на открытую террасу.

Здесь тоже есть куда присесть, уютные зоны отдыха с диванчиками, подушками и пледами, чтобы сидеть, закутавшись и любясь городом, который ещё и не думает засыпать.

Мы занимаем место в самом углу. Артём сразу разворачивает плед и накидывает на мои плечи.

— Чтобы не простудилась. Тут ветер.

— А если заляпаю?

— Об этом не беспокойся. Их чистят, независимо от того пачкают посетители или нет.

Приносят меню, мы некоторое время листаем страницы. Артём помогает мне

определился. Вернувшийся для записи заказа официант приносит чай, слушает наши пожелания и, пообещав вернуться через пятнадцать минут, уходит. Мы остаёмся одни.

Здесь очень красиво, но я никак не могу расслабиться. Кручу в руках чашку, смотрю на город, рассматриваю витиеватый светильник на столе, пока наконец не решаюсь спросить:

— Значит... ты правда станешь отцом?

— Такая вероятность есть.

Артём, к счастью, не уваливает. Открыто смотрит мне в глаза, взгляда не отводит. От этого становится только сложнее.

— Ты же не отправишь её на аборт? — хмурюсь я.

— Нет, конечно.

— Тогда почему вероятность? Или ты думаешь, она обманывает насчёт беременности?

— Увы, нет. Она действительно ждёт ребёнка, — Артём берёт небольшую паузу. — Ты понимаешь, я не жил в вакууме до знакомства с тобой. У меня были отношения, был секс, от которого, как известно, бывают дети.

Я опускаю взгляд. Слушать это больно, но, пожалуй, начни он отпираться, было бы ещё больнее.

Артём и правда не жил в вакууме, да и мы знакомы едва ли неделю. Он мне вообще ничем не обязан, наоборот, это я почти всем обязана ему.

И всё же... пора признаться хотя бы самой себе, что я ревную. Очень.

Мне до невозможности обидно, что другая подсуетилась раньше и теперь пытается вырвать его из моих рук.

— Но есть ряд тонкостей, — говорит Артём, мгновенно зажигая в душе огонёк надежды. — Я точно знаю, что Милана не была идеальной и верной подругой. Из-за этого спутницей жизни я её никогда не считал. Ты как-то использовала термин эскортница, думаю, ей он подошёл бы больше, чем тебе, — отводит взгляд, вспоминая детали своей прошлой жизни. — «Покупал» себе компанию дорогими подарками и поездками в интересные места. Я уважал её как человека до истории с ребёнком, мы не говорили об обязательствах. Когда она попыталась очертить границы, я предложил закончить отношения, разумеется, она не была этому рада.

— Думаешь, она могла специально... всё подстроить?

— Скажем так. Мне не нравится то, что она уваливает от ДНК-теста, который подтвердит или опровергнет моё отцовство уже на этом этапе. То, что Мила от меня бежит, заставляет задуматься, что она скрывает и почему не хочет знать результат.

Я сглатываю.

— Но зачем ты... зная всё это, по-прежнему помогаешь мне?

— Потому что ты мне нравишься. Как девушка. Я могу представить наше будущее, и меня оно привлекает.

— Артём... если ребёнок окажется твоим...

— С этим я разберусь.

— Как? Заберёшь его у матери? — нервно хмыкаю я.

— Я бы не заставил тебя заниматься ребёнком, к которому ты не имеешь отношения, — он мягко улыбается и касается моей руки, лежащей на столе. — Это наши с ней дела, будем искать компромиссы.

— И ты собираешься жить на две семьи? — я поджимаю губы. — А если когда-нибудь потом у нас появятся свои дети? Артём, ты же понимаешь, что это манипуляция с её

стороны. Она теперь никогда с тебя не слезет.

— Да, понимаю. Но, уверен, что найду способ со всем этим разобраться.

— Способ тут всего один, — я качаю головой и проговариваю, сжав зубы. — Мне нужно уйти. Так проще всего.

Артём молчит. Долго. Пытаюсь убрать со стола руку, но он удерживает её, не отпуская.

— Простой путь не всегда правильный, Марина. Я вижу, что ты тоже чувствуешь, между нами нечто большее чем простая интрижка. Если я отпущу тебя сейчас, мы оба похороним свои сердца где-то на уровне Марианской впадины. Эмоции и чувства уйдут в минус, придут апатия и пустота.

— Ты не знаешь наверняка...

Я пытаюсь отшутиться, но его слова звучат в голове эхом, а в стуче пульса слышно: «Так. Так. Так».

Всё так. Он чертовски прав. Мне не выкинуть его из головы, не забыть пронзительных голубых глаз, той дрожи, что пробегает по телу, когда Артём меня касается.

Я готова проклинать себя, что не нашла его за две недели до нашего знакомства. Судьба явно издевается надо мной, подарив идеального парня, но наградив неприятным прошлым, которое может расколоть в стеклянную крошку наше едва сформировавшееся будущее.

Признать честно, мне тоже отчего-то легко представить, каким оно будет. Красочным, счастливым.

Например, как я проснусь раньше и пойду на кухню, готовить завтрак нам обоим. Не заказывать здесь, а сделать самой, проявить заботу и внимание к дорогому и любимому человеку. Потому что хочу порадовать. Чтобы улыбнулся.

Он бы пришёл в самом разгаре готовки, обнял, отвлекая и совершенно не беспокоясь о том, что всё может пригореть. Поцелуй, милые и интересные разговоры, много улыбок, свежий кофе и потрясающий день впереди.

Я откуда-то знаю, что с Артёмом все мои дни будут такими. Он кажется странным, местами грубым и холодным, но в то же время невероятно чуткий и, как я успела понять, заряжающийся эмоциями окружающих его людей.

Меньше всего на свете мне хочется отпускать его. Позволить другой получить всё это. Я совсем не знаю Милану, но ревность подсказывает мне, что эта шантажистка не видит в Артёме ничего, кроме кошелька.

Я не представляю, как можно выпутаться из этой передраги, но прежде, чем я решаюсь спросить, нам приносят заказ, и тяжёлый разговор откладывается. Мы оба здорово проголодались и обмениваемся только улыбками и молчаливыми жестами, объясняя друг другу, насколько вкусное то или иное блюдо, предлагаем попробовать и отходим подальше от сложной и неприятной темы.

Впереди маячит развилка. С одной стороны яркое будущее, в котором будет море новых приключений, с другой серая неизвестность, странные отношения с родителями и полное непонимание, каким будет завтрашний день.

Когда тарелки опустели, возвращаться к этой теме не хотелось и подавно. Пусть это глупо и опрометчиво, но мне необходимо задержаться в настоящем. Даже если завтра мне придётся свернуть в унылую реальность, сегодня я могу побыть обычной девушкой, которую пригласил на свидание тот, кто ей очень-очень нравится.

— Ещё чего-нибудь хочешь? — спрашивает Артём.

Я поправляю плед и обвожу взглядом панораму города.

— Нет. Но давай пойдём к тебе. Холодно.

Глава 41. Повод раздеться

— Спать хочешь? — уточняет Артём.

— Нет, совсем не хочу, — я смущённо улыбаюсь. — Просто... не знаю. Пересаживаться в помещение странно будет. Да и неловко.

Он усмехается, услышав в моих словах намёк на нечто большее. Осознав это, краснею, но взгляда не отвожу.

— Хорошо, — Артём поднимается и подаёт мне руку, а я на миг зависаю, когда свет луны падает на его лицо и совсем волшебным образом подсвечивает глаза. — Значит посидим у меня.

Мда... в прошлый раз это закончилось плохо.

Или наоборот, хорошо?

Артём не стал ждать официанта. Сам пошёл к бару, расплатился за заказ, пока я робко топталась неподалёку, рассматривая сверкающие люстры и размышляя о том, что некоторым людям невезёт куда сильнее, чем другим.

Зная, что у Артёма тоже напряжённые отношения с родителями, я не рискну желать себе его судьбы. И всё же интересно, какой я была бы, родись я в семье с другими ценностями?

Чёрт, неужели правда? Мама втянула папу во что-то преступное, и из-за неё он сел? Как, блин, к этому относиться?

— Хватит думать, — Артём подходит и обнимает меня за плечи. — Ты устала, многое случилось, тебе нужно время просто чтобы выдохнуть.

— Я же спала почти сутки.

— И что? Думаешь, этого достаточно? Нет. Знаешь, что тебе точно нужно? Горячая ванна. С пеной. У меня вроде даже оставались эти... бомбочки.

Я, не сдержавшись, смеюсь.

— Откуда они у тебя?

— Видел их в магазине, купил попробовать, ничего не понял, вот, лежат теперь.

— Какой логичный ответ, — я сплетаю наши пальцы, ладонь просто теряется в его руке.

— Нет, ну я мог бы сочинить, что это оставила Милана, разве лучше было бы?

Я мотаю головой. Упоминание бывшей снова толкает в неудобные вопросы. Пожалуй, мне сейчас и правда стоит поменьше думать.

Мы возвращаемся в квартиру. Я спешу поскорее разуться, чтобы пробежать мимо пугающих коробок с детскими принадлежностями. Артём замечает это и, взяв меня за руку, ведёт вглубь квартиры.

— Если тебя успокоит, я не сам всё это покупал. Мила позвонила моим родителям, а они слишком заняты, чтобы разбираться. Предупреждаю, что когда мы сообщим им похожие радостные новости, отнесутся так же.

— Не думаю. Они же не забудут, что покупали тебе детские вещи...

— Их с большой долей вероятности покупали помощники, — Артём подхватывает мою сумку. — Идём, устрою тебя в комнате. Прости за бардак. Мила и меня застала врасплох новостями, так что на уборку времени не осталось.

— У тебя чище, чем в комнате моего брата, — улыбаюсь я.

— Ванна там. Сейчас покажу, где что, потом постельное поменяю.

Он ставит мою сумку в кресло и первым входит в следующую комнату, которой

оказывается гардеробная, минуя которую мы попадаем в ванную. Артём щёлкает по выключателям, выбирая приятную оранжевую подсветку, которая не режет глаза, но достаточно яркая, чтобы без проблем ориентироваться здесь.

Мне вручается пара полотенец чистая футболка Артёма и, конечно, шарик-бомбочка. Он, похоже, ничего не забывает.

Меня так трогает это. Его внимание, чуткость, умение подобрать нужное слово или поступок. Сама себе кажусь бестолковым ребёнком, а он взрослый и сознательный. Надёжный. Неужели правда... мой?

Ловлю его за руку, не позволяя выйти. Боже, что я делаю?

Артём медленно оборачивается. Я облизываю губы и пытаюсь решиться на просьбу. Наверно самую смелую в моей жизни.

— Побудешь... со мной?

Он думает пару секунд, окидывает меня взглядом и сглатывает.

— Это будет непросто. Сдержаться.

— Тогда не сдерживайся, — я определённо сошла с ума. — Я не хочу сейчас... быть одна. Мне от мыслей страшно.

— Хорошо. Твоими мыслями займусь я, — он улыбается, шагает ближе и ласково касается моей щеки. — Мы вместе, Марина?

Я моргаю. Это звучит настолько странно, что кажется нереальным.

— Неужели после всего, что случилось, ещё спрашиваешь?

— А как иначе?

— Ну... просто ты столько сделал для меня и...

Артём касается пальцем моих губ, вынуждая замолчать.

— Я уже говорил, но скажу снова. Разные возможности. Мы не на рынке, где взвешивается «мне столько, а я тебе столько». Поэтому да, я спрашиваю, хочешь ли ты быть со мной. Потому что у нас явно всё серьёзно.

— Обещаешь? — улыбаюсь.

Артём берёт мою ладонь, тянет к себе и целует. Ждёт ответ, и одно это волнует до дрожи в коленях. Дыхание сбивается. Чувствую его ладонь на талии, как Артём нежно привлекает меня к себе и, наконец целует.

Кажется, мы оба сделали какой-то важный шаг на пути друг к другу. Отбрасываем предрассудки, строим мостик доверия. Это непросто для нас обоих. Обжигались, прятались от мира в своих мыслях. Артём первый понял, что я могу его понять, а я... кажется осознала лишь сейчас. После того как разругалась с отцом, который только вернулся, и отправила брата на лечение.

Кажется, что мир вокруг вращается со скоростью торнадо, и только рядом с Артёмом он спокойный и безопасный.

Касаюсь ладонью рельефного живота. Забираюсь под ткань, провожу ладонью по тугим мышцам пресса. Он выдыхает с лёгким рычанием и, спустив руку на мою поясницу, прижимается лбом.

— Ответ, Марина. Мне нужен твой ответ. Прямой и чёткий.

— Скажи, — я с улыбкой веду вдоль его ремня кончиками пальцев, — какого цвета для тебя слово «да»?

— Оранжевый, — не задумываясь отвечает он. — «Нет» — бурый, почти чёрный.

— Мне нравится, — улыбаюсь я, пытаюсь просунуть руку к нижней части его живота.

Артём ловит моё запястье и придерживает. — Хорошо, что моё «да» будет такого цвета.

Он улыбается, а после целует. С жаром, до дрожи вкусно. Потом отстраняется, позволяя сделать вдох и, не открывая глаз, проговаривает:

— Надо хоть ванну тебе набрать. Ты же отдыхать пришла.

— Ищешь повод сбежать? — усмехаюсь я, играя с краем своей футболки.

— Ищу повод, чтобы тебя раздеть, — хмыкает он, включая воду и настраивая температуру.

— Помнишь, как в квесте? Когда ты показывал, как нужно?

Артём выпрямляется и с усмешкой снимает футболку, оставаясь в одних джинсах. Я зависаю. Нет, я, безусловно, догадывалась, что он в хорошей форме, но всё равно вышло неожиданно.

Артём шагает ко мне и, пользуясь замешательством подхватывает и снимает мою, оставляя нас на равных.

Глава 42. Близость

Ещё до того, как ткань касается пола, во мне лопаётся какая-то нить, удерживающая границы самоконтроля. Порывистый шаг и я обнимаю Артёма, сразу чувствуя, его ладонь на спине. Она скользит вверх и путается в волосах, мягко сжимая в кулак на затылке. Я запрокидываю голову, вытягиваясь на носочках, и тут же получаю поцелуй.

Артём проводит по краю моих губ кончиком языка, слабо прикусывает нижнюю, а после настойчиво размыкает зубы, делая нас ближе. Глубже. Голова немного кружится, и я неосознанно выдыхаю со стоном.

Тело слабеет. Я будто сделана из мягкого пластилина, с которым он может делать что угодно. Чтобы не упасть, обнимаю его за шею и практически повисаю, а после вздрагиваю, почувствовав, как пальцы Артёма подныривают под резинку штанов и тянут вниз. Вместе с бельём...

Не успеваю я опомниться, как оказываюсь, совершенно беззащитна. Щёки обжигает жаром, и я немного отстраняюсь, прерывая поцелуй. Артём наклоняет голову к плечу и довольно улыбается мне, явно наслаждаясь реакцией, моим страхом, но после мягко касается щеки.

— Тебе ванна нужна, — напоминает он. — И согреться, и отдохнуть.

Ага, как же. Можно подумать, кроме неё ничего не будет.

Эта мысль пугает ещё больше. Я сглатываю и скатывающимся в шёпот голосом напоминаю:

— У меня... я ещё...

— Знаю. Всё будет в порядке. Ты можешь доверять мне.

Это не успокаивает, но напоминает о том, с кем я связалась, а также показывает разницу. Рядом с Артёмом я чувствую страх, щедро приправленный стеснением, но в нём немало чего-то напоминающего предвкушение. Раньше мысли о подобном вызвали отвращение.

Сердце стучит в висках. Я мажу взглядом по фигуре Артёма, задерживаюсь на ремне, том, что неприлично выпирает под ним, вскидываю голову и теряюсь в потемневшем синем. Артём поддерживает меня одной рукой, второй расстёгивает пряжку и избавляется от одежды. Потом стягивает с меня бюстгальтер и подхватывает на руки.

И без того кружащаяся голова будто сальто делает. Я зажмуриваюсь, пытаюсь справиться с дыханием, а мигом позже чувствую, как мы оказываемся в воде. Артём садится, устроив меня у себя на груди и позволяя немного привыкнуть к близости. Я... чувствую его желание кожей, но маньяк проявляет чудеса выдержки, ограничиваясь мелкими поцелуями моего лба, скул, носа и щёк.

— Бомбочку будешь разворачивать?

Я не сразу понимаю, о чём он.

— Что?

Артём ухмыляется и, дотянувшись до оставленного на краю раковины полотенца, и снимает с него шарик в упаковке. Подаёт мне. Смутившись, я беру его и пытаюсь подцепить ногтями плёнку. Маньяк тем временем убирает мои волосы с плеча и целует шею.

Я вздрагиваю и выгибаюсь от неожиданности. Прижимаюсь к его груди плечами и невольно наклоняю голову, чтобы ему было удобнее. Шарик выскользывает из руки и падает

в воду. Что-то начинает шипеть, но нам уже всё равно.

Артём касается моей щеки, не прерывая поцелуя. Мягко сминая губы, а затем скользит по шее ниже, к ключицам. Ещё ниже, к груди, где, очертив самую чувствительную часть, накрывает ладонью и сжимает.

Дышу мелко и рвано. Артём завершает поцелуй слабым укусом и поднимается выше, сосредоточившись теперь на мочке моего уха. Выдыхаю со стоном и, не сдержавшись, поворачиваюсь к нему лицом.

Ярко-голубые глаза Артёма кажутся сейчас чёрными. Снова коснувшись моей щеки, он помогает сесть на его бёдра, и притягивает меня для поцелуя. Мне тоже хочется коснуться его лица, провести по шее, плечам, груди. Исследовать, запоминать. Мне нравится касаться его кожи, чувствовать, как напряжены его мышцы, когда я смещаю руку ещё ниже и, наконец, слышу, как Артём вдыхает сквозь сомкнутые зубы.

Робко исследую его тело. Страшно сделать ему больно. На щеках, кажется, сейчас можно что-нибудь пожарить, но я перебарываю себя и продолжаю.

— А у нас... точно получится? — с сомнением уточняю я.

Артём вместо ответа кладёт ладонь под мою грудь, мягко приподнимая её и, не прерывая зрительного контакта, очерчивает границу ореола, по спирали подбираясь к центру. Моё дыхание становится глубже, но снова сбивается, когда я чувствую другую его руку на внутренней стороне бедра.

Забываюсь, часто моргаю. Неожиданно понимаю, что пока я пыталась удержать самоконтроль, мои руки стали куда смелее, но бояться было уже поздно. Артём стеснением не страдает. Очевидно помня о нашем... прошлом сближении прикасается ко мне так, что я, качнувшись, упираюсь ладонью в плечо Артёма.

В голове всего одна мысль: ближе. Мне нужно быть ближе. Навязчивая, настойчивая, будто случится что-то ужасное, если я этого не сделаю. Его пальцы дразнят, ускоряя дыхание, пока я наконец не сдаюсь и подсаживаюсь ближе.

Артём выпрямляется и теперь смотрит на меня немного сверху. Ловит мою руку внизу, показывает, как направить. Мне не хватает его прикосновений, и я неосознанно двигаю тазом. Задеваю его и маньяк на миг прикрывает глаза.

Меня это отчего-то радует. То, что не только я теряю связь с реальностью, но и он со мной. Повторяю движение. Ещё раз. Приятно. И мне тоже. Похоже на то, что я чувствовала и прошлый раз, но иначе. Острее.

Снова его ладонь на груди. Артём притягивает меня для поцелуя и я, невольно оказываюсь ближе. Ощущения меняются, чувствую, что...

Я больше осмысливаю боль, чем чувствую её по-настоящему. Артём обнимает крепче, отвлекая меня поцелуем. Мы замираем, позволяя мне понять, что случилось.

Тянусь за объятиями. Вздрагиваю от ощущения наполненности, пугаюсь. Артём не позволяет отстраниться, успокаивает поцелуем, а после смотрит в глаза и с улыбкой проговаривает:

— Моя.

Одного слова хватает, чтобы смести волну паники, которая уже поднималась во мне. Его хватает, чтобы решиться двинуться немного ближе и вдохнуть глубже. По коже разбегаются мурашки. Похоже, не только у меня.

Когда кажется, что больше я уже не смогу, собираюсь отстраниться, но чувствую ладонь пониже поясицы.

— Тише. Я ещё не весь внутри.

— Н-нет?

— Нет.

Артём накрывает мои губы поцелуем, прижимая теснее. Прогибаюсь, касаясь его кожи грудью, обнимаю за шею и позволяю ему направлять меня. Теряюсь в ощущениях, чувствах. Наслаждение подбирается к границе с болью, но не переступает черту. Мы снова замираем, позволяя мне свыкнуться с новым, а после Артём проводит языком по краю моих губ и усмехается:

— Готова?

Я зачем-то киваю, хотя ни к чему не готова. Вернее не знаю.

Придерживая меня за талию, Артём отстраняется, а я вцепляюсь в его плечи, потому как все мои нервы натянули до предела. Не хочется отпускать его, терять это новое, незнакомое ощущение. Я пытаюсь сопротивляться, но ничего не выходит, пока Артём сам не притягивает меня назад, а я не сдерживаю крика. Короткая пауза и всё повторяется.

Самый кайф, как оказалось, в движении. Мне нравится ощущение нашей близости, но, как оказалось, испытывать саму себя на прочность интереснее. Каждая секунда приближала к чему-то большему и сдвигала предел моей чувствительности всё дальше, показывая новые границы. Я не представляю, как Артёму удавалось сохранять рассудок, но он успевал не только управлять процессом, но ещё и награждать меня поцелуями. То в шею, то за ухом, губы, грудь, запястья. Мои глаза приоткрыты, но я постепенно теряю зрение, которое пропадает окончательно в короткой белой вспышке.

Сперва кажется, что мои нервы взорвались. Вскрикиваю, выгнувшись и царапая его плечи. По всему телу пробегает волна, которую хочется сравнить с кипящим сладким мёдом. Напряжение в мышцах отсекает будто рубильником, и я падаю на Артёма, который отстаёт от меня на одно качание и выдыхает с коротким рыком.

Чувствую, как внутри становится влажно, но не придаю этому значения. Мне так хорошо, как не было, очень и очень давно. Артём прижимает меня к себе и плавно опускается, укладывая меня на грудь. Так и лежим, вспоминая как правильно дышать.

Мысли кажутся сахарным сиропом. Тело такое расслабленное, что впору беспокоиться, как бы не уснуть прямо здесь. Возвращается зрение, слух, я некоторое время наслаждаюсь стуком сердца Артёма, а после осознаю, что...

— Ты... мы сделали это без...

— Да.

— Но если...

— Ты застала меня врасплох своей просьбой, — Артём улыбается. — Не успел подготовиться, а выходить не решился, чтобы всё не испортить. Если окажется, что ты беременна, я потащу тебя в ЗАГС, чтобы взять ответственность за тебя и за нашего ребёнка в полной мере.

— А это единственный способ затащить тебя в ЗАГС? — усмехаюсь я.

— Маленькая, я могу отвезти тебя с утра, но что-то мне подсказывает, что тебе нужно немного больше времени, чтобы ко мне привыкнуть. К тому же уверен, захочешь платье, ресторан и вот это всё.

— С чего ты взял? — хмурюсь я. — Считаешь меня предсказуемой?

— Нет. Просто понимаю, что твоей жизни не хватало сказки. И теперь мне хочется, чтобы ты в ней пожила.

С трудом поднимаю голову и задаю глупый во всех смыслах вопрос. До конца не верю и до сих пор жду подвоха., которого, кажется, не будет.

Артём выключает воду, мы оказываемся в тишине. Дома я бы уже бросилась вытирать воду, чтобы не залить соседей, но Артём совершенно спокоен и безразличен к беспорядку.

— Надо вытереть...

— Забудь. Тёплый пол.

Я замолкаю. Он не даёт мне отвлечься на уборку и в голову снова лезут глупые вопросы.

— Зачем тебе? Чтобы я жила в сказке?

— Люблю, — спокойно и не задумываясь говорит Артём. — Не заметила?

Не могу сдержать улыбки и, облизнув губы, отвечаю:

— И я люблю тебя.

Глава 43. Почти идеальное утро

Просьпаюсь на удивление спокойной и отдохнувшей. Впервые в жизни открываю глаза, не думая о миллионе проблем и задач, которые мне придётся решить сегодня, даже если это невозможно. Голова спокойная и ясная ни одной лишней мысли.

Что со мной? Неужели я выспалась?

Поворачиваю голову. Артёма рядом нет. Вчера он тоже вылез из ванны первым, чтобы подготовить кровать, потом нашёл мне новую щётку из числа запасных, помог выбраться и отнёс спать.

Рассеянно касаюсь нижней части живота. Вчера это случилось, а значит с сегодня я официально женщина, а не просто девочка. Мир не перевернулся, чувствую себя хорошо, но, мне кажется, во многом здесь заслуга Артёма. Очень уж трепетно он ко мне относится. Будто с хрустальной вазой. Даже не верится, что судьба, Бог или ещё кто послали мне такого человека. Чудного, необычного, но в том и прелесть.

Осторожно поднимаюсь на локтях, Артём принёс мою сумку и оставил дверь в гардеробную и ванную открытой. На кресле лежит несколько упаковок с плечиками. Намёк ясен, мне дали добро на захват территории. И я её обязательно захвачу.

Вещей у меня мало, многого не хватает. Артём то ли брал по минимуму, то ли оставлял то, что считал неподходящим. Пакета с его рубашкой не вижу. Забыл?

Разложив вещи и умывшись, я одеваюсь и иду искать Артёма, который обнаруживается работающим на диване в гостиной. Непривычно видеть его таким, в майке, подчёркивающей фигуру, и шортах.

— Доброе утро, — он захлопывает крышку ноутбука и кладёт его на столик. — Голодная?

— Пожалуй, — неловко улыбаюсь и принимаюсь. — Можно кофе?

— Конечно. Пойдём. Овсянку будешь?

— Сам варил? — спрашиваю я, замечая кастрюлю на плите.

— Да, — он вытаскивает из вазы с фруктами банан, чистит и быстро крошит его в тарелку. — С яблоками и орехами.

— О, здорово. А то я не очень люблю.

— Я раньше тоже не любил, а потом сам стал готовить. Куча полезного, плюс, когда она не выглядит, как непонятное месиво, которым угощали в детском саду или школе, сразу **и есть** приятнее.

Он ставит передо мной тарелку. Выглядит здорово. И кусочки банана в идеальный ряд. Почти ресторанный подача.

— Можно подумать, что ты её не сам сделал, заказал — усмехаюсь я.

— Сочту за комплимент, — он отворачивается к кофемашине, а я засматриваюсь на его спину.

— Какие на сегодня планы? — спрашиваю я. — Боже, я впервые не знаю, что мне делать.

— А что?

— Наверно нужно съездить к Женьке. Блин, Тём, спасибо. Если бы не твоя помощь, он бы погиб...

— Да, можно съездить. Я хочу подкинуть это дело знакомому, у него адвокатское бюро.

Чудес обещать не стану, но, мне кажется, они сильно вышли за границу допустимого, и за это их можно преспокойно наказать.

— Думаешь получится?

— Скоро узнаём. Если стрясём с них компенсацию, перенаправим в закрытие долга твоей семьи. В конце концов, это тяжкие телесные, не знаю, насколько всё серьёзно. Я переслал информацию, подождём, когда мой знакомый всё изучит, — он ставит передо мной кружку и хмурится. — В чём дело?

— Ни в чём, — вскользь мажу по глазам ладонью. — Просто не верится, что ты вот такой есть.

— Я пока ничего не сделал, — улыбается он, касаясь пальцами моего подбородка и вынуждая поднять голову.

Поцелуй. Спокойный и уверенный. Когда я рядом с ним, то действительно как за каменной стеной. Не верится, что смогла сама это ощутить, а не только прочитать в какой-нибудь книжке.

Идеальное утро прерывает сперва звонок, а после яростный стук по двери.

— В чём дело? — спрашиваю я. — Кто это?

— Леонов, мать твою! Немедленно открой дверь! — слышу женский голос со знакомыми нотками истерики.

— Может мне... спрятаться?

— Зачем? — поднимает бровь Артём. — Это моя квартира и я хочу, чтобы ты здесь была, — звонок снова оглашает трелью всю квартиру. — А вот ей я не рад.

— Может сделать вид, что нас нет дома? — шёпотом предлагаю я, а Артём усмехается.

— Боюсь, проблему это не решит. Хочу заранее извиниться перед тобой за всё, что сейчас произойдёт. Она непредсказуемая. Может наговорить такого бреда, что проще будет поверить в драконов и единорогов. Не воспринимай её слова всерьёз и не вздумай забыть, что она моё прошлое, а ты — настоящее и будущее.

В груди теплеет от этих слов. Становится так уютно, что даже факт неприятного разговора с Миланой, который должен состояться, независимо от того нравится мне это или нет. Артём прав, нужно решить этот вопрос раз и навсегда.

— Какого чёрта ты устроил?! — Милена врывается в квартиру, кажется, едва Артём поворачивает ручку замка. — Не берёшь трубку, ходишь не пойми где! Ты в курсе что...

Она скидывает туфли и по-хозяйски проходит в гостиную. Замечает меня и обрывается на полуслове. Я же демонстративно отправляю в рот кусочек банана и машу ей в знак приветствия.

— Артём, ты охренел? — она резко поворачивается к нему. — Это ещё кто?!

— Моя невеста.

— Чего? Ты штангу на голову уронил? Я твоя невеста!

— Нет, — усмехается Артём и подпирает плечом стену. — Мы с тобой расстались.

— Ты нормальный! Я, вообще-то, ребёнка жду!

— Поздравляю. А при чём тут я?

— Это твой ребёнок!

— Тогда почему ты отказалась пройти экспертизу?

— Потому что я волнуюсь за него и не позволю навредить моему малышу!

— Что ж, это, безусловно, твоё право, но, знаешь что? Без этой экспертизы тебе не привлечь меня к ответственности, не подумала?

— Ты серьёзно?! Собираешься просто так взять и отмахнуться от ребёнка?! Я думала ты сознательный и серьёзный парень, а ты! Чуть что — сразу за порог! Я тебя засужу, гад! Алименты платить будешь конские!

Узнаю тот же накал драмы, что и в больнице. Тогда я поверила ей, но второй раз, когда я уже в курсе ситуации, этот крик кажется наигранным и фальшивым. Отворачиваюсь и продолжаю завтрак.

— Почему же отказываюсь? Вовсе нет, — Артём говорит спокойно и буднично. — Я готов поддержать своего ребёнка. Когда будет понятно, что он мой.

— Ты хочешь по-плохому это решать?!

— Ну, раз уж по-хорошему у нас не вышло, давай так. Мила, ты почему-то считаешь меня идиотом, который не видит дальше собственного носа. Я не понимаю, это стереотипы, связанные с «парнями из качалки» или что. Хочешь скандала? Драмы как по учебнику? У меня нет на это времени. Если тебе нужно — мешать не стану. Развлекайся, ищи адвокатов, доказывай, что отец я. В свою очередь даю слово, что сдам все необходимые анализы.

Не выдерживая его спокойствия, Милана резко поворачивается ко мне.

— Довольна, дрянь?! Решила увести мужика из семьи, оставить ребёнка без отца?!

— Мила, язычок прикуси, — предупреждающе опускает подбородок Артём.

— Всё в порядке, — я кладу ложку на стол и поворачиваюсь к ней. — Отца ли? Что мешает тебе провести анализы, которые никак не вредят ребёнку? Это очень подозрительно. Со стороны.

Она не слушает меня.

— Ты же понимаешь, что ты с ним ненадолго? Что он и тебя бросит, когда наиграется? Он со всеми так. Сперва добрый и хороший, а после вот, — она указывает на Артёма. — Ты всего лишь игрушка в его руках! Как он тебя заманил? В ту помойку возил, да? В «гробу просыпалась»?

Признаю, это немного задевает, но мне удаётся удержать себя в руках. В конце концов, у Артёма есть прошлое. Логично, что этот квест до меня проходили и другие девушки.

— Что молчишь? Сказать нечего? Подожди ещё, окажешься на моём месте! И очень скоро, потому что ты — никакущая!

Не дожидаясь ответа, Милана разворачивается и идёт к выходу, бросая напоследок:

— Выброси эти коробки, Артём! Ребёнка ты не увидишь!

Хмыкаю и снова берусь за ложку. Выброси, как же. Чтобы она подкараулила и себе забрала? Что-то мне подсказывает, Милана на это способна.

Артём не спорит с беременной и беспокойной бывшей, провожает её и выпроваживает из квартиры. Слышу, как она цедит ему сквозь зубы ещё какие-то гадости про меня, Артём обрывает и, наконец, выгоняет её из квартиры, запирая дверь.

— Наелась, моя «очередная игрушка», — усмехается он, возвращаясь на своё место.

— Очень смешно, — хмыкаю я. — Можно сделать так, чтобы она больше тут не появлялась?

— Думаю, она и так не появится. Гордая, — Артём забирает тарелку, ополаскивает и ставит в посудомойку. — А теперь пошли собираться. Заедем к твоему брату, потом ещё в клуб заскочим, а после можем немного пройтись по магазинам.

— Да нет, ничего такого не нужно.

— Хватит скромничать. Ты переехала, тебе нужна всякая девчачья ерунда. Да хоть бомбочки эти. Прости, я не слишком разбираюсь.

— Да брось, ничего не...

Он подхватывает меня на руки и несёт в сторону спальни.

— Ты же слышала предупреждение Миланы? Я подлый тиран и буду причинять добро.

Смирись.

Меня пробивает на смех:

— Отпусти! Ты не можешь так со мной поступать! — пытаюсь кричать так же драматично. — Я человек, а не кукла какая-то!

Артём усмехается. В ярко-голубых глазах танцуют черти.

— И что ты сделаешь? Как собираешься мне помешать?

И правда, что? Мне не справиться с ним, мы оба это понимаем.

Безумие. Безнаказанность. И моя беспомощность.

— Чего ты хочешь?

— Ты знаешь ответ, — ухмыляется Артём.

Смотрю в его глаза и понимаю, что да, знаю.

— Сейчас не время...

— Увы, да. Собирайся скорее, у нас назначена встреча с лечащим врачом твоего брата чуть больше, чем через полтора часа.

— Что?! Ты почему не сказал?!

— Во-первых, потому, что я мерзавец и подлец, а во-вторых, ты бы засуетилась, а завтракать нужно. Всё нормально, успеваем.

Конечно успеваем! Во только... сердце у меня не на месте... как всё прошло?

Глава 44. Выписка

— Вот так, садись, — я помогаю Женьке опуститься на диванчик в кафе и подаю ему меню. — Нормально всё? Голова не кружится?

— Пойдёт. Ты совсем-то уж овощем меня не считай.

— Я не считаю. Просто твоё лечение сильно затянулось, а половину из диагнозов я даже выговорить не в состоянии. Да и... после полугода в коме мне хочется сдуть с тебя пылинки.

Женька усмехается. Из всей семьи только он поддерживает со мной хорошие отношения. Отец игнорирует все попытки. Их было немного, я быстро осознала, что если человеку не нужно, у меня нет шанса что-то в нём исправить. В конечном счёте, отношения — это всегда работа двоих, а стараться и тратить силы впустую мне не хочется.

— Больше полугода, — усмехается он. — Крепко приложили, да? Но тут я сам дурак, ляпнул лишнего. Вроде как, знаешь, защитить дом и всё такое. Я ж единственный мужик в семье.

— И остался, — грустно улыбаюсь я. — Когда те парни приехали, и дома был отец, он не сделал ничего. Мне кажется, подсунь ему договор дарения квартиры в тот момент и всё, жили бы на улице.

— Всё так плохо?

Я пытаюсь скрыть кольнувшую в груди досаду за улыбкой.

— Сложно сказать, я же не знаю, что было у него в голове. Но он выглядел таким безразличным. Я вообще не почувствовала разницы, что есть, что его нет.

— Мне в больнице тоже он казался отстранённым. Будто не здесь ещё, — Женька вздыхает и откладывает меню. — Словно, знаешь, всё ещё где-то далеко мыслями. Может... ну это, — он осторожно ведёт плечами, — ещё не до конца вернулся?

— Ну может, — хмыкаю я, тоже определившись.

Подходит официант, и мы делаем заказ. Я ловлю себя на том, что дико скучала по брату и общению с ним. То ли за время проведённое в больнице поднатаскался в вопросах эмпатии, то ли травма головы так сказалась, но теперь он очень даже интересный человек, который больше не видит в тебе функции, способной покормить, убраться, подкинуть денег на уплату долга. А может тут добавляется ещё и то, что иерархия изменилась. Условия тоже.

— Злишься на родителей? — спрашивает Женька.

Я задумываюсь и честно признаюсь:

— Да.

Он поднимает бровь. Собирается что-то сказать, но не решается и отводит взгляд.

— Мой психолог говорит, всем людям так или иначе есть за что злиться на родителей. Просто в случае одних это воспоминания о том, как заставили есть нелюбимую кашу, в другом что-то вроде нашей истории.

— Ты и к психологу успела походить? — Женька хитро щурится.

— Ага. Артём ходит и меня приучил.

— У него тоже проблемы с родителями?

— Отчасти, — я улыбаюсь и опускаю взгляд. — Артём говорит, что всем людям, независимо от профессии и ситуации в жизни полезно ходить к психологу. Это как следить за своим здоровьем и ежегодно диспансер. Тут так же только ещё важнее. Головой-то мы

чаще работаем.

— Мне просто сложно представить, о чём он говорит с психологом. Когда вы приходили, твой парень показался очень... м-м-м... короче, тем, у которого вообще никаких проблем в жизни.

— Отчасти поэтому. Он их сразу и решает.

Нам приносят кофе. Женька с наслаждением принимает. В больнице ему наверняка нечасто выпадал хороший.

— Твой жених ещё не передумал угостить меня абонементом в спортзале? — спрашивает он.

— Нет, а ты сам?

— Класс. Хочу форму подтянуть. Ну и, чтоб подобных ситуаций больше не возникало. Терять ещё один год мне не хочется. Да и здоровье не ахти.

— Не думаю, что тебе ещё раз свезёт столкнуться с коллекторами. Адвокаты Артёма развернули дело и теперь от долга ничего не осталось. На компенсацию мы сразу не особенно рассчитывали, но уже то, что нам не придётся расплачиваться со всем этим до конца жизни, не может не радовать.

— Да всё равно. Хоть видеться чаще будем. Ты же там, с ним работаешь?

Киваю с улыбкой. Оказалось, управлять фитнес-клубом ненамного сложнее, чем цветочным магазином, только нужно постоянно заказывать не розы, а воду и прочие мелочи, а вместо сложения букетов жонглировать часами работы тренеров и другого персонала.

— Женечка, ты что же это?! — в кафе забегают мама. — Надо было в больнице ждать! А если бы случилось что?

— Мам, если выписали, значит, я вполне способен пообедать с сестрой в кафе, — отрезает Женька, улыбнувшись мне и отодвигая стул для неё. — Ты голодная? Закажи что-нибудь.

— Ой, дорого всё, — она приветствует меня кивком и косится на наши порции. — А что вы тут. Я бы и дома лазанью вам приготовила. Деньги бы не тратили.

— Здесь не настолько дорого, — усмехаюсь я. — Правда, закажи. Я сегодня угощаю.

— Вот ещё, — фыркает она, ревниво наблюдая за тем, как Женька ест, а потом, видимо, чтобы отвлечься, переводит взгляд на меня. — Ну, как твои дела, Марин?

— Хорошо. Работаю понемногу. Танцами начала заниматься. В клубе появился тренер на групповые. Теперь вот, хожу.

— Ой, ну... — мама собиралась возмутиться, но, помня о том, как я реагирую на критику своих вкусов, меняет тему. — Когда свадьба?

— Летим через две недели.

— Что? Куда?

— В Исландию, — снова улыбаюсь. — Там на южном побережье есть безумно красивый пляж с чёрным песком. Мы заказали платье с длинным шлейфом, так что фото должны быть изумительными.

Мама моргает.

— Так, Марин, я не понимаю. Как всё это связано со свадьбой?

— Мне хочется выйти замуж в необычном месте, — объясняю я. — Мы долго перебирали варианты и сошлись на том, что чёрный песок это будет незабываемо. В Агентствах есть услуга выездной регистрации.

— И что? Как ты всех гостей в Исландию-то повезёшь? Это же целый самолёт нужен

заказывать.

Я чувствую надвигающуюся ссору.

— Мы полетим вдвоём. С нами будет только распорядитель и фотограф.

— И что же это за свадьба такая?

Очень романтическая и личная.

Пока я обдумываю ответ, мама продолжает:

— Марин, ну не дури. Надо как все, выкупить кафе, позвать гостей. А каравай? А тамада? Конкурсы опять же. Ты ж пойми, свадьба-то один раз должна быть. Чтоб запомнилось.

— Ага, запомнится, — смеётся Женька. — Пьяной дракой и поездкой в обезьянник. Не слушай, Маринка. Пляж, значит пляж. Там купаться можно?

— Нет, там прохладно всегда, около десяти градусов должно быть, когда прилетим.

— Ну и что это за пляж такой? Простудишься. — возмущается мама. — Давай я тётя Наташе позвоню? У неё кафе хорошее, отметим по-человечески. Хоть с отцом помиришься.

Меня передёргивает. Я должна буду испортить себе лучший день ради призрачной возможности понравиться отцу, который даже говорить со мной не хочет?

Чувствую, что начинаю заводить себя и качаю головой:

— Нет, мам. Если хотите, я сниму вам кафе тётя Наташи, но отмечать с вами не буду. Мне не хочется такого праздника.

— А люди что скажут?

— Люди постоянно что-то говорят. А потом забывают, что говорили. Я себя буду слушать. Чёрный пляж с дорогушим и очень талантливым фотографом. Чтобы фото нашей свадьбы можно было распечатать и повесить как картину.

— Непослушная девчонка, — мама всё же берёт меню, просто чтобы занять руки, но, я надеюсь, она что-то всё же закажет. — И как Артём с тобой справляется? Ругаетесь поди сильно? Ты смотри, упустишь такого мужика из-за вредности своей.

Ну и ну. Сперва пусть катится на все четыре стороны, и «видеть его в своём доме не желаю», а теперь «не вздумай упустить»? В странное время мы живём.

Люди постоянно что-то говорят. Я уже общаюсь так же, как Артём.

— Ему не нужно со мной справляться. Мы умеем договариваться.

Глава 45. Сюрприз под дверью

Я просыпаюсь от странного шума, совсем не свойственного нашей квартире — детского плача. Некоторое время просто лежу, уставившись в потолок и пытаюсь понять, что происходит.

Откуда взялся ребёнку? Я ещё сплю или Артём слишком громко телевизор включил? Впрочем, нет, он осторожный и будить меня не любит. Да и вообще он сегодня собирался пораньше уехать в зал, чтобы помочь с разгрузкой нового инвентаря и тренажёров.

Детский крик повторяется. Похоже, там совсем младенец. Ничего не понимаю, может к нам в гости кто-то зашёл?

Поднимаюсь с кровати, расправляю одеяло по привычке и накидываю на плечи халат. Выхожу из комнаты, приглаживая растрёпанные волосы, и застаю мужа за нервным кружением вокруг кухонного острова. На его руках лежит ребёнок, который и издаёт весь этот шум.

— Тём? В чём дело?

Артём останавливается. Когда он нервничает, его взгляд быстро перемещается по комнате, не задерживаясь ни на чём надолго. Рассказывал, что в такие моменты мир кажется калейдоскопом, так что он едва понимает, где что находится.

— Разбудил? Прости, — Артём трясёт головой, пытаюсь собраться. — Я не понимаю, как его успокоить.

— Откуда этот ребёнок вообще взялся? — я подхожу ближе.

Артём поджимает губы и вздыхает. Отводит взгляд, но потом нехотя признаётся и кивает на диван, где стоит детское автокресло. рядом свёрнутый лист бумаги. Подхожу и беру его в руки.

— Нашёл его у двери, когда возвращался, — признаётся Артём, когда я разворачиваю бумагу. — Извини. Думал, разберусь с этим быстрее.

У меня по спине пробегает холодок. Я разворачиваю бумагу и читаю:

«Мне плевать, на ваши idiotские тесты! Теперь он — твоя проблема! Разбирайся сам!»

Даже гадать не нужно, чей это почерк. И ребёнок тоже. Миланы.

— Тесты? О чём она, Тём? — я так же нервно смотрю на младенца. Не знаю, сколько ему, но он кажется совсем маленьким.

— Всё это время она жила у моего знакомого, вздыхает Артём. Он мягче, поверил ей в историю с отцовством. Сделал тест, оказалось, не отец.

— Так он... твой? — я сглатываю.

Артём качает головой, и с моих плеч будто камень падает.

— В том и ирония. Говорили с тем парнем, я тоже сдал тест. Ребёнок не наш. Сложность в том, что мы понятия не имеем, чей он. Раз оказался на нашем пороге, они с Милой, похоже, расстались при не самых приятных обстоятельствах.

Малыш успокаивается. А может просто устаёт плакать и затихает на руках у Артёма. Чувствую одновременно и жалость к нему и злость к его непутёвой мамаше.

— Что будем делать? — растерянно спрашиваю я.

— По идее, нужно звонить в полицию. Или даже в скорую. Они заберут ребёнка и, наверно поместят в детский дом, но... — поднимает взгляд. В яркой синеве явно ощущается сомнение. — Не уверен, что так будет правильно.

— Оставить его мы не можем, — напоминаю я. — Это как минимум преступление.

— Да, — соглашается Артём. — Я подумал о другом, но он расплакался, не успел проверить.

Я непонимающе свожу брови. Артём, который явно успокоился, когда младенец перестал плакать, а я не устроила скандал из-за его появления, улыбается и объясняет.

— У меня есть номер матери Милы. Хочу позвонить ей и рассказать, что у нас тут. Если всё пройдет так, как я думаю, можно будет отвезти ребёнка к ней.

Я оживляюсь.

— Слушай, а отличная идея! Милана сейчас на нервах, но, может, когда она одумается, то поймёт, что нужна ему. А малыш не останется с чужими людьми, которым до него не будет дела.

— Вроде того, — кивает Артём. — Сейчас он немного успокоится, положу обратно в кресло и наберу её.

— Дай мне пять минут умыться, я помогу с ним, — улыбаюсь я.

— Да всё в норме, незачем...

— Не спорь, вместе разберёмся, — подмигиваю я.

Быстро убегаю в ванну и переодеваюсь. Выбираю футболку, которую не жалко испачкать, дети же. Когда выбегаю обратно, в гостиную Артём всё так же ходит с ребёнком на руках, читая что-то в телефоне.

— Плохие новости, он злится, если его положить, — объявляет мой муж. — Хорошие — я дозвонился до мамы Милы. Она в шоке, но очень просит привезти ребёнка ей, сама не доберётся.

— Отлично, — я подхожу к ним и заглядываю в одеялко. Не без внутреннего облегчения тмечаю, что на Артёма ребёнок вообще не похож. — Давай, наверно позавтракаем, прежде чем ехать?

— Да, нужно подготовиться. Она живёт в области, до туда часов пять ехать.

— Оу, — я прикусываю губу. Тогда нужно подготовиться как следует. Я погуглю, что нужно брать в дорогу. Заедем в магазин или лучше закажем?

— Тебе не обязательно, ввязываться в это. Оставайся дома, сегодня выходной. Должен был быть. Это моё прошлое и моя проблема.

— Прекрати. Ты помогал моей семье столько раз что я со счёта сбилась. Если придётся ехать пять часов, тебе точно потребуется помощь.

Артём не спорит, но в его взгляде теплится благодарность. На самом деле он справляется с ребёнком весьма неплохо для того, кто впервые этим занимается. По нему видно, что он не слишком уверен в том, что делает всё правильно, но то, что Артём не паникует и не суетится, о многом говорит.

Впервые я вижу его с этой стороны и чётко осознаю, насколько мне с ним повезло. Уверена, он будет отличным отцом, когда у нас появятся свои дети.

— Окей, тогда давай гуглить, что нужно детям в поездку и как всем этим пользоваться, делаем заказ, если чего не будет, заедем, а потом в путь, — кивает Артём. — Займёшься или мне?

— Давай лучше ты. А я попробую подружиться с этим парнем, раз уж в поездке решать

большую часть его проблем нужно будет мне. И закажи, пожалуйста, завтрак?

— Конечно.

Артём осторожно передаёт мне ребёнка, поддерживая голову. Затем ловит за подбородок и целует.

— Спасибо. Не представляешь, как я рад, что ты у меня есть.

— Хотела сказать то же самое, — усмехаюсь я и смотрю на малыша.

Какой же он крошечный, божечки... Так правда бывает? Будто игрушечный. Таращит на меня большие чёрные глаза. Не представляю, сколько ему, но ещё раз убеждаюсь, что отдавать такую крошку в дом малютки разорвёт мне сердце. Мила точно пожалеет, но это предательство будет уже на её совести.

Артём отходит, берёт в руки телефон и, заказав еду, давно разобравшись в моих вкусах, задерживает взгляд на мне, присевшей с ребёнком на диван. Я замечаю, что он смотрит, и наклоняю голову:

— Что?

— Подумал, что очень хочу от тебя детей.

— Думаешь, у меня получится?

— Я в этом уверен, — он раскрывает ноутбук и разминает пальцы. — Итак. Интуиция подсказывает мне, что первое, что я должен закинуть в машину — подгузники.

— Да. И... да, пусть их привезут поскорее, этот, кажется, всё, — я поднимаю голову. — Думаю, лучше его снять, не будет же он грязным лежать, правильно? Уверена, это не полезно.

— Согласен. Давай постелим в кресло какой-нибудь пакет, сверху полотенце и просто накроем его так? — рассуждает Артём. — Привезут всё необходимое, тогда и приоденем.

Я цокаю языком не сдержавшись:

— Ненавижу твою бывшую. Может заявим на неё в полицию? Бросила малыша, чуть ли не на улице! А если бы нас дома не было?

— Увы, она неплохо меня знает. Потому и бросила его здесь, а не у второго потенциального отца. Знала, что мне совесть не позволит. Тот бы просто сдал его полиции, а там ещё умудрись забрать ребёнка. С бабушкой он будет в безопасности.

— Жалеешь ты её, — смягчаюсь я.

— Скорее его, — Артём кивает на младенца. — Вижу повторение истории и не могу поступить иначе. Пойдём, попробуем его помыть. Я скинул тебе видео, будешь держать телефон и подсказывать, всё ли правильно я делаю.

Я медленно выдыхаю и поднимаюсь вместе с малышом.

Всё это похоже на ещё один квест, но... как и в первый раз мне нравится проходить его с Артёмом.

Я играю в тетрис, пытаюсь аккуратно сложить вещи в коробку. У Артёма большая машина, но мне хочется поездку в комфорте, а значит стоит проявить аккуратность.

— Маринка, ну что ты в самом деле? — говорит динамик лежащего рядом телефона голосом мамы. — Что ты там делать собралась? Одна. А случится что, кто тебе поможет?

— Я еду с Артёмом.

— Да он сидит на работе своей, сама же говорила. На тебя совсем внимания не обращает.

— Это неправда, не выдумывай, — обрываю я.

Не знаю, зачем я слушаю. Чем ближе поездка, тем больше мама жаждет общения со мной. Артём говорит, что это снова из-за потери контроля и влияния на меня. Не могу не согласиться, всё так.

Я прекрасно понимаю, что она мной манипулирует. Пытается во всяком случае. Мне нужно, как правильно говорится, сепарироваться от неё, но я пока не могу. Отчасти перекидываю ответственность на Артёма.

— Но Марин. Куда ты лезешь, а? Пусть он дин едет в свою Сибирь, как в ссылку, ей-богу. Там холодно. Болеть будешь постоянно.

— Нормально там. И я всё равно поеду, мы же вместе работаем.

— Вот он бы ехал и открывал свои филиалы. А ты бы сидела в квартире, как нормальный человек. Что у тебя здесь, работы нет? Могу найти.

— Мам, хватит. Я поеду со своим мужем. Мы семья и должны держаться вместе.

— Ох, вот наплачешься ты ещё с ним.

— Он великолепный муж, иногда я сама себе завидую.

— Ну а если случится что? Как вы будете? — начинает она по новому кругу.

Можно подумать, если я останусь, меня ждёт какая-то особенная помощь. Отец по-прежнему видеть меня не желает, а я не стремлюсь делать шаг ему навстречу. Можно подумать, я виновата в том, что неродная ему. А уж жечь мосты и не общаться с ребёнком, которого ты с пелёнок знаешь, обвиняя его во всех грехах — совсем уж подлость.

Не хочет, ну и бог ему судья. Переживу.

Всю помощь мне оказывал тот, с кем я и еду. Не вижу ни одной причины задерживаться тут.

Пожалуй, стоит заявить прямо, грубо оборвать контакты, но я пока не могу

— Мам, прекрати. Я так решила.

— Ну и что, поедешь, как жена декабриста.

— Не вижу в этом ничего плохого.

Этот спор тянется уже долго. Мы будто перебрасывали друг другу мячик. Мама в бессмысленной надежде, что я передумаю и вернусь «в семью», не обращая внимания на то, что отец меня и на порог не пустит, а я... пытаюсь собраться с духом и рассказать новости. Не только о том, что мы с Артёмом уезжаем к Уралу, чтобы искать место и открывать новый «Фитлайф».

— Как там папа?

— Ничего. На работу пытается устроиться. Так не берут. Из-за судимости.

— А куда он хочет?

— Всё туда же.

— Это глупая затея, — качаю головой. — Его судили за ввоз незарегистрированных препаратов и сбыт через твою больницу, а теперь он хочет снова на ту же работу? Разве не очевидно, что его не возьмут?

— Серёжа своё отсидел, хоть и не должен был, — вздыхает мама. — Нас подставили, я же объясняла. Артур Валерианович, гореть ему в аду, сбежал за границу, едва проверки начались, а мы куда? У нас дети. Серёжа на себя вину взял...

— Нет, мам, это тебя подставили. Ладно уж, дело прошлое. Предложи ему найти другую профессию. Сомневаюсь, что в этой он сможет устроиться. Все будут бояться рецидива.

— Он своё отсидел, — упрямо повторяет.

Мне сложно говорить с ней. Мама не признаёт, что я уже не ребёнок, давит своим авторитетом и не хочет прислушиваться к мнению со стороны. Для неё я так и осталась непутёвой девочкой, которую нужно поучать, она не видит во мне взрослой женщины.

Над отношениями должны работать двое. Если я в состоянии справиться с этим, то маме сложно свыкнуться с переменами. Я не могу заставить её видеть меня иначе.

Слышу щелчок открывающейся двери и голоса и тороплюсь завершить разговор:

— Ладно мам, пока. Мне пора бежать, позвоню уже с нового места.

— Мариночка, а может...

— Целую, мам, мне пора!

Я сбрасываю и поднимаюсь с искренней и оживающей улыбкой. Выхожу из комнаты и вижу бабушку, она разрешает, даже требует, чтобы я называла её так, с букетом.

— А вот и моя красавица! — годы не властны над этой женщиной. Она выглядит живее, чем многие в тридцать. — Здравствуй, Мариночка! Собралась уже?

— Да, всё готово, — целую подошедшего Артёма в щёку. — Вы голодные? Пойдёмте обедать, у меня лазанья стоит в духовке.

— Вот это да, — радуется бабушка. — Сейчас тогда руки помоем.

— Ага, а я пока накрою и цветы поставлю.

Я намеренно расставляю приборы на четверых. Когда Артём и бабушка возвращаются, взгляд моего мужа задерживается на лишнем наборе, но он ничего не говорит. Бабушка и вовсе не обращает внимания, решив, что это для симметрии. Позже даже утаскивает вилку, чтобы использовать её для салата.

Пока нас с Артёмом не будет, она перебирается в нашу квартиру. Ей нужно пройти обследования, да и просто "вернуться к социуму". Оказавшись за столом, она называет с десяток городских мероприятий, которые хочет посетить только на этой неделе.

Кухня оживает от смеха и голосов. Одно присутствие этой утончённой и удивительно позитивной женщины заряжает пространство уютом. Так и не скажешь, что раньше она работала в органах и занималась преступлениями вроде того, что совершил мой отец.

— Похоже, кто-то совсем заскучал за городом, — усмехается Артём, наливая себе чай.

— Да. Природа, конечно, удивительна, но с моим образом жизни просто необходимо чередовать её с чем-то. Я там с ума схожу. Даже в клубе была с молодёжью на дискотеке, ты представляешь?

— Показали им, как надо веселиться? — улыбаюсь я.

— Они учили меня танцу, для этого... как там... тук-тука?

Мы с Артёмом смеёмся, а затем он говорит:

— Запишись к нам в зал. Там есть групповые, по танцам в том числе. Я не ходил, но

Марина говорит, что это весело.

— Очень! И йога в гамаках! Моя отдельная любовь!

— Ого, — бабушка потирает ладони. — Так, главное не забыть. Если что буду звонить и спрашивать, что там куда.

— Без проблем, — кивает Артём. — Я предупрежу Машу, чтобы объяснила, что там где.

Я убираю грязные тарелки в посудомойку и достаю из холодильника коробку с тортом. Обновляю приборы, снова на четверых. Артём сводит брови и ловит мой взгляд. Как синестетик он не может игнорировать такие вещи и спрашивает.

— Мы ждём ещё кого-то?

Я сажусь на своё место рядом с ним и киваю. Короткий взгляд на часы совпадает со звонком в дверь.

— Родной, откроешь? — хлопаю ресницами.

Он вытирает рот салфеткой и встаёт. Мы с бабушкой переглядываемся, она уже знает, что за сюрприз я приготовила. Хихикаем, будто школьницы.

Артём возвращается с белым конвертом, на котором должно быть написано его имя, и недоумевающим выражением лица. Садится на своё место и выразительно смотрит на меня.

Качнув головой, он ломает печать и открывает конверт. Вынимает сложенную распечатку и письмо. Похоже, начинает догадываться, потому что его лицо меняется, а пальцы, кажется, подрагивают.

Развернув письмо, Артём смотрит на него, а после читает:

— Папа, извини, опаздываю. Увидимся примерно через восемь месяцев... — он сглатывает и смотрит на меня. Ярко-голубые глаза блестят сильнее обычного. — Маленькая, это сон или реальность?

— А ты снимок посмотри! — весело хохочет бабушка, выхватывая у него письмо.

Артём закрывает глаза, затем находит мою руку и тянет к себе, усаживая на колени. Я обнимаю его и прячу лицо у его плеча, не сдержав слёзы.

— Мне просто сказать нечего, — он прижимает меня к себе, крепко, но очень аккуратно. — Проклятье, я перенесу поездку. Давай сперва отметим это где-то. Куда ты хочешь? Назови любое место и едем в аэропорт.

— Да брось, нам же ехать долго. Ещё здание искать.

— Подождёт. Я не каждый день получаю такие подарки. Хочу сделать его особенным.

— Перекрыть пытаешься, — смеюсь я. — Сам говорил, что не на рынке и нечего взвешивать, кто кому и сколько дал.

— Ой, да ладно тебе, — усмехается бабушка. — Поезжайте, конечно. Отдых никому ещё не вредил. Клуб и правда никуда не денется.

— Придётся пересобрать вещи, — смеюсь я, счастливо глядя на Артёма. — Но это приятные хлопоты. Люблю летать. Только вот куда? Есть идеи?

— Вези куда-то к морю, — советует бабушка.

— Да, хорошо, — соглашаюсь я.

— На солёненькое тянет, — усмехается Артём. — Не вопрос. Сейчас найдём тебе лучшее и самое красивое море. А ты беги собираться.

Я спрыгиваю с его колен и иду в спальню, потрошить сложенные вещи. Внутри зажигается волна восторженного предвкушения. Спонтанная поездка, приключение, маньяк умеет кардинально менять планы. Наша жизнь непредсказуема, но полна ярких красок.

За это я его и люблю.

